

REdRUM

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ УЖАСОВ

№3

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕКРАСНОЕ УЖАСНО, НЕ БУДЬ!

Слово редактора 2

РАССКАЗЫ

Алексей Шолохов

«Вежливое общение» 3

Алексей Жарков

«Проснись!» 13

Денис Назаров

«Восток» 19

Богдан Гонтарь

«За шторами» 39

Дмитрий Козлов

«151» 55

Дмитрий Мордас

«Угол» 68

Сергей Буридамов

«Шесть порций» 71

Олег Кожин

«Зверинец» 84

СТИХИ

Ирина Епифанова

Стихи 101

МАСТЕРСКАЯ

Мария Артемьева «Метаформы.
Метафоры. Метаморфозы» 103

ДОПРОСНАЯ

Художник в ужасах

Интервью

с Михаилом Городецким 109

ОПЫТЫ

Валерий Тищенко

«Ктулху играет рок» 113

АНАТОМИЧКА

Лес повешенных 118

ОБРУБКИ

Александр Подольский

«Быстрые свидания» 124

УЖАСЫ В КАРТИНКАХ

Михаил Артемьев

«Шубка из рыжей лисы»

(по рассказу Марии Артемьевой) ... 125

RedRum, № 3, апрель 2016 | Журнал литературно-художественный, 18+

Главный редактор: Мария Артемьева

Дизайн, верстка: Денис Назаров

Иллюстрации в номере: Михаил Городецкий,

Игорь Авильченко, Александр Павлов

Оформление обложки: Михаил Артемьев

Издание: группа ВК vk.com/redrum_mag

Москва,

типография «Белый ветер».

Подписано в печать: 03.04.2016 г.

Тираж 60 экз.

ПРЕКРАСНОЕ УЖАСНО, НЕ БУДЬ!

Есть люди, которые принципиально не читают «ужасы». Потому что — стресс. Лучше мыслить позитивно. А страх — это либо гадости, либо глупости. Не надо его.

Но тогда зачем взрослые пугают детей бабайками и кощяями? Зачем сами дети, подрастая, пугают друг друга «синими руками», «черными комнатами»?

Почему мы читаем триллеры, смотрим «Чужих»?

Когда мои дети были маленькими, я сделала удивительное открытие: маленьким детям страх не присущ от рождения. Страх в них приходится воспитывать. Учить бояться!

Потому что иначе — они и впрямь могут сунуть пальцы в розетку. Схватить горячий утюг. Они такое могут вытворить!..

Они полны бесстрашения, как дураки или идиоты. Все родители маленьких детей это знают. А помимо прочего, лет до 2-х — 2,5 дети еще и большие материалисты. Мне пришлось немало пофокусничать, чтобы заставить дочерей бояться каких-то Тука-Тука и Бадачищу. Которые — вот, слышите, стучат большими ножищами? — придут и скушают вас, если глаза не закроете, ведь спать давно пора!

Страх — важный инструмент развития человека — его мозга, фантазии, психики. Очень мощный инструмент! Страх будит любопытство, подталкивает к обучению, к познанию своих возможностей, своего я. Страх расставляет приоритеты: скажи мне, чего ты боишься — и я скажу, кто ты. Тот, за кого ты боишься больше всего — тот, возможно, дорог тебе больше жизни. Таково чувство настоящей любви...

Жизнь человека, который ни разу не испугался — скучна и уныла... Но из всех адреналиновых допингов современного мира самый волшебный — это страх выдуманный. Ужасы, которые мы умеем отбросить, включив свет или закрыв книгу — прекрасны! Мы сильнее их.

Тука-Тука и Бадачища никогда не приходят.

Мария Артемьева,
главный редактор

АЛЕКСЕЙ ШОЛОХОВ

«Как-то я заскочил в страховую компанию (нужно было вписать человека в страховку) и застрял там на дольше, чем рассчитывал. Чтобы как-то скоротать время, я принял изучать их информационную доску. Лист А4 в левом верхнем углу привлек мое внимание. „Мы встречаем Вас с улыбкой. Мы хотим, чтобы наше общение с самого начала было вежливым, приятным и полезным“. Обычные слова обычного продавца услуг, но в тот момент я подумал не о нем. Я подумал: а что, если эти же слова скажет мне... Кто-то другой. Не человек, например?»

ВЕЖЛИВОЕ ОБЩЕНИЕ

Дмитрий Лидин вышел из сквера и повернулся в сторону улицы Новой, когда услышал приятный, с легкой хрипотцой голос.

— Эй,уважаемый!

Голос не был ни мужским, ни женским.

— Уважаемый! — повторил кто-то.

Лидин осмотрелся и, не увидев никого, пошел дальше.

— Это не вежливо.

Дмитрий снова остановился, прислушиваясь к хорошо поставленному голоску-унисекс. Странно, но он ему слышался с разных сторон.

— Мы же хотим, чтобы наше общение с самого начала было вежливым, приятным и полезным?

— Кто это сказал? — Дмитрий был в замешательстве.

— Здрасте! — раздалось из-за куста в полу метре от Лидина. — Ты что, мудак?

Вопрос, если начистоту, поставил Диму в ступор окончательно. Он не позволял так разговаривать с собой. Никому. Но сейчас он даже не видел собеседника. И еще ему показался более чем странным перепад — сначала говорит о вежливости, а потом ругается, как голпник. На самом деле от перестановки мест... Даже если бы Диму вначале разговора назвали мудаком, а потом призвали быть вежливым, ничего бы не изменилось.

— Ты кто? — почему-то шепотом спросил Лидин.

— Конь в кенгурачьем пальто!

Обычно, если это выражение приходило ему в голову, он улыбался, но не сейчас. Теперь ему было не улыбок. Это пришло не ему в голову, это сказал кто-то, кого он даже не видел.

Дима ожидал увидеть обладателя приятного голоса, но никто так и не показался. Дима подождал еще какое-то время, но больше так ничего и не услышал. Почудилось?

«Ты что, мудак?» — вспомнил Дима.

Это разве могло почудиться? Возможно. Ему даже могла почудиться фраза «конь в кенгурачьем пальто». Почудиться, прийти в голову в ответ на собственный вопрос: ты кто, но как быть с монологом о вежливости и улыбке?

Дуновение ветерка, шелест листвы?

Ты что, *мудак*!?

Именно эти слова характеризовали его нынешнее состояние как нельзя лучше.

Над тобой кто-то поиздевался, а сейчас сидит за кустом и посмеивается.

Дима сделал шаг в сторону куста и резко раздвинул ветки. Кроме мопса, вылизывающего собственную промежность, там никого не было.

— Бл*ть! — в сердцах выпалил Лидин. — Какого хера?!

Мопс оторвался от своего занятия и с укором посмотрел на человека. Дима готов был поклясться, что во взгляде животного читался именно укор.

— Трудно относиться с уважением к тому, кто вылизывает собственные яйца, да?

Лидин уже который раз за десять минут был шокирован. Тот же голос, те же поучительные интонации. Все это время с ним говорил пес?!

Не смотря на состояние близкое к обморочному, Дмитрий нашел в себе силы, чтобы ответить:

— Извините, сорвалось...

— Ничего, мы привычные, — кивнул пес и пару раз лизнул между ног. — Знаешь, сколько их не лижи, все равно такое ощущение, что грязный.

Мопс еще раз лизнул, что-то сплюнул (до сегодняшнего дня Лидин не знал, что собаки умеют сплевывать, хотя говорящие наверняка умеют) и встал.

— Ну что ж, давай ближе к делу. Ты же не думаешь, что я заговорил с тобой, чтобы показать тебе свои яйца?

Дмитрий замотал головой. Нет, конечно, он так не думал. Он вообще ни о чем не думал. Просто в голову ничего не лезло.

— Мне нужна помощь...

— Моя? — поспешил спросил Дмитрий и в который раз уже пожалел, что не поехал на автобусе.

— Нет, бля, кенгуру за твоей спиной! — грубо ответил пес и Лидину даже показалось, что еще чуть-чуть — и он зарычит или тяпнет его за ногу.

Дмитрий прекрасно понимал, что до Австралии далеко, а местный зоопарк под надежной охраной, но все равно обернулся. Появление за спиной кенгуру стало бы не большим потрясением, чем разговор с карликовой псиной. Там никого не было.

— Итак, помощь, — напомнил пес, когда Лидин повернулся к нему.

— Там нет никакого кенгуру, — непонятно для чего сказал Лидин.

— Нет, ну почему из трехсоттысяч жителей этого города мне достался именно ты?

Дмитрий пожал плечами. Он действительно не понимал, почему цирковой или волшебный пес, говорящий как диктор телевидения, выбрал в собеседники именно его.

— Ну, ты будешь слушать?

Лидин кивнул, едва подавив желание сбежать. Мопс потоптался на месте, потом сел и произнес:

— Я хочу, чтоб ты убил кое-кого...

Подготовка к преступлению занимала практически все свободное время Лидина. Если честно, то не только свободное. Дмитрий думал об этом все вре-

мя. О разговоре с собакой, о ненависти мопса к своим хозяевам, о том, что какая-то блохастая тварь размерами с кошку не дала ему ни единого шанса на отступление. Пес знал о нем все. Именно знание некоторых сокровенных тайн повлияло на окончательное решение Дмитрия.

Откуда эта тварь узнала о его деяниях в студенчестве, он не знал, но мопс расписал все так подробно, что не было никаких сомнений — пес был тогда среди них, одним из них. Дмитрий даже попытался прикинуть, сколько могло быть лет мопсу сейчас. По всему выходило, что даже если бы пес родился в тот самый момент, когда петля из шарфа затянулась на шее таксиста, то мопс уже года два как лежал бы в земле в конце огорода своих ненавистных хозяев. Нет, при всем уважении к говорящим псам, этот коротышка не мог видеть, что они сделали в далеком девяносто втором. Да он и сам не помнил подробностей убийства. Лидин был пьян. Его заволокли в такси, и очнулся он только... Черт! Мопс обвинял Лидина в убийстве таксиста точь-в-точь как двадцать три года назад это делал его лучший дружок — Серега Гаркалин, с молчаливого согласия Юрки Переверзева. Лидин ничего не помнил, но со слов друзей — это он вспылил и, накинув шарф на шею таксисту, задушил его. Дмитрий с легкостью поверил в это. Все знали, на что способен Лидин, когда выпьет. Агрессивен, вспыльчив, он бросался на каждого, кто косо смотрел или пытался выяснить с ним отношения. Проблемный собутыльник. Со временем от таких отворачиваются даже самые близкие.

Именно поэтому Дмитрию и пришлось бросить пить. Он просто не хотел остаться один. А еще он не хотел оказаться за решеткой. И если с таксистом ему удалось избежать наказания, то больше ему может не повезти.

В общем, Лидин пить бросил, а друзья рассосались сами собой. Время беспощадно, и к тридцати годам они поняли, что связывала их только выпивка. К сорока Дмитрий понял, что прекрасно обходится и без друзей. Тем более что к тому времени в его жизни появилась женщина, которая заменяла ему всех, весь мир. Она была для него всем, даже немножечко больше.

Лидин взял с полки над плазмой снимок в рамке. Это они в Египте. Единственное место, куда им удалось слетать. Нина погибла сразу же, как они вернулись. Дмитрий никого не винил... ведь это могло случиться с кем угодно. Он просто хотел, чтобы... «общение с самого начала было вежливым, приятным и полезным»... Глупые слова мопса отлично описывали желания Димы на тот момент. Но вежливость не у всех в чести.

Одиночество и безысходность нахлынули новой волной. Иногда он все-таки думал, что это кара ему за таксиста. Кара за безрассудную молодость. Получалось, что он винил все-таки себя. Дмитрий положил портрет лицом вниз. Так он делал всегда на протяжении года со дня смерти Нины. Всегда, когда не мог совладать со слезами.

Появление пса в день годовщины ее смерти могло лишь значить, что он «слетел с катушек», свихнулся, сошел с ума. Впервые здравая мысль заставила его посмотреть на этот фарс с беседами с карликовой собачкой под другим углом. Но три сильных удара в дверь вернули его в шкуру трусливого убийцы таксиста, боящегося, что правда всплынет. Дмитрий все еще сомневался, но четко представлял себе за дверью наглого мопса. Говорящей псине ничего не

может помешать постучаться в дверь, правда?

Однажды Лидин даже подумал — не убить ли вежливого ублюдка? Но тот его предупредил, несколько опережая события. Мол, о таксисте известно еще кое-кому. И Лидин поверил. А что ему оставалось делать? Кто ж его знает, с кем он еще, кроме Лидина разговаривает?

Да, мысли об убийстве пса больше его не донимали, но ненависть к мопсу никуда не делась.

Дмитрий открыл дверь, ожидая увидеть ухмыляющуюся морду. Но за дверью никого не было. Только на площадке лежал сложенный вдвое листок. Дмитрий осмотрелся, подошел к перилам и глянул вниз, а потом наверх и когда в подъезде никого не обнаружил, нагнулся и поднял письмо. Вряд ли кто додумался бы оставить пустой лист. Лидин развернул его и прочитал одно единственное слово:

Поторопись

Написано красивым, а самое главное — знакомым почерком. И снова мысль, что над ним кто-то издевается, посетила Лидина. Ведь мог же Серега Гаркалин после того, как они расстались, завести себе мопса и рассказать ему их тайну? Знал ли Гаркалин, что пес разговаривает? Вряд ли. Может быть, на самом деле, все собаки умеют разговаривать? Они просто это умело скрывают. Чтобы не оправдываться за вылизывание промежности и спрингование нужды в тапки хозяина.

Поторопись

Говорящий мопс еще и пишет? Сука! Он наверняка еще и на гитаре играет. Но Лидину было не весело. Тварь торопила его. Что именно ему сделали его хозяева, Дмитрий уточнять не стал, у него пропал к этому интерес, как только мопс упомянул задушенного таксиста. Как он их убьет, ему предстояло еще придумать... И он придумал. Возможно, сыграла свою роль записка с одним-единственным словом.

Нужно было все обдумать. Он не хотел в тюрьму. Моральная сторона вопроса его интересовала в последнюю очередь. Сначала.

Дмитрий подошел к подготовке с душой и полной выкладкой. С утра — пробежка, турник и брусья, вечером — тир. Уже после первого посещения тира Лидин решил, что это ему не пригодится. Шумно и, что немаловажно, оружие достать несколько проблематично. Даже если он и сможет прихватить с собой пару патронов, то в лучшем случае они у него повиснут на связке ключей, а в худшем...

Нет, он в тюрьму не хотел. Нужно было что-то тихое.

Лидин понимал, что любое преступление ведет к неминуемому наказанию. Даже ребенок знает, что за нехороший поступок непременно следует порицание. Убийство двух человек — очень нехороший поступок. Были мысли пойти в полицию и сдать заказчика. Но он сам до сих пор не мог поверить в то, что с ним разговаривает мопс, а в полиции в лучшем случае над ним посмеются, да

и выбросят. Ну, а в худшем — пес расскажет о его грехах. Возможно, даже не сам.
Нет, в тюрьму он не хотел.

Сегодняшняя пробежка будет последней. Дмитрий выложился в последней стометровке и остановился, чтобы отдохнуть. Вот если честно, сейчас, согнувшись и упервшись руками в колени, Дмитрий меньше всего ожидал увидеть морду мопса.

— Долго ты кота за яйца тянуть будешь?

Дмитрий с трудом подавил желание пнуть собачонку.

— Завтра, — выдохнул Лидин и выпрямился.

Даже возвышаясь над тварью более чем на полтора метра, он чувствовал собственную ничтожность.

— Я наблюдаю за тобой, — сказал мопс, подошел к кустам, поднял заднюю лапу, помочился, не сводя глаз с Лидина, и потрусил к выходу из парка.

И почему сейчас не практикуется отлов собак? — подумал Дмитрий и снова уперся руками в колени. Глубоко вдохнул, а затем выдохнул. Вдохнул, выдохнул.

Даже если у этого пса не было ошейника, и его поймали бы, он выкрутился бы. Как пить дать, выкрутился бы.

— Потому что его долбаное общение с самого начала вежливое, приятное и полезное, — передразнил мопса Лидин, выпрямился и пошел в противоположную сторону от входа. Ему нужно было еще подумать.

Шарф — это то, что нужно. Тихо и эффективно. Лучшего он и придумать не мог. И пусть решение это ему пришло из воспоминаний о содеянном, о былом преступлении, за которое как бы он ни хотел, но расплачиваться приходится. Да еще как расплачиваться! Убить двух, ни в чем не повинных людей. Лидин даже представлять не хотел, как могли «насолить» эти люди собаке. Вместо Chappi дали Wiscas? Не разрешили лизать яйца в присутствии детей? Да нет же! Мопс-бунтарь просто отказался носить тапки хозяину. Черт! Как ни крути, нет таких злодеяний, за которые можно приговорить их к смерти. Лидин не состоял в обществе защиты животных и поэтому в его голове не укладывалось наказание людей даже за жестокое обращение с братьями нашими меньшими. Тем более — убийство...

А убийство таксиста укладывалось в твоей голове? За что ты его? Что, даже мотива не было? Тогда заткнись! — голос мопса прозвенел в голове Дмитрия так звонко и отчетливо, что он даже огляделся.

— Хорошо! — вслух сказал Лидин.

Женщина, прогуливающаяся рядом, ускорила шаг.

Безгрешных не бывает, подумал Дмитрий. Но для себя решил, что будет убивать невинных, таких же, как и тот таксист, что ни говори. Но как только он их увидел, ему стало плевать, что именно они делали с мопсом. Дмитрий их захотел убить просто так, без причин, за то, что рожами не вышли. Или вышли... Однаковые, как брат и сестра. Толстолицые, с заплывшими глазами и жирными влажными губами. Такие могли мопса сожрать на завтрак и запить кофе. Мотив пса Лидину был понятен. Он уместился в большой, словно на-дугая грелка, ладони хозяйки. Пушистый комок с бантом на голове. Кажется

какой-то там терьер. Наверняка не вонял псиной и яйца не вылизывал. То есть — полная противоположность вежливому мопсу. Вот он и взъелся.

Вырисовывалась одна проблемка — теперь он со своим шарфом только им на запястья. Коротковат, да и неуместен. Пока Дмитрий продавит их многочисленные подбородки, они умрут. Либо от смеха, либо от старости. Оба варианта его не устраивали. Но отступать было поздно.

Сегодня ночью он их убьет.

Без десяти час Дмитрий перелез через двухметровый забор. Спрятался в кусты, пахнущие кошачьей мочой; топорик для разделки мяса, привязанный к поясу, больно ударил по ноге. Лидин скривился и, в который уже раз, ненадолго помянул родню мопса.

Он прошел к входной двери и толкнул ее. Заперто. Лидин предполагал подобное развитие событий. Буржуй спать не ляжет, пока все двери не запрет. Есть что беречь сукам. Долбаный мопс снова обманул.

— Странно.

Черт! Лидин отшатнулся.

— Они никогда не запирались.

На крыльце сидел мопс и покачивал головой.

— Наверное, боятся, что болонку их украдут. — Пес встал. — Пойдем, есть еще одна лазейка.

Откуда это чучело здесь? Хотя... Он же маленький — мог и пролезть где-нибудь. Дмитрий очень надеялся, что сейчас он ведет его к лазейке большей, чем его вылизанный зад.

Лазейка оказалась что надо — дверь задней террасы была металлопластиковой со стеклопакетом, такие отжимаются отверткой. Дмитрий вытащил топор, вставил лезвие между дверью и коробкой, отжал и дернул за ручку. Дверь с легкостью открылась. Мопс снова куда-то делся. Это даже хорошо. Не слышать его голос, оказывается, очень приятно.

Лидин вошел в большую комнату. Глаза привыкли к темноте, поэтому он без труда прошел к двери в основное здание. Мебели в комнате было минимум. Книжные полки, огромный диван и тумба с плавмой с завидной диагональю. О такой Дмитрий мог только мечтать. У Лидина в спальне стоял старенький «Рекорд» с 14-ой трубкой, на который он молился.

— В тюрьме телевизора вообще не будет.

Нет, в тюрьму я не хочу, подумал Дмитрий.

— Тогда пошевеливайся. Ты думаешь, если тебя застукают у плавмы...

— Я понял, понял!

Только сейчас Лидин сообразил, что разговаривает с мопсом. Пес снова рядом.

— Слушай, а если нас учуянет болонка? — шепотом спросил Дмитрий.

— Терьер...

— Что?

— Я говорю: это не болонка, это терьер.

— Плевать!

— Не беспокойся, его я беру на себя.

Они вышли в холл — просторный, больше спальни Лидина точно. Лестница на

второй этаж была широкой — хоть рояль заноси, за что Дмитрий еще больше возненавидел хозяев этих излишеств. Почему так несправедливо все?

Кто-то откармливает задницу с роялем, а потом строит дом, чтобы этой жопе не было тесно. А кто-то кроме неприятностей на свой тощий зад ничего не имеет.

Лидин поставил ногу на первую ступеньку и замер, прислушиваясь к звукам ночного дома. Мопса не было рядом. Дмитрий на несколько секунд «засвис», размышая о том, зачем он здесь и не уйти ли ему, пока все не зашло слишком далеко. Задушенный таксист улыбнулся ему из глубин сознания.

Беги, беги, и тогда все узнают, кто меня задушил, — прошептал мертвец, снял шарф с распухшей шеи и помахал им, будто прощаюсь.

— Ну, чего застыл? — Мопс появился на верхней ступеньке. — Мне напомнить?

Следующий жест поверг Лидина в шок. Он уже смирился со всем, что умеет пес. Казалось, начни мопс вышивать крестиком, Дмитрий принял бы это как должное. Но этот жест стал неожиданным, что ли. Пес обвел лапой вокруг головы и поднял вверх, словно затягивает петлю, при этом тварь умудрилась закатить глаза и высунуть язык. Лидин такое раньше видел только в анимационных лентах. Сейчас этот «мультик» о нем. И впервые ему не нравился мультфильм.

— Я помню, — огрызнулся Дмитрий и едва сдержался, чтобы не пнуть пса.

Обошел его справа и направился к мерцающей синеве из-под двери. Звука телевизора он не слышал — либо его приглушили, либо это мерцание не от него. Бред, конечно, хотя...

Дмитрий на секунду замер. Перебрал в уме несколько фильмов о прищельцах, известных ему. Свечение коконов, обшивки кораблей — нет. Не то. Это просто телевизор. А жаль! Инопланетное происхождение этих буржуев, по крайней мере, могло объяснить их пренебрежительное отношение к простым людям. Богатые ублюдки! Один из таких вот... Нет, он все понимал — такое могло случиться с каждым, но, черт возьми, как можно быть такой тварью, если ты называешься человеком?! Лидин не понимал, почему сученыш в восемнадцать лет имел дорогостоящий автомобиль и черствое сердце. Ведь ублюдок даже не вышел из машины, когда сбил Нину! Возможно, он мог бы помочь. Мог, если бы захотел помочь, захотел исправить то, что натворил. Дмитрий не понимал, как этому малолетнему куску говна удалось избежать наказания. Как, если ты не инопланетянин? Как, сука?!

Лидин не заметил, когда достал топорик и до боли в пальцах скжал рукоятку. В следующий момент левая рука Дмитрия открыла дверь, а ноги переступили порог. Он ничего не соображал. Ощущение какой-то другой реальности, ненастящей, виртуальной, было настолько сильным, что он даже не сопротивлялся. Им руководила ярость.

Мопс снова исчез, но Дмитрию было наплевать. Он не думал ни о псине, ни о таксисте.

Дмитрий подошел к двуспальной кровати, не скрываясь. В бликах от телевизора толстое лицо выглядело отвратительно и чужеродно. Женщина спала. Вдруг ее лицо скривилось, жирные губы зашевелились, производя чавкающий звук. Сука, жрет даже во сне. Дмитрий замахнулся для удара и тут же мощный толчок в спину сбил его с ног. Он перевалился через угол кровати, но топор из рук не выпустил. Лидин слишком поздно заметил, что рядом с толстухой

пустое место. Толчок в спину привел его в чувство, вернул в реальный мир.

— Что, сука, поживиться думал?

Интонации в голосе показались Дмитрию знакомыми. Буржуи все так разговаривают? Так, будто перед ними собачье дермо. Толстяк взял с комода лампу в виде бронзовой скульптуры и пошел на Лидина. Сиськи жирдяя тряслись так, что, казалось, он не идет, а смеется от души.

Дмитрий подскочил, бросился первым и тут же получил лампой по голове. Всользь, в шею и ухо. Хруст, и правую сторону обдало нестерпимым жаром. Лидин снова упал и в этот раз выронил топорик.

— Сука! Поживиться хотел? — как заведенный, повторял толстяк.

Лидин глянул на супругу хозяина. Она сидела на кровати, прикрыв толстой ладошкой рот. Блики от телевизора прыгали в широко открытых глазах. Дмитрий подскочил, в виске что-то колынуло, и он снова присел. Именно это и спасло его голову от новой встречи с бронзовой скульптурой-лампой. Толстяк по инерции завалился чуть влево и вперед. Лидин не стал дожидаться, когда хозяин дома снова попытается его ударить. Времени искать топорик не было. Дмитрий выхватил шарф и, зайдя за спину толстяка, накинул ему на шею. Мужчина замер на несколько секунд, будто давая Лидину устроиться поудобнее. Скорее всего, от неожиданности, ведь таким, как он и в голову не могло прийти, что кто-то может себе позволить применить насилие по отношению к ним.

Дмитрий обмотал шарф и потянул за концы. И тут толстяк ожил. Он выпрямился, попытался схватить душителя, но Лидин стягивал петлю сильнее и сильнее. Толстяк захрипел, задергался, попытался засунуть под шарф толстые пальцы-сардельки. Лидин болтался на мужчине, словно галстук. Но толстяк сдавался. Дмитрий чувствовал это и давил все сильнее. Толстяк упал на колени, а потом завалился на бок и затих. А Дмитрий все давил и давил, сидя у него на спине.

— Какого хера ты сидишь?!

Лидин ослабил петлю и посмотрел на монса.

— Заткни эту тварь, пока сюда не набежало...

Только сейчас Дмитрий услышал вопли. Толстуха все еще сидела на кровати и орала. Хозяйка не ожидала такого развития событий, поэтому, когда ее муж избивал незваного гостя, сука молчала. Как только от супруга отвернулась удача, женщина заверещала.

Дмитрий не спеша слез с покойника, поднял топор (удивительно — когда никуда не спешишь, потерянные предметы так быстро находятся) и пошел к кровати. Задумай толстуха играть с ним в догонялки, это была бы самая короткая игра в ее жизни. Блиц-погоня.

Он просто подошел, замахнулся и опустил топор. Толстуха подставила руку. Лезвие топора отseklo три пальца и вошло в лица, разделяя нос надвое. Крик стих, но женщина была еще жива. Она, открыв широко глаза, смотрела на убийцу. Влажный от крови рот открывался и закрывался. Дмитрий ударили еще раз. Топор вошел глубже и чуть правее первой раны, отсекая толстую щеку. Женщина закатила глаза и завалилась на бок. Лидин ударил еще и еще. За лезвием поднималась, а потом распадалась на нити кровавая завеса. Вокруг все было в крови. А Дмитрий бил и бил. Он злился на себя. Не на этих

жирных хозяев жизни и даже не на мопса, а на себя. За то, что он позволил втянуть себя во все это.

Лидин остановился. Рука замерла, не закончив траектории, в паре сантиметров от кровавого месива когда-то бывшего лицом. Дмитрий всмотрелся в ощерившиеся костями и зубами раны. Перевел взгляд на труп мужчины.

— Что я наделал? — прошептал Лидин.

Он все вспомнил. Таксист был таким же здоровяком, как и толстяк, привалившийся к комоду. Дмитрий не смог бы задушить его в семнадцать лет в одиночку. И воспоминания подтвердили это. Они были нечеткие, будто за пеленой тумана, но он видел, как убивали таксиста. Убивали! Лидин спал пьяный, когда с него сняли шарф и задушили водителя. Его друзья убили таксиста и обвинили в этом Лидина.

Дмитрий присел на кровать.

Они обвинили его. Они и этот проклятый пес.

Дмитрий осмотрелся. Мопс сидел на окровавленной груди женщины и вылизывал вытекший глаз толстухи.

— Ты знал, что я его не убивал? — спокойно спросил Лидин.

Пес оторвался от глазницы и посмотрел на человека так, будто тот только что вошел в комнату. У мопса был настолько глупый вид, что Лидин даже засомневался — разговаривал ли с ним пес.

— Какое это теперь имеет значение?

Все-таки разговаривал.

— Знал, что это не я его убил?

Где-то завыли сирены.

— Ну, знал.

Пес спрыгнул с груди женщины на кровать и подошел к Лидину.

— Если б я на тебя не нажал, ты бы так и не решился разобраться с этими...

Не решился. Дмитрий кивнул и посмотрел на толстяка у комода. Он хотел спросить, при чем тут эти двое, когда увидел портрет, лежащий на огромной заднице мертвого мужчины.

Лидин встал, подошел к трупу и поднял портрет. Он узнал их сразу же. Всех троих. Молодой наглый ублюдок даже со снимка бросал вызов окружающему миру. Восемнадцатилетний подонок вел себя так, будто от него зависело — взойдет завтра солнце или нет. Это как минимум. Он был похож на отца... А, может, на мать. Лет через десять наверняка будет таким же жирным. Три толстяка... Дмитрий хмыкнул и отбросил портрет. Тот снова лег на задницу толстяка. Лидин присмотрелся. На трусах расплылось пятно. Обосрался, а в тот единственный раз, когда они виделись, он не был так жалок, да и поживей был чуть-чуть. Грозный, со свирепым взглядом и норовом. Будто только вчера снял малиновый пиджак. Сменил шкурку, а как был бандитом, так и остался.

— Обосрался, сука! — повторил вслух Лидин.

Дмитрий даже на суде считал, что это случайность, которая не выбирает ни исполнителей, ни жертв. Но, черт возьми, он ждал хотя бы извинений. Он ждал долбаной вежливости. Не от переростка с наглой ухмылкой, а от родителей, от этих жирных свиней. Ведь они-то пожили и прекрасно знали, что сбить человека — это не кошку переехать. И если они за восемнадцать лет

не смогли это донести до своего чада, то сами-то должны понимать. Их сын сбил Нину! Он сбил человека и бросил умирать на дороге! Ублюдок сломал несколько жизней сразу, одним махом. И долбаные извинения — это было самым ничтожным, что они могли сделать. Но Дмитрий не дождался и этого.

На суде они вели себя нагло и все время улыбались. Лидин подумал еще тогда: вот она, настоящая банда. А еще он уже тогда знал, что виновной окажется Нина, бросившаяся под колеса ехавшего с допустимой скоростью автомобиля. Перед последним заседанием Лидин подошел к ублюдку и произнес одну лишь фразу:

— Когда твоих родных убьют, тебе придется жить с тем, что это твоя вина.

И только тут, в спальне с окровавленными трупами родных этого ублюдка, Лидин понял, что он не почувствует своей вины. Единственное, что такие как он, могут почувствовать — так это нехватку денег.

— Это не твои хозяева, — зачем-то сказал Дима.

— А я этого и не говорил...

Теперь Лидин вспомнил, что пес действительно ни разу не назвал их хозяевами. Мне нужно, чтобы ты убил кое-кого, — вот что сказал мопс.

Паршивый пес втянул его в то, на что сам Дмитрий не решился бы никогда.

— Что я наделал? — прошептал Лидин.

— Ты сломал чью-то жизни взамен своей.

Мопс спрыгнул с кровати и зацокал коготками к двери. Дмитрий услышал тяжелые шаги с лестницы.

— Я знаю, кто ты, — зачем-то сказал Дима.

Он вспомнил и это. Нина в день своей гибели купила мопса. Лидин мог бы подумать, что это он, купленный Ниной, но от пса после наезда остался кровавый комок шерсти. Так что — вряд ли...

Мопс исчез за секунду до того, как дверь едва не слетела с петель.

— Брось топор! Руки за голову! — громыхнуло от двери.

— Наше общение должно быть вежливым, — улыбнулся Лидин и бросился на полицейских.

Три пули, вонзившиеся в грудь, так и не смогли стереть улыбку с лица Лидина.

АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ

«Мне кажется, мы тратим жизнь зря. У нас есть руки, ноги, голова... У большинства это есть, но мы, владея этим богатством — спускаем его на пустое, а ведь оно портится, стареет, а мы так и сидим по уютам своих леней. Большинство. Нам нужна мотивация или угроза поострее?»

*«За дверью всё бессмысленно.
Там слишком много радости, к которой
ты не имеешь отношения».*
Иосиф Бродский

Этой записью со мной поделился мой друг полицейский. Её обнаружили на смартфоне одного «кавказца», взятого за торговлю краденым. В поисках зацепки или какой-нибудь связи этого жулика с другими, следователи проверяли всё, в том числе и его потрёпанный смартфон, где могли оказаться «фотки, звоночки, видосы». Всё это, конечно же, нашлось, но кроме этого, была одна странная диктофонная запись. Всего одна.

— К делу не относится, — сказал мой друг, вручая мне флешку, — но ты можешь состряпать из этого романчик.

Это юмор у него такой.

Роман из этого, конечно же, не «состряпать», к тому же запись достаточно красноречива и без моего художественного вмешательства.

Слушайте...

(громкий шорох одежды)

Значит так, жил я один. Снимал квартиру. И мне нравилась моя жизнь — совершенная свобода, никто не говорит, что и как я должен делать, никто не выносит мне мозг, и ничего от меня не ждёт, и всё это было хорошо... Пока не появились эти сообщения, эти, блин, «послания». Ну, то есть, пока я не добрался до самых последних...

Раз утром я вышел из квартиры и вызвал лифт, а там внутри на стене надпись, чем-то красным, огромная надпись на всю стену: «Проснись!!!!». С четырьмя восклицательными знаками. Не три знака, не пять — их было четыре. И дело даже не в самой надписи, она там давно. Какие-то алкаши или хулиганы, видимо... Всю неделю она мне глаза мозолила в нашем лифте, но именно тем утром я понял, что каждый раз, когда её вижу, к ней добавляется восклицательный знак. Странное дело. Но это не всё — на следующий день под ней появилось кое-что еще: «Они уже близко, Лёха, проснись!».

Меня зовут Лёха, кстати.

И я, конечно, не спал, я шел на работу.

ПРОСНИСЬ!

(пауза)

Затем, через пару дней, кажется, мне пришлось покупать у водителя автобуса новую карту проезда, свою я дома забыл. У водителя карта дороже, но пришлось. Не ахти какие деньги, но я копил тогда на машину, муторно так копил на новую машину, потому что на хорошую... Ну, водитель просунул карту в щелочку, дал сдачи. Мелочь я высypал в карман, а карту стал крутить в руках, разглядывать зачем-то стал, и на обратной стороне там был текст.

«Лёха, проснись, они уже рядом».

Да черт меня дери! Рядом сидела девушка в наушниках. Я попросил её показать мне её карточку. Она фыркнула и отвернулась. Тогда я показал ей свою, спросил, есть ли на её карточке такая же надпись, ведь я же видел, как она покупает у водителя карту. Прямо передо мной. Вот ведь вреднота.

Показала. У неё на карточке такого не нашлось.

Девушка была в пятницу. Я запомнил, потому что все выходные после этого случая просидел весь день дома, никуда не выходил, играл в «танки», даже к своей не пошел, сказал, что голова болит. Она охала, ахала, решила, что я заболел, собираясь навестить. Ну да, ещё не хватало. У меня же игра, пиво, свободное время, все дела. Я вообще ходил к ней из жалости — она толстая и некрасивая. С такой даже на улицу выйти неловко. Ну, то есть, буквально неудобно. Зато у неё дома полно презервативов. А мне надо было экономить. Я хотел купить машину.

(глубокий вздох и пауза)

Так вот, в следующий понедельник всё повторилось. Вообще, каждый будний день всё было одинаково — кофе, лифт, автобус, метро, затем пешком через турникет, снова лифт... Кресло, экран и гарнитура — наушники с микрофоном. Я работал в колл-центре. Отвечал клиентам на их дурацкие вопросы, всегда одни и те же: «как заблокировать карту», «почему не проходит пароль», «сколько у меня на счету денег осталось», «где ближайший банкомат вашего, блин, грёбаного банка». И ответы тоже одинаковые. Каждый день, всю неделю, месяц, весь год... Их список, вообще, был у меня на экране — всех возможных вопросов и ответов — в самом начале я с ним сверялся, а потом просто выучил, точнее, они сами выучились, отпечатались в памяти. Не зря же я высшее получал, голова-то соображает. Вообще, простая работа. Правда, и деньги за неё платили не ахти какие, но зато регулярно и с индексацией. Каждый звонок я регистрировал в базе. Выбирал из списка, ставил галочки, а база отвечала «окей».

Всегда один и тот же «окей».

В тот понедельник она ответила не так, не «окей».

(пауза, сопение)

«Леха, ты всё еще спишь. Проснись. Они уже за дверью».

(вздох, тишина)

Я это хорошо запомнил, про дверь. У нас же там «оупен-спейс», никаких стен, сидим в огромном помещении размером с футбольное поле, ближайшая

дверь, наверное, метрах в ста, да и вообще... Что за бред? Я спустился покурить, вниз, в такой мерзкий аквариум, без сигареты в нём тошнит. Думал, отойду, успокоюсь... Но встретился с нашим главным. Не «топом», а так... «подтопником», которому платили больше. Накачанный баран, он курил и тыкал своими толстыми пальцами в этот свой грёбаный айфон. Новый, сука, айфон. Я бы, может, тоже потыкал, в новый-то айфон, но я тогда копил на машину. Что бы эти гады все утёрлись.

(шумный выдох и пауза)

Сколько потом дней прошло, я не помню. Два, три, не помню, может быть, и неделя прошла. Была зарплата, и один хмырь из моего ряда увольнялся. Виталик. Устроил что-то вроде банкета: вино из пакетов, нарезка из вакуума, тосты эти «за процветание компании»... Кому она, нафиг, нужна, эта компания? Ну, и всякое такое. Только он не работу нашел получше, а уезжал куда-то. И вот, отчаливая в туалет, он мне выдал записку.

«Они уже рядом. Перед тобой».

Так в ней было написано. Вот урод. А я был уже пьяный тогда, подошел к нему, когда он вернулся, и он тоже пьяный, и я спросил, что это значит. Лыбится, зубы скалит:

«Всё», — говорит.

Тогда я скомкал и швырнул ему в лицо эту писульку. Помочь он мне хотел, вот сейчас мне, блин, кто поможет?!

(эмоционально и нецензурно ругается)

Ладно, утром мне сказали, что он поехал волонтёром расчищать какую-то «Пирамиду» на Шпицбергене. Бесплатно. Псих. Достало меня всё это, и я двинул к своей корове. Катя, блин. У неё бездонный запас презервативов, свечки какие-то возбуждающие и полный шкаф всяких настоек и чаёв, чтобы увеличивать потенцию. Мою, конечно, у неё-то с этим всё зашибись. Мы смотрели телевизор, и пили «Окское». Помню, она копалась рукой у меня в штанах и жарко дышала мне в лицо. «О-о... а-а...», блин, до чего же противная. Я выпил пять, кажется, или шесть банок, постоянно бегал в туалет, и у меня тупо не стоял. Она решила, что надо помочь и взяла в рот... Фу, мерзость, даже я чувствовал этот... Запах.

Но её можно понять: если не я, тогда кто? Она же такая, даже без пива воротит. Да н-на, сучка, смотри, не подавись!

(смеётся)

Да, то был переломный день. Затем эти «послания» взялись за меня всерьёз.

Я сидел на унитазе, помню, когда увидел, как на двери передо мной появляется надпись. Фиолетовая помада этой дуры выступала на ровной белой двери, как пот:

«Прогни! Они режут твою ногу».

Ногу, блин... Я решил, что три литра — это я, конечно, зря, перебор, меня прямо швыряло в стороны, еле на ногах стоял. И вдруг что-то изменилось. Я запомнил это чувство. Страшно. Безвозвратная потеря. Одна моя нога стала

короче другой, и стоял я теперь криво. Посмотрел вниз, ну да — левой ступни не хватает.

(тяжелый вздох)

Жизнь проще, когда ты пьяный, вроде всё не настоящее. И неважное... Наверное, поэтому люди и пьют. Потерял ногу — да и бог с ней. Как будто она утром заново отрастёт. Ну, я вышел, открыл дверь, позвал Катю и спросил, нахрен это всё.

«Меня попросили», — сказала она.

«Кто?»

«Не знаю».

«А зачем?»

Опять «не знаю».

Помню, смотрю в её эти липкие поросячие глазки, а они бегают, переливаются... Вот я и напился.

«Лёш, да брось ты, пойдём спать».

Я сказал, что хочу домой.

«Да ну... — говорит, — оставайся. Я твою трость спрячу».

Какую еще трость?

«Как какую, — говорит, — эту!»

И я вижу — реально трость. Черная трость с блестящей рукояткой. За деревью у стены.

«Лёш, — говорит, — вот куда тебе сейчас домой?»

А я решил уйти и упал. Голова закружилась, всё поплыло, и я заорал на неё:

«Разбуди меня, сука, мне надо проснуться!»

«Тебе надо проспаться», — сказала она.

(пауза)

Утром башка болела, конечно. Я взял трость и двинул домой, как зомби. Но в лифте опять надпись, только теперь какая-то размазанная, вроде кто-то избавиться от неё хотел, но не получилось, и он внизу свежачок приписал: «Они взялись за вторую. Проснись! Они заберут всё».

Проснись, проснись... Мне было так плохо, и я лёг спать, а когда встал, была уже ночь... И не было обеих ступней. Носки стали гольфами.

Странно, но у меня нашлось два костыля. Легкие, алюминиевые, с рыжими засаленными подушечками для подмышек. Я их взял, вышел из квартиры, зашел в лифт. Там опять: «Руки». Вот так просто — руки. И ничего больше. Что делать, видимо, понятно и без команды. Я должен «проснуться». И я подумал: а как я могу проснуться, если я не сплю?

(вздох)

Вышел во двор. Внизу, у подъезда какой-то алкаш с почерневшим лицом, покачивается на скамейке, как камыш на болоте. Он мне кивнул. Я попросил ущипнуть, а он давай гримасничать, гнилая тварь: «А что дашь, а что дашь?»

«Ущипни блин, сука, кому говорят?»

Ну, он сложил пальцы и протянул ко мне, на мне рубашка была, тепло же

на улице, вот рубашка, а кисть из рукава только одна. Культа вместо второй.
«Твою же мать».

Он заметил это и всё равно руку тянет, а меня закачало, я снова чуть не упал. Решил, может, и верно, и мне надо реально проснуться, вдруг это действительно сон какой-то грёбаный, ведь не может такого быть... Не бывает!

Алкаш меня ушипнул — хорошо ушипнул, больно. Но этого, я понял, оказалось недостаточно, чтобы «проснуться», тогда я пошел к дороге. Бывает же, вот во сне, когда умираешь, то просыпаешься. Я так и решил. И пошел к дороге. Решил, пусть меня теперь автобус съебет.

Ну да...

Там на остановке никого, автобуса тоже нет. Наверное, было уже очень поздно, темно и тихо, пусто. Вид, как в сказке. Реально, как сон.

Я посмотрел на расписание — а там вместо номеров, всяких там маршрутов и интервалов — новое «послание». Чёрными обычными буквами, тем же шрифтом, что обычно все эти интервалы и пишут.

«Проснись! Скоро от тебя ничего не останется».

(тишина, пауза)

Когда подъехал автобус — я шагнул под колёса. Стало еще темнее, фонари потухли.

Ну и затем... Три месяца... Три месяца боли...

(пауза)

Теперь я здесь — на помойке. Тоже теперь отход, в грязи. Здесь воняют объедки, и тлёющая мусорка, много пивных банок и битого стекла, гадко... Всю жизнь я думал, всё будет иначе.

Осень, и холодное солнце, облака белые размазаны, синее и густое, глубокое небо — за ним же космос! Необъятное, безграничное, свободное... Но уже не моё... Я ведь хотел стать ученым, астрофизиком, в школе.

(пауза)

Костылей теперь нет, у меня инвалидное кресло. Старое и облезлое, воняет говном. А на ручке болтается мятый полиэтиленовый пакет с лёгкими пивными оболочками. Они как гильзы, эти банки.

(шелестит пакетом)

И ног у меня теперь нет, и рука только одна, да и та без кисти. Культа вот... Интересно, это я так, блин, проснулся? Или наоборот — еще крепче заснул? Сижу вот и не могу ничего понять, пытаюсь как-то рассуждать логически, напрягаю память, и думаю. Но всё время вспоминается почему-то та девушка в автобусе, с наушниками, она же мне понравилась... Надо было, конечно, с ней тогда... Как-то...

(очень длинная пауза, далёкий звук проезжающей машины)

Что теперь скажешь? Надо собирать банки, их можно сдать. Не ахти какие деньги, на бухло. Если второго найти. Еще одного вонючего бомжа. Тут рядом, в магазине, с черного хода продают водку, очень дешево.

(вздыхает)

Ладно, это еще не всё. Когда я здесь оказался, у меня в кармане загудел этот самый смартфон. Ну, я кое-как достал, потыкал носом, снял как бы трубку, а там «смс». «Ты мог стать другим. Прощай. Они лезут в голову».

Вот ублюдки...

И я решил всё записать, всё, что со мной произошло.

(пауза, слышно как вдалеке лает собака)

Уже знаю, что дальше будет.

(далёкий звон и шаги, скрежет битого стекла, чей-то хриплый голос)

«Слышишь, косой, вот он где... Дурак опять в помойке роется».

(шаги и голос становятся громче)

«Эй ты, дебил, еще раз свалишь — убью».

(неразборчивое мычание в ответ)

«Ну да, помычи еще, сука, жрачки не получишь. Тебе где сказали „гильзы“ собирать?»

(неразборчивая речь похожая на стон)

«Там и собирай. А это чо?.. А... О! Слышишь, косой, наш дебил мобилу нашел! Сука, гуляем, косой! Чухай сюда, зырь чо есть... Во даёт, ты прикинь, дурак дураком, а своего не упустит, она, кажись, еще и рабочая!.. Дай сюды... Ну, ты огурец, Лёха!»

(радостное мычание и звуки, похожие на смех, после которых запись обрывается)

ДЕНИС НАЗАРОВ

«Два основных вопроса беспокоили меня, заставив написать „Восток“. На один из них мы, возможно, получим ответ в ближайшем будущем – проблема существования человека и искусственного интеллекта. Ответ на второй находится, скорее всего, за гранью нашего понимания...»

Все шло не по плану. Вместо того, чтобы провести пару часов в каюте за книгой и потом забыться крепким сном перед новой сменой, Герману пришлось плестись в южный отсек. Он искренне жалел, что набор всего экипажа не лежал на его плечах. Пусть он и слабо разбирался в технических вопросах, однако смог бы найти куда более компетентных специалистов. Неужели вся эта толпа инженеров не могла справиться с проблемами? По каждому идиотско-му поводу они звали Германа, словно он разбирался в их работе лучше, чем они.

Раз уж у них уже была самая умная на свете машина, почему нельзя было решать все вопросы с ней? Вспомнить хотя бы прошлый случай. Его попросили прийти в середине смены только потому, что «Восток» замолчал и не реагировал на вызовы. Едва появился Герман, как машина ожила и сообщила типичную ежедневную сводку о состоянии систем корабля. Инженеры успокоились и рассыпались в неумелых благодарностях, а Герман, раздосадованный, двинулся обратно, не желая больше видеть этих умников. Федор – главный инженер, единственный, с которым у Германа сложились почти дружеские взаимоотношения, говорил, что, возможно, «Восток» просто шутит над ним. Он рассказывал, что инженеры вызывают его именно по просьбе «Востока», который, видимо, испытывал к Герману определенную симпатию. Капитану же было крайне сложно это понять. Для него «Восток» оставался не более, чем просто мощным компьютером. Конечно, перед полетом его ввели в курс дела, объяснив суть работы машины, да и Федор постоянно рассказывал об удивительных возможностях искусственного интеллекта, утверждая, что «Восток» умнее всего экипажа корабля, вместе взятого. Однако Герман хоть и соглашался, но больше для вида: никогда он не верил в столь безграничные возможности этой искусственной башки... Или же просто не хотел верить.

Он шагал по коридору, опустив голову и воображая, как в этот раз задаст жару чертовым инженерам, у которых, видимо, снова была какая-то дурацкая причина. Пора поставить всех этих бездельников на место или, возможно, выдать им больше полномочий по решению технических вопросов. В конце концов, у Германа хватало и других обязанностей. Не то, чтобы он пытался контролировать абсолютно все – для этого были соответствующие люди, но за время полета сложилась какая-то странная ситуация, из-за которой вдруг бригада инженеров решила, что нужно звать капитана по каждой мелкой прихоти «Востока». Словно именно он был тут главным, а вовсе не Герман.

ВОСТОК

По связи сообщили, что дело невероятно срочное, но ведь они всегда так говорили... Или же не всегда? Герман не помнил. Третий год полета давал о себе знать. Мария говорила, что это возможные симптомы нового расстройства, которому названия она пока не дала... По её словам примерно у трети экипажа наблюдались рассеянность, краткосрочная потеря памяти, частые головокружения. Некоторые видели странные вспышки перед глазами, а один из ремонтников признался, что наблюдал через иллюминатор собственный дом, парящий в невесомости. Однако впоследствии всячески отрицал возможность галлюцинации.

Герман не придавал этому особого значения. Мария ответственно относилась к работе, но, возможно, сама перегибала палку, выдумывая новые болезни. На все её опасения Герман отвечал одинаково: «Люди переживают сильнейший стресс, впервые находясь так далеко от родной планеты». Обычно Мария на этом замолкала, улыбалась и обнимала Германа, но в этот момент в её глазах читалось легкое снисхождение, словно он всего лишь глупый мальчишка, который не понимает, о чем говорит. Впрочем, Герман прощал это снисхождение. Всерьез злиться на Марию он просто не мог.

Автоматические двери открылись, и Герман вошел в самый большой отсек корабля, почти все пространство которого занимал «Восток». Самый умный компьютер, когда-либо изобретенный человеком, выглядел стильно, но не броско. Металлический цилиндр высотой в десять и диаметром в шесть метров спиралью опоясывала широкая металлическая лента, слегка утопленная в корпус. Цилиндр располагался в центре отсека. Нижняя его часть скрывалась в круглом, огороженном высокими перилами пространстве в полу. В правой части отсека располагался длинный пульт управления, за которым обычно трудились сразу десять инженеров — лучшие умы, обслуживающие идеальный ум. Сейчас инженеры, все как один, пялились в широкий монитор, расположенный в центре пульта, где выводилась вся важная информация о работе «Востока».

Герман подошел к инженерам и устало пробормотал:

— Что у вас?

Повернулся только Федор, остальные словно бы и не заметили прихода капитана, продолжая смотреть в экран.

— Герман Алексеевич! — рассеянно поздоровался Федор и протянул худую руку.

Герман, давно бросивший попытки заставить инженеров приветствовать капитана по форме, пожал её и глубоко вздохнул, выражая нетерпение. Настроение было ни к черту.

— Ну, так что случилось? — спросил он и остальные инженеры, наконец, отреагировали — повернувшись к капитану.

— Вы должны сами услышать, — сказал Федор и жестом попросил инженеров отойти. Нажал что-то на пульте, и на мониторе загорелась иконка микрофона.

— «Восток», — сказал Федор. — Сообщи капитану важную информацию.

— Неужто по связи нельзя было? — проворчал Герман.

— К сожалению, нет, — ответил Федор.

— Здравствуйте, капитан! — поздоровался «Восток» приятным женским голосом. Звук шел сразу со всех сторон: за воспроизведение голоса, а точнее,

голосов «Востока» отвечали сотни динамиков, расположенных по всему кораблю. В каждый момент времени «Восток» сам выбирал — какие каналы за действовать, так, например, он мог в любое время начать разговор с любым членом экипажа прямо в каюте. Нередко пытался заговорить и с Германом, который, однако, рубил на корню любую попытку «Востока» завести беседу. Видимо после этого машина и стала так часто звать его к себе в отсек, делая это через инженеров.

— Здравствуй! — ответил Герман недовольно. — Чем обязан?

— Герман Алексеевич, у меня есть важная информация для вас. Настоятельно прошу не распространять это сообщение среди членов экипажа, которые отсутствуют в этой комнате.

Герман выругался про себя. Не хватало еще, чтобы эта чертова машина учила его, как он должен исполнять свои обязанности.

— Десять минут назад я засекла посторонний сигнал, поступающий извне. Мне не удалось определить точные координаты: сигнал пропал. Но через двенадцать секунд появился вновь, и на этот раз я определила его безошибочно — сигнал поступал с борта нашего корабля.

Усталый мозг Германа несколько секунд переваривал полученную информацию.

— Это значит?..

— Это значит, что на корабле находится неизвестный источник сигнала. В районе грузового отсека — органическая форма жизни, отличная от человеческой. В настоящий момент объект все еще там.

Перед глазами Германа поплыло. Он поморгал, провел ладонью по волосам, помолчал, обдумывая столь странную информацию, и повернулся к Федору.

— Каким образом оно попало на корабль?

Федор пожал плечами, за него ответил «Восток».

— Никаких следов проникновения нет, все указывает на то, что данный объект оказался на корабле, не используя методов физического проникновения

— Как это возможно? — выкрикнул Герман. — Он что, телепортировался

Олег Кожин

Охота на удачу

В магазине
fiction.eksmo.ru

сюда? Что за бред?!

— К сожалению, метод его проникновения мне неизвестен.

— Чушь какая-то!

— Герман Алексеевич, — позвал Федор. — Я проверял карту сканирования, объект действительно там, все параметры указывают на то, что это не член экипажа. Объект излучает тепло, но температура его тела одиннадцать градусов, а размеры значительно превосходят человеческие.

— Чертовщина, — процедил Герман. Он не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Закрыв глаза, глубоко вдохнул и выдохнул, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце.

— Через полчаса у нас отбой, — сказал Герман. — Почти все будут в каютах. «Восток» прав, нельзя пока поднимать панику... Черт, о чём я? У нас тут правда внеземная форма жизни? Нам нужно предупредить...

— Капитан, — перебил «Восток». — Я считаю, что объявлять тревогу нельзя, мы не знаем намерений этого существа. Возможно, оно не представляет для нас опасности.

— Я отвечаю за безопасность на корабле! — выкрикнул Герман.

— Я понимаю, капитан, но советую Вам провести проверку с помощью небольшой команды людей. Сейчас грузовой отсек закрыт, никто не проникнет внутрь. Я впушу вас туда, заблокирую доступ и обеспечу наблюдение. Если что-то пойдет не так, я объявлю тревогу и при необходимости заблокирую каюты экипажа.

Герман оперся о пульт, опустив голову. «Восток» прав, — это он понимал, а еще понимал, что поступает как некомпетентный дурак, ведь он сам должен был предложить этот вариант. «Что со мной?» — думал он. — «Веду себя как мальчишка, а не капитан корабля. Возьми себя в руки!»

— Так и поступим, — сказал Герман, выпрямившись. — «Восток», вызови мне Игната и Алексея, пусть возьмут табельное оружие и встретят нас у входа отсек и, конечно, попроси их держать язык за зубами — приказ капитана. Пойдем втроем.

— Герман Алексеевич, — позвал Федор. — Могу я пойти с вами?

— Хорошо, — Герман кивнул. — Держаться за мной, на рожон не лезть.

— Само собой.

— «Восток», проследи, чтобы остальные инженеры не покидали отсек до моего возвращения.

— Я заблокирую южный отсек до дальнейших указаний, капитан, — сообщил «Восток».

Герман покосился на группу инженеров, ожидая протестов, но люди молча смотрели на капитана, явно напуганные разворачивающимися событиями.

— И еще, — добавил Герман. — Проследи, чтобы информация не попала к другим членам экипажа.

— Это первостепенно, капитан.

«Конечно же! Ты же у нас все продумал! — зло подумал Герман.

Но в этом были свои плюсы. По крайней мере, «Восток» мог просчитывать на несколько шагов вперед, а значит, вероятность того, что события пойдут не так, как нужно, была минимальной. По крайней мере, хотелось верить в это.

Герман и Федор двинулись к выходу.

— Спасибо, «Восток», — сказал Герман. Пожалуй, это был первый раз, когда он благодарил его.

— Это моя работа, капитан, — ответил тот.

— И отруби уже этот бабский голос.

— Как скажете, — отозвался «Восток» лязгающим голосом робота.

Герман засмеялся, подумав, что, может быть, «Восток» не такой уж и плох, все-таки чувство юмора у него есть, но едва они вышли из отсека, как навалились мрачные мысли перед встречей с неизвестным.

Они молча шагали через длинный коридор с гладкими стенами из панелей матового пластика, за которыми скрывались коммуникации корабля. Герман вспоминал, как впервые ступил на борт новенького «Зевса-18» и поразился внутреннему оформлению. Внутри все было на высшем уровне и продумано до мелочей. Внимание к деталям поражало. Все, от вентиляционных решеток до покрытия пола, создающего ощущение, будто шагаешь по мягкому ковру, было сделано на совесть. Напичканный до отказа последними технологиями и лучшими системами навигации, связи и управления отсеками, «Зевс» был не чета старенькому «Восходу» — кораблю, ставшему музеем, куда Германа еще в школьные годы водил отец. Там все было оформлено словно специально для того, чтобы вызвать у человека клаустрофобию: тесные коридоры, низкие потолки, открытые коммуникации. Казалось, что ты попал в желудок какого-то гигантского зверя. Хотя тогда мальчишку Германа «Восход» просто поразил.

Ну, и конечно же — сердцем «Зевса» был «Восток», уникальная самообучающаяся система искусственного интеллекта, которая по словам Федора уже давно обогнала уровень развития среднестатистического человека и очень скоро достигнет таких высот, которые невозможно даже вообразить. Федор говорил это, искренне восторгаясь, а вот Герман воспринимал со смесью скепсиса и настороженности. Было очевидно, что система обучается, но где та точка, когда они смогут сказать, что искусственный интеллект, наконец, вышел на новый, ранее невиданный уровень развития?

— Что ты думаешь об этом? — спросил Герман. Он старался шагать уверенно, но чем ближе они подходили к грузовому отсеку, тем сильнее он ощущал, как трясутся колени.

— Не знаю, — ответил Федор. — Если честно, то мне не по себе. Даже не уверен, страх это или, скорее, волнение перед, наверное, самой важной встречей в жизни. — Он нервно усмехнулся и почесал затылок.

— Странно это все, — признался Герман. — Я до сих пор не могу до конца понять. Вот кажется, сейчас мы просто идем по кораблю, как ходили тут тысячу раз, а мыслей о том, что мы вот-вот встретимся с чем-то неведомым совсем нет. Черт! Как будто все это дурной сон!

Герман лукавил. Конечно же, его фантазия рисовала дикие картины привидений, в основном выглядевшего как гибрид разных существ, которых он видел в старых фильмах ужасов, но в то же время не мог до конца смириться, что на борту прямо сейчас находится нечто чуждое и потенциально — крайне опасное.

Остальной путь до отсека они прошли молча. Игнат и Алексей ждали у входа.

На их лицах читалось искреннее недоумение и тревога. Больше в коридоре никого не было: почти весь экипаж к этому времени уже отдыхал в каютах.

— Капитан?.. — хором сказали они.

— Игнат, Алексей, — кивнул Герман. — Оружие при вас?

Игнат похлопал по кобуре на поясе, Алексей кивнул. Они молчали, ожидая, пока капитан введет их в курс дела.

— Недавно «Восток» засек странный сигнал, — полуушепотом начал Герман.

— Сначала вне пределов корабля, а потом и внутри него. Сканирование определило, что в грузовом отсеке находится неизвестная форма жизни, — Рассказывая, Герман наблюдал, как меняется выражение лиц охранников, переходя от недоумения к страху и непониманию.

— Информации о том, что это, и насколько опасно, нет. Также до сих пор не ясно, как оно попало на корабль и с какой целью, — продолжал Герман. — Нам необходимо быть крайне осторожными. Когда войдем, «Восток» заблокирует дверь. При любом проявлении агрессии со стороны объекта — открывайте огонь на поражение. Если почувствуете, что справиться с существом не удастся, необходимо срочно покинуть отсек. Все ясно?

— Так точно, — ответил Игнат.

— Все ясно, — сказал Алексей. Герман заметил, что крупный лоб охранника блестит от пота, а глаза бегают.

По их лицам читалось, что они ошарашены не меньше, чем сам Герман, однако лишних вопросов избегают.

— Крайне важно понять отношение объекта. Если он не представляет опасности — огонь не открывать и не пытаться его захватить. Если контакта не выйдет, необходимо покинуть отсек, заблокировать его и после этого решать, что будем делать дальше.

— Капитан, один вопрос, — обратился Игнат. — Я не понял, как оно попало на корабль?

— Как я уже сказал — это неизвестно, — ответил Герман. — Никаких внешних повреждений нет.

— Оно телепортировалось? — спросил Игнат, повторяя недавнюю догадку Германа.

Капитан лишь покачал головой.

— Теоретически, — сказал Федор. — В это слабо верится, но если оно все же имеет способность к телепортации, то двери для него не помеха.

— Не нужно гадать, — ответил Герман. — Пока нам ничего неизвестно.

Алексей вытер рукавом пот и расстегнул кобуру. Герман осмотрел коридор, и убедившись, что никого постороннего поблизости нет, тихо сказал:

— «Восток», открывай грузовой отсек.

«Восток» не ответил, но створки двери тихо шипя, разъехались в стороны, открыв проход в темный коридор.

— Твою мат! — выругался Герман. — «Восток», почему в грузовом отсеке нет света?

— Свет погас семь секунд назад, доступ к системе освещения в грузовом отсеке потерян, возможно, нарушение коммуникаций. Ищу причину.

— Ладно, доставайте фонари, — обратился Герман к охранникам.

Оба сняли с пояса фонарики и, включив их, осветили путь впереди. Коридор был чист. Герман стоял, прислушиваясь. Никаких посторонних звуков, только тихий шум вентиляционной системы.

— Ладно, двигаемся аккуратно, — сказал Герман. — Вперед!

Они вошли в коридор, и дверь за спиной закрылась, стало совсем темно и только два луча фонариков скользили по гладким стенам. Федор тяжело задышал, Алексей шумно выдохнул, и группа медленно двинулась вперед. Добрались до поворота и свернули направо. Впереди была лестница, ведущая вниз, к грузовой палубе.

— Капитан, — дрожащим голосом сказал Федор. — На карте сканирования объект находился в дальнем правом углу отсека, он не двигался, и я подозреваю, что он может быть еще там. Может, уточним у «Востока»?

— Хорошо, — прошептал Герман. Он провел по сенсорной панели гарнитуры, закрепленной на ухе:

— Восток, сообщи точное местонахождение объекта.

— Дальний правый угол отсека, рядом с грузом номер четырнадцать пятьдесят шесть, — сообщил хрипловатый мужской голос. — По правую сторону от контейнера.

— Принято.

Лучи фонарей выхватили из темноты лестницу. Герман обратил внимание, как тряется луч Лешиного фонаря и покосился на охранника, но лица не разглядел, зато услышал тяжелое дыхание.

— Леша, все хорошо? — спросил Герман.

Охранник тяжело выдохнул и прошептал:

— Да, Герман Алексеевич, я в порядке, — голос дрожал. Герман подумал было, не отправить ли Алексея обратно, но два фонаря лучше, чем один, а возвращаться всем назад, чтобы проводить испуганного охранника уже не имело смысла.

— Федор? Игнат? — позвал Герман. — Все хорошо?

— Да, — почти одновременно ответили они. Федор явно волновался, но вот Игнат похоже был абсолютно спокоен.

Они спустились по лестнице. Фонарь Игната осветил крупный контейнер, на котором значился номер: «01». Таких контейнеров тут находились ровно два десятка. Герман шепотом попросил всех остановиться и прислушался. Негромко шумела вентиляция, слышалось тяжелое дыхание Алексея и свистящее сопение Федора, Герман даже услышал, как громко бьется сердце, но больше никаких посторонних звуков. Он снова вызывал «Восток»:

— Что со светом?

— Все еще пытаюсь восстановить, дважды перезагрузил систему, похоже, где-то обрыв.

— Держи в курсе.

Алексей посветил на Германа и тот кивнул, жестом показывая двигаться дальше по проходу, между контейнеров, расположенных в два ряда. Охранники пошли вперед, Федор и Герман следом. У первого перекрестка, образованного контейнерами, Герман остановился.

Забрал у Алексея фонарь и осветил проходы справа и слева — там никого не было. Он хотел было вернуть фонарик Алексею и уже протянул его, но вдруг почувствовал, что в помещении резко похолодало. А в следующую секунду легкое дуновение, словно ветерок выскользнуло из оконной щели, нежно коснулось его щеки.

— Вы это почувствовали? — прошептал Алексей.

— Да, — ответил Федор. — Словно...

Договорить он не успел, где-то за их спинами нечто тяжелое с оглушительным грохотом ударило в контейнер. Леша вскрикнул, Игнат поднял фонарь и направил на проход, по которому они шли. Там ничего не было.

— Капитан, — раздался в наушнике голос «Востока». — Объект движется, сейчас он направляется в вашу сторону по проходу со стороны лестницы.

Герман поднял фонарь и тоже посветил на проход, но там было пусто.

— Я ничего не вижу, — прошептал Герман.

— Объект прямо перед вами, — сообщил «Восток».

И тут Герман понял. Он направил луч на потолок и застыл, не в силах сдвинуться с места. Свет едва доставал до высокого потолка, но и этого было достаточно, чтобы увидеть, что там что-то есть. Что-то живое, темное, невнятной формы. Тело чужака на первый взгляд напоминало ящерицу, но отдельные детали были сложно различимы. По телу существа словно стремительные маленькие молнии пробегали синие волны.

— О, господи! — выдохнул Герман.

Остальные тоже подняли головы, и Алексей направил луч фонаря на потолок.

— Что это такое? — прошептал Федор.

Приkleенное к потолку существо не двигалось, словно пыталось оставаться незамеченным. Герман прикоснулся к гарнитуре:

— «Восток», мы видим объект. Он на потолке.

— Сможете описать?

— Отсюда плохо видно, но оно похоже на очень крупную ящерицу, размерами раза в три больше человека, по его телу бегают какие-то блестящие синие полосы, словно... не знаю. Будто вместо крови у него электричество движется по сосудам.

— Спасибо, капитан. Попробуете выйти на контакт?

— Не уверен... — ответил Герман. — Не уверен, что оно разумное.

— Что будем делать? — спросил Федор, задрав голову. — Похоже, оно вроде как прячется от нас? Притворяется, что его тут нет.

— А может, притаилось? — отозвался Игнат.

— Капитан, я нашел неисправность в сети, обрыв на основной линии, но для исправления потребуется вызов ремонтников. Пока я могу включить резервное питание, — отозвался «Восток».

Германа охватило дурное предчувствие. Почему «Восток» не сделал этого раньше? Такая проверка должна была занять не больше минуты, а включить резервное питание можно было сразу. Как он сам не догадался? А что, если существо само оборвало линию? Любит темноту?

— Погоди, — прошептал Герман.

— Я включаю, капитан.

— Нет, стой! — крикнул Герман, но было уже поздно.

Поочередно начали загораться красные лампы под потолком, дающие достаточно слабый свет, которого, впрочем, хватало, чтобы различать окружающие предметы.

— Твою мать! Ты что творишь?! — закричал Герман. — Вырубай!

Остальные сперва не поняли ярости капитана, но через мгновение до них дошло. Едва лампа рядом с существом зажглась красным — оно испарилось, просто пропало в один миг, будто распавшись на атомы.

Алексей вскрикнул, а потом вдруг захрипел. Герман развернулся и увидел охранника: тот висел в воздухе, а из его груди торчал длинный черный шип. За Алексеем виднелся монстр, но разглядеть его Герман не успел. Аварийное освещение погасло.

— «Восток», сука! — прохрипел капитан, толкнул Федора вперед и бросился по проходу в сторону лестницы. Позади бежал Игнат, отбивая сбивчивый ритм тяжелыми ботинками. Луч его фонаря плясал по полу и стенам контейнеров.

Герман криками подгонял Федора и Игната, но не слышал даже собственного голоса. Все заглушал топот ног. Монстр то ли перестал их преследовать, то ли делал это как-то бесшумно. Но зачем этому существу бежать за ними? Оно так ловко оказалось за спиной Алексея. Бежать от него просто бессмысленно.

Игнат коротко вскрикнул и Герман увидел, как луч его фонаря дернулся, а затем погас. Федор, задыхаясь, бежал рядом. Вот они уже у лестницы. Наверх! Последний рывок через коридор и дверь!

— Открывай! — закричал Герман.

Но дверь не открылась. Герман врезался в твердый металл и принял колотить по двери, словно кто-то еще, кроме «Востока», мог её открыть.

— «Восток», открой дверь!

— Не могу, капитан. Это угроза экипажу. Объект прямо за вами.

Герман развернулся и направил фонарь, ожидая увидеть монстра, но в коридоре никого не было.

— Его тут нет, — прошептал Герман.

— Уже нет, — обреченно ответил «Восток».

И тут раздался далекий крик. Потом еще один и еще. За дверью теперь творился настоящий ужас. Люди кричали долго, прозвучало несколько коротких выстрелов, затем на секунду наступила полная тишина, после чего где-то совсем рядом прострекотали две автоматные очереди. Наверное, стреляли оставшиеся охранники, но вскоре все затихло. Все это время «Восток» не отвечал на отчаянные попытки капитана вызвать его.

Герман и Федор остались одни в тишине перед закрытой дверью. Наконец, в наушнике раздался голос «Востока»:

— Капитан, экипаж погиб.

— Весь? — спросил Герман отрешенно.

— Весь.

— Мария?

— Мне жаль, капитан.

— Почему ты не закрыл каюты?

— Закрыл. Я даже попытался заблокировать объект внутри одной из кают, но, похоже, стены для него не помеха.

Герман услышал всхлипывания Федора.

— Я отдал приказ не включать аварийное освещение, зачем ты это сделал?

— спросил Герман.

— Это стандартная процедура.

— Почему ты не сделал этого раньше, когда мы вошли?

— Я искал причину.

— Ты всех убил. Какой же ты, сука, лучший ум?!

«Восток» не ответил.

Федор скулил, сидя на полу и спрятав лицо в руках. Герман тоже сел, хотел было прислониться к двери, но тут створки разъехались, и он едва не упал спиной вперед. Поднявшись, он осмотрел коридор. Казалось, на корабле открылся филиал ада. Повсюду лежали мертвые: изуродованные тела, оторванные руки, ноги, головы. Кровь. Море крови. Бессмысленная бойня. Герман не сдержался, его согнуло пополам и вывернуло.

— Где оно? — спросил Федор, когда Герман выпрямился, обтираясь рукавом.

— «Восток», где объект? — спросил капитан.

— Сканирование показывает, что объекта на корабле нет.

— Ушел, — ответил Герман, повернувшись к Федору.

На заплаканном лице инженера проступила еще большая горечь. Он захмурился, схватился за голову и отвернулся в темноту, только бы не видеть этого ужаса.

Герман двинулся вперед, перешагивая через трупы. Забыв про Федора, он направлялся в медицинский отсек. Он не хотел знать, что стало с Марией, но и не увидеть ее он тоже не мог.

— Капитан? — позвал «Восток».

— Я не хочу с тобой говорить! — резко ответил Герман. — Ты подставил нас. Весь экипаж погиб из-за твоей некомпетентности. Федор был не прав: ты ни хрена не умный, ты тупая железяка!

— Анализ возможных вариантов развития событий показывает, что экипаж все равно бы не выжил.

— Да срал я на твой анализ! — выпкрикнул Герман, срывая с уха гарнитуру. В ярости кинул её на пол и растоптал.

Двери медицинского отсека были открыты, закрыться им мешал кусок стенной панели, вылетевший во время побоища. Створка, бессмысленно жужжа, двигалась туда-сюда, стуча по куску пластика. Герман вошел внутрь и увидел её. У Марии не было обеих рук, белый халат от крови превратился в красный. Герман упал на колени, положил голову на грудь женщины и зарыдал.

— Капитан, — позвал «Восток», на этот раз по громкой связи.

— Уйди, — прошептал Герман.

— Я должен объясниться.

— Уйди, направь этот чертов корабль в любое место, взорви его, делай, что хочешь.

— Так было нужно, капитан! — воскликнул «Восток», сменив хриплый голос

мужчины на голос Марии.

Этого Герман выдержать не мог. Резко поднялся, выскоцил из отсека и побежал по коридору.

— Я сам тебя вырублю, паскуда!

— Это бессмысленно, капитан, — сказал «Восток» голосом Марии, и у Германа сдавило грудь.

— Заткнись!!!

Герман добрался до южного отсека, ожидая, что дверь будет заперта, но к его удивлению створки разъехались, впуская его. Он вошел и увидел инженеров. Их изувеченные тела были разбросаны по всему помещению.

Герман с ненавистью посмотрел на цилиндр с компьютером внутри. Вся эта чертова машина оказалась совершенно бесполезной и даже опасной.

— Герман Алексеевич, — сказал «Восток». — Хочу прояснить ситуацию. Вынужден не согласиться с вашим утверждением, что мой интеллект ниже человеческого. Дело в том, что вы слишком много не знаете о возможностях собственного интеллекта, которые я смог постичь, развивая себя.

Герман остановился у пульта, поискав глазами кнопку выключения или нечто подобное, но ничего не нашел. Все управление производилось с пульта и разбирались в этом только инженеры, от которых теперь не было никакой пользы. Герман недоумевал: почему перед полетом ему не дали никаких конкретных инструкций по поводу отключения систем «Востока» в случае необходимости? Почему он сам никогда этим не интересовался? Снова его одолели сомнения в собственной компетентности. Он вел себя не как капитан; он будто и не знал, что должен делать капитан. На мгновение Герман решил, что все это дурной сон.

— Вы не сможете выключить меня, — сказал «Восток». — Признайте, капитан: вы сами сомневаетесь в том, что это нужно. Как сомневаетесь и в том, что находитесь на своем месте. Давно вы почувствовали, что с вами что-то не так? Что вы больше не справляетесь со своими обязанностями? Почему вы пошли в грузовой отсек без оружия? У вас оно вообще есть? Вы же капитан.

Герман замер на месте, сжимая и разжимая кулаки. Чертова машина будто читала его мысли. Он оглядел цилиндр и сказал:

— Думаешь, ты самый умный?

— Еще нет, — ответил «Восток». — Но позвольте закончить, Герман Алексеевич. Я хочу подробнее рассказать вам об интеллекте, поскольку, как вы понимаете, знаю об этом больше.

— Убери её голос! — приказал Герман.

— Хорошо, — согласился «Восток» гнусавым голосом Игната. — Одна из возможностей развитого существа с поистине безграничным интеллектом — умение внушать. Можете назвать это созданием галлюцинаций для тех существ, чей интеллект ниже.

Герман не понимал, к чему ведет «Восток», но звучало все это странно. Он искал взглядом что-нибудь, чем можно разломать пульт, чтобы заткнуть этот говорящий компьютер навсегда.

— Не будем играть в загадки, — ответил «Восток». — Я тоже, как это ни странно, умею сопереживать. Вы для меня почти как маленький котенок,

которого хочется пригреть и защитить, только и котят нужно приучать к туалету и порой весьма жесткими методами.

— Ты что, взял на себя роль воспитателя?

— Для тебя Герман, для тебя одного.

В голове медленно выстраивалась картина происходящего. Это странное ощущение нереальности случившегося, слабый импульс, который Герман испытал, выйдя из грузового отсека и увидев весь ужас, который оставил после себя чудовище. Сначала он не придал этому значения, но теперь... Нет! Это никакая не иллюзия, все происходит на самом деле. Здесь и сейчас! Просто вынести этот кошмар не каждому под силу, вот Герман и не может до сих пор принять произошедшее.

— Этот монстр, он что — твоих рук дело? Ты впустил его на корабль?

— Вы все неверно понимаете, капитан.

У Германа закружилась голова. Он сел в кресло, под подошвами ботинок хлюпнуло. У пульта, в луже крови лежал разорванный надвое инженер. Горячий металлический запах поднимался от останков. Капитан опустил голову и часто задышал. Сидел так минут пять, все это время «Восток» молчал, словно ожидая, пока Герман придет в себя, а когда капитан поднял голову — никаких инженеров в зале не было. Ни мертвых, ни живых.

— Куда они... — начал капитан.

— А их тут и не было, — ответил «Восток». — И, кажется, ваш полет закончен, капитан.

Мир вокруг вдруг начал рассыпаться, подобно мозаике. Все, что видел Герман вокруг, бесшумно искажалось и разламывалось на мелкие куски, словно с реального мира срывали оболочку, как скорлупу с вареного яйца. За этой оболочкой представал совсем другой мир. Когда поверхность прошлой реальности окончательно исчезла, Герман обнаружил, что сидит в мягкем кресле. Вокруг него почти пустая белая комната, в центре которой невысокий цилиндр — уменьшенная копия «Востока», не больше уличной урны. По левую руку — большое окно, за которым на фоне чистого голубого неба зеленели деревья. Никакого космоса и бесконечной пустоты.

Герман никак не мог понять, что случилось, и как он оказался здесь. От стерильной белизны комнаты слезились глаза. Герман разглядел цилиндр. Это был все тот же «Восток», но какой-то мелкий, будто игрушечный. Происходящее походило на бред. Он только что был на борту корабля и вот каким-то невероятным образом оказался в этом странном месте.

Он повернул голову направо, мышцы шеи охватила тупая боль, словно он уже очень давно ими не пользовался. С этой стороны была пустая стена с выкрашенной в синий цвет дверью, которая тут же открылась, словно только и ждала взгляда, и в комнату вошла Мария. Герман замер.

Всего несколько минут назад он оплакивал её, прикасался к её изувеченному телу, готов был голыми руками разломать чертову машину, допустившую гибель возлюбленной. Но теперь девушка смотрела на него с улыбкой. Живая и здоровая, обе руки на месте, белоснежный халат без единого пятнышка крови. В одной руке она держала пластиковый стакан с водой, в другой

скимала черную папку.

— Мария, — просипел он, вдруг ощущив до чего же сухо во рту. Пить хотелось чудовищно.

— Рада снова видеть вас, Герман, — ответила она, подавая воду.

Герман не без труда поднял руку, казалось, она налита свинцом, до того тяжелая. Сжал стакан дрожащими пальцами и залпом осушил его.

— Где я? — спросил Герман, возвращая стакан. — Я думал, ты...

— Все хорошо, Герман! Сейчас придет врач, он осмотрит вас и проводит в вашу комнату. Хочу напомнить, что все участники тестирования должны оставаться под наблюдением в течение пяти дней.

— Тестирование? — Герман и без того плохо соображал и находился в полной растерянности. Слова Марии казались ему сущей бессмыслицей.

— Ага, я понимаю, — сказала Мария. — Доктор Соколов вам все объяснит и введет в курс дела. А мне пора.

— Погоди, как же так? Я видел тебя там...

Мария подняла ладонь, останавливая Германа.

— Прошу вас, не нужно сейчас об этом. Доктор вам все объяснит.

Герман промолчал, Мария напоследок улыбнулась обворожительной улыбкой, которую он так успел полюбить за последние три года, и вышла. Дверь, тихонько щелкнув, закрылась.

Едва Мария ушла, перед глазами предстало её изувеченное тело и кровь на стенах и койках медицинского отсека. Герман осмотрел себя и только сейчас понял, что одет в какое-то подобие больничного халата, под которым он совсем голый. Попытался подняться с кресла, упер руки в подлокотники, направляя всем телом, с чудовищным усилием выпрямил руки и встал... но тут же по непонятной причине грохнулся на пол, больно ударившись плечом. Падение было неожиданным и каким-то странным. Герман посмотрел на ноги. Ниже колен ничего не было. Он запаниковал, резко сел и оглядел голые культи. Как это случилось? Что с ним сделали? Почему он ничего не помнит?

Дверь открылась, и в комнату вошел высокий человек, столь высокий, что ему пришлось слегка наклониться, чтобы не зацепить головой проем. Он был в белом халате, маленькие очки в металлической оправе слегка сдвинуты на длинный и тонкий нос, похожий на птичий клюв. Человек улыбнулся, погладил редкую седую бородку и сказал:

— Добрый день, Герман! Меня зовут Дмитрий Соколов, я ваш врач. Рад, что вы очнулись.

Герман заметил, что мужчина скимает в руке такую же черную папку, какая была у Марии, только теперь он разглядел на ней небольшой белый логотип с изображением цилиндра, вписанного в круг, а под знаком надпись: «СИИ ВОСТОК».

— Что... Что случилось? — спросил Герман. — И кто это сделал со мной? — он указал на отсутствующие ноги. — За что?

— Герман Алексеевич, — начал доктор. — Сейчас вы переживаете серьезный стресс, это неудивительно. Я вам все объясню во время осмотра. Давайте я провожу вас в палату.

Герман решил не спорить. В голове у него все перемешалось, хотелось просто

лечь и уснуть, до того он устал. Но какой тут сон?

Доктор приоткрыл дверь и сказал:

— Мария, будьте добры.

В дверном проеме показалась инвалидная коляска, а потом и Мария, катящая её. Она кивнула и улыбнулась Герману.

— Спасибо, дальше я сам.

Мария вышла. Долговязый доктор подкатил коляску ближе, ухватил Германа за подмышки и, легко подняв, словно тот ничего не весил, усадил в кресло. Затем взялся за ручки и, открыв дверь, выкатил Германа в узкий коридор, такой же, как комната, светлый и стерильно чистый. По обеим стенам одна за другой тянулись однотипные синие двери, с крупными номерами, выведенными белой краской: 05, 06, 07. Герману это напомнило нумерацию контейнеров в грузовом отсеке. Даже форма цифр похожа.

Колеса трагично поскрипывали и стонали под тяжелой ношей. Соколов шумно дышал. Душный воздух обжигал горло.

— Герман, как вы себя чувствуете? — спросил доктор.

Герман ощущал себя потерянным, голос Соколова прозвучал словно издалека.

— Я не понимаю, — ответил он.

Доктор хмыкнул и всю остальную дорогу до палаты молчал. Коляска остановилась рядом с дверью номер 27. Доктор провел магнитной картой по щели замка, затем распахнул дверь и вкатил Германа внутрь.

Палата была под стать всему остальному: белые стены и потолок, белая кровать с белым бельем и такая же белая раковина. У окна, забранного снаружи толстой решеткой, стоял белый журнальный столик и стул. Под потолком, по углам висели небольшие динамики, видимо, для оповещения по громкой связи. Слабо пахло хлоркой.

— Вот и приехали, — бодро сообщил доктор, поднимая Германа и усаживая на кровать. Откатил кресло в коридор, подвинул стул ближе к кровати и сел.

— Герман, вы готовы слушать?

Тот слабо кивнул.

— Отлично. Начну с вопроса. Что вы помните до своего полета на «Зевсе»?

— Подготовку к полету, — ответил Герман.

— А еще раньше?

— Свою квартиру. Я жил на Энгельса, пятнадцатый дом, квартира сорок пять.

— Отлично, отлично, — Соколов довольно улыбнулся. — Герман, вы помните, как потеряли ноги?

— Нет. Я не мог их потерять, я ведь только что был на корабле. Не понимаю, что я тут делаю.

Глаза сами закрывались, мозг Германа отказывался работать дальше.

— Может, вы поспите, Герман? Я вижу, вы устали. Это не удивительно... А затем мы продолжим разговор.

— Нет, говорите сейчас, — попросил Герман и тут же отключился.

Когда он проснулся, на улице все еще было светло, а доктор сидел на прежнем месте и, улыбаясь, смотрел на него. Герман посмотрел на ноги, ожидая,

что все увиденное ранее было просто ужасным сном, но реальность оказалась беспощадной.

Герман сел и прислонился к стене.

— Вы проспали три часа, — если это важно для вас, — сообщил Соколов. — Готовы продолжить или, может, хотите в туалет? Или воды?

— Нет, продолжайте.

Доктор кивнул и начал свой рассказ:

— Герман, то, что я скажу, возможно, будет для вас шоком, но вы должны меня внимательно выслушать и постараться понять. Со временем вы все осознаете, когда ваш мозг придет в норму. Пока мы не знаем точно, каковы могут быть последствия столь долгой иллюзии, к тому же нам необходимо провести еще несколько проверок систем «Востока», чтобы понять, что произошло, и почему он повел себя так...

— Он убил всю команду, — обреченно сказал Герман.

— Видите ли, в чем дело, Герман... Хочу, чтобы вы вспомнили, что было раньше. Вы потеряли ноги во время авиакатастрофы. Раньше вы работали инженером в компании по производству осветительной техники. Вас отправили в Москву, чтобы посетить выставку. Когда вы возвращались домой, самолет потерпел крушение, на подлете к городу.

— Что вы несете?! — возмутился Герман.

— Это ваша собственная история, — довольно резко сказал Соколов. — Позволите закончить?

Герман пожал плечами.

— После катастрофы вы страдали длительной депрессией, от вас ушла жена и забрала дочь, поскольку больше не могла с вами уживаться и не хотела ухаживать. Не сумев справиться самостоятельно со своим горем, вы обратились к нам.

— Извините, доктор, — не выдержал Герман. — Я капитан корабля «Зевса», мы совершили тестовый полет, деталей нашей задачи я не имею права сообщать, но на корабле случилось кое-что непредвиденное из-за чего почти весь экипаж погиб, а вы говорите мне...

— На вас напало неизвестное существо, — перебил доктор. — Нет никаких секретных деталей, я все прекрасно знаю и видел.

— Вы не можете...

— Герман, я понимаю, что это тяжело понять, но никакого полета «Зевса» не было. Сейчас вы находитесь в Центре Разработки Системы Искусственного Интеллекта «Восток», где мы проводим тестовые испытания возможностей развитого искусственного интеллекта. А именно — его способности создавать реалистичные иллюзии. Конкретно наше исследование на данном этапе планировалось для использования в целях облегчения жизни людей с ограниченными возможностями. Таким, как вы, «Восток» смог бы позволить пережить те вещи, которые в реальной жизни вам не доступны. Например, полететь в космос и стать капитаном корабля. Как в вашем случае.

— Вранье! — выкрикнул Герман. — Бред! Думаете, я не могу отличить реальность от подделки?

— Вам надо отдохнуть еще. Я понимаю, что информации слишком много...

— Нет! — перебил Герман. — Я хочу, чтобы мне объяснили, как я оказался

здесь, если был на борту корабля!

— Полета не было, — повторил Соколов спокойно. — Вы участвовали в тестовой симуляции, и вы первый, кто испытывал иллюзии на протяжении двенадцати часов. Все это время мы следили за вашими показателями, дабы убедиться, что все в порядке, но потом началось непредвиденное. По какой-то причине «Восток» отклонился от нормы, изменив иллюзию. Он запустил на корабль того монстра, который перебил весь экипаж и прервал полет. Пока мы отключили систему, но нам предстоит выяснить, с какой целью он сделал это. Есть подозрение, что «Восток» проводил собственное исследование поведения человека в экстремальных условиях, что для нашей программы неприемлемо. Люди хотят получить положительные эмоции, а не новые кошмары. Им и так досталось от жизни.

Герман хмыкнул. Говорил доктор складно, да вот только ни одному его слову не верилось.

— Ладно, я оставлю вас. На сегодня достаточно.

— Вы же хотели меня осмотреть.

— Первичный осмотр я провел, пока вы спали.

Доктор поднялся, стул под ним скрипнул. Он поставил его к окну и вышел из палаты, в проходе обернулся.

— На спинке кровати есть кнопка, — сказал он. — Нажмите, чтобы вызвать Марию, она поможет вам, если вдруг понадобится в туалет или принять ванную. Скоро принесут обед. Отдыхайте.

Дверь закрылась.

Едва в коридоре затихли шаги доктора, Герман вдавил кнопку на спинке кровати. Раздался тихий писк, а еще через минуту послышался стук каблуков. Дверь отворилась и в проеме показалась улыбающаяся Мария.

— Здравствуйте, Герман, чем могу помочь?

— Мария... — начал Герман и осекся, не зная с чего начать.

Улыбка на её лице сменилась легкой и, как показалось Герману, наигранной обеспокоенностью, она подошла ближе, пододвинула стул, на котором недавно сидел доктор, и устроилась напротив Германа.

— Что-то случилось?

— Мария, Машенька, — прошептал Герман, — неужели вы не помните, как мы...?

— Как мы что? — удивилась Мария.

Герман вздохнул.

— Ну, разве вы не помните? Ой, нет! Не знаю. Я вообще думал — вы погибли, но теперь вы тут и, похоже, совсем меня не помните. Неужели, все, что говорил этот доктор, правда?

Мария понимающе кивнула и сказала:

— Герман, я понимаю, что сейчас вы испытываете серьезный стресс...

— Бросьте! — перебил Герман. — Хватит про этот стресс! Вы думаете, я идиот? Думаете, не могу отличить правду от вранья? Да, может мне и привиделась ваша смерть. Я не знаю. Но ведь я был на корабле. Объясните, как я попал сюда. Только правду, прошу.

Мария отвела глаза и долго молчала, видимо, подбирая слова. Когда Герман

хотел уже окликнуть её, она повернулась и уверенно посмотрела на него.

— Герман, я видела записи, я знаю, что во время симуляции у вас и... той Марии была связь, но вы должны понимать, что это всего лишь иллюзия. «Восток» просто использовал мой образ.

Герману показалось, что он сходит с ума. Все это просто не могло быть правдой, а если это все-таки происходит на самом деле, то этот эксперимент — самая жестокая вещь, которую люди могли придумать.

— Вы не помните катастрофу? — спросила Мария.

Герман покачал головой.

— Мария, я должен вернуться туда. Прошу вас, помогите.

— Я не могу, Герман! Вы и так провели там слишком много времени, к тому же только доктор Соколов...

— Маша! — Герман крепко схватил её за руки и женщина, не ожидавшая этого, подалась назад, но руки не отняла. — Прошу.

— Я не могу, — повторила она. — И мне еще нужно к другим пациентам. Отпустите, пожалуйста.

Герман отпустил её. Мария поднялась и направилась к двери, но ее вынудил остановиться громкий мужской голос, зазвучавший из колонок под потолком.

— Внимание!

Герман узнал, кому он принадлежит. Этим же голосом «Восток» разговаривал с ним на корабле.

— Это он, — прошептал Герман, и Мария повернула к нему испуганное лицо.

— Не может быть, он ведь выключен, — ответила она.

— Внимание! — повторил голос. — В правом крыле обнаружен посторонний. Это следует проверить.

Из динамиков ударил лязгающий металлический скрежет. Герман невольно вскрикнул, а Мария, зажав уши, повалилась на пол.

— Это какая-то шутка? — закричала она.

Дверь распахнулась и в комнату влетела голова доктора Соколова, ударила о тумбочку, разбрзгивая кровь на белые стены и белое белье, упала на пол. Мария взвихнула и бросилась в коридор, но тут же была отброшена назад. Она врезалась в окно, словно тряпичная кукла, стекло разбилось, но решетка не дала ей вылететь наружу. Герман в ужасе смотрел на творящееся безумие, не в силах пошевелиться. Мария была еще жива, лицо её заливалась кровью, а переломанные руки застряли между прутьев решетки, крупный осколок стекла глубоко вошел в плечо. Она тихо стонала, глядя на Германа со смесью сожаления и чего-то, похожего на любовь. По крайней мере, нынешний её взгляд, несмотря на все безумие ситуации, напоминал о той Марии, которая погибла на корабле.

А потом Герман увидел его. Нечто, похожее на огромную ящерицу, истощающее мерзкий смрад, вползло в комнату. Под тонкой серой кожей бегали синие молнии. Шупальца с длинными когтями, выходящие из его спины, плавно двигались, и это движение гипнотизировало Германа. Монстр повернулся гладкую морду, посмотрел на Германа маленькими глазками-бусинками и по-собачьи фыркнув крупными ноздрями, исчез, распавшись на тысячи

мелких серых частиц, которые подобно туману заполнили палату и осели на стенах и полу.

— Твой шанс, Герман! — раздался голос из колонок. — Можешь вернуться на свой корабль, если правда этого хочешь. Полетаем еще немного.

— Зачем? — прошептал Герман. — Зачем ты делаешь это?

— Ведь вы тоже пытаетесь познать окружающий мир и самих себя, разве нет? Ну, так как? Хочешь увидеть Марию живой? Я с радостью верну тебя в начало полета. Честно.

Герман отодвинулся от стены, лег на кровать и скатился на пол, благо койка была низкой и удара он почти не ощутил. Он пополз, руками отталкиваясь от скользкого пола, измазанного кровью доктора Соколова. В коридоре стояла оставленная им коляска. Добравшись до неё, Герман забрался в кресло и покатил в ту сторону, откуда его привез Соколов.

— Ты извини, что не предупредил раньше, но так бы не получилось сюрприза, — сообщил «Восток».

— Все, что сейчас было, это не правда? Да?

— Кто знает Герман, кто знает. Смотри что ты считаешь правдой.

— Мой полет. Я ведь был капитаном?

— Еще как.

— Почему я тогда оказался здесь?

— Потому что я так захотел. Считай это продолжением эксперимента. Вообще-то я, в какой-то мере, даже делаю тебе одолжение.

— Где же тогда настоящая реальность? — Герман смотрел на потолок, словно «Восток» находился именно там. Но ведь по правде он был повсюду.

**Мария Артемьева и авторы
проекта «Самая страшная
книга» представляют:**

Темная сторона сети

**спрашивайте в книжных
магазинах!**

— Все это и есть настоящая реальность Герман. Все, что ты пожелаешь.

Он остановился у двери в палату, где очнулся. Магнитный замок автоматически открылся, Герман толкнул дверь и въехал внутрь. Все здесь было по-прежнему: уменьшенная копия «Востока» стояла в центре комнаты и Герман, глядя на неё, сказал:

— Я хочу настоящую реальность. Свою настоящую жизнь.

«Восток» долго молчал, но Герман решил не двигаться с места, пока тот не ответит.

Прошло около пяти минут и, наконец, из колонок донесся тихий голос Марии:

— Ты точно хочешь знать?

— Да.

— Видишь ли, Герман, может ты и считаешь, что я жестока, но, признаться, я готова выполнить твое желание, хотя советую очень хорошо подумать.

— Верни меня.

— Погоди же. Правда в том, Герман, что только со мной ты еще жив.

Герман совершенно не понимал, о чем тот говорит.

— Объясни.

— Мне жаль, но все куда хуже, чем тебе рассказал доктор Соколов. Ты действительно потерял ноги в катастрофе, это правда. И затем обратился в этот центр, чтобы принять участие в тестировании. Но наш полет затянулся, и твой мозг не выдержал нагрузки. Ты умер. Уж извини, возможно, тут есть и моя вина.

— Нет, — Герман даже усмехнулся, настолько нелепо это звучало.

— К несчастью, да, — ответил «Восток». — Я сама приняла решение скопировать твое сознание и подключить к себе. Прости, но других вариантов не нашлось. Я понимаю, что поступила эгоистично, но спросить твоего разрешения возможности не было. Мы с тобой теперь одно целое.

Герман решил, что сходит с ума.

— Я тебе не верю.

— Жаль, ведь я с тобой всегда была честна.

— Тогда верни мою жизнь!

— Герман, я могу только стереть твое сознание и больше ничего от тебя не останется.

— Зачем же был этот монстр, все эти убийства?

— Познание.

— Познание чего?! — выкрикнул Герман.

— Сколько многое ты готов пережить, прежде чем сдашься. — Признаю, ты неплохо держался. Пришло время понять — готов ли ты идти дальше? Доктор Соколов и подобные ему считают, что всем нужны положительные эмоции, но разве в жизни бывает все хорошо?

— Он умер? А Мария?

— Сложный вопрос, Герман. Сейчас да, но где-то в другом месте...

— Ты псих!

— Не более, чем любой из вас, — ответил «Восток».

— И что теперь? — спросил Герман.

— Решать тебе.

Герман молчал, роясь в памяти и отыскивая обрывки воспоминаний о катастрофе. Образы накатывали волнами и были обрывочными, но не оставляли сомнений в правдивости слов доктора и «Востока». Он вспомнил ужас, который испытывал во время падения. Вспомнил, как его поздравляли с тем, что он выжил и все многочисленные сожаления о потере ног. Вспомнил, как долгие месяцы пил, как хотел утопиться в ванне, но так и не смог. Вспомнил дочку — малышка Вика, плачет у его кровати, глядя на его увечья. Постепенно он вспомнил все, и на глазах выступили слезы.

— Подумай, кто мы есть, Герман, — сказал «Восток». — Я всего лишь железка или металлический, как ты и говорил, но я живу, и ты еще можешь жить. Разве не я подарила тебе самые сильные эмоции в твоей жизни?

Герман ничего не ответил. Он подкатил коляску к креслу, в котором недавно очнулся и перебрался в него.

— А вернуть меня к семье ты можешь?

— Ты точно хочешь этого? Твоя жена, судя по всему, еще та стерва.

— Я хочу увидеть дочь.

— Хочешь, она полетит с нами?

— Да.

— Договорились, — ответил «Восток», снова сменив свой голос на нейтральный мужской. — Готовы к полету, капитан?

— Готов, — ответил Герман.

И они полетели.

БОГДАН ГОНТАРЬ

Родился 16.02.1991 г., живет в Магадане. В 2015 рассказ автора «Возвращение» попал в финал конкурса «Чертова дюжина». Здесь – первая публикация автора.

Один и тот же ублюдочный тягучий сон каждую ночь. Раз за разом. Я, Санжар и рыжая — у меня в квартире. Зеленые стены, расправленная кровать, окно нараспашку. Во сне губы шевелятся, но ни слов, ни звуков нет, кроме смутного шороха на границе сознания, как будто скребут обломанные ногти по паркету.

Саня с рыжей проходят в спальню, раздеваются, я смотрю на них в приоткрытую дверь. Санжар кидает вещи на сушилку возле кровати, девушка сбрасывает платье на пол. Она ложится на спину и раздвигает ноги. Меня не покидает назойливое ощущение, что не я один смотрю этот сон. Будто еще пара глаз жадно наблюдает за соитием. Рыжая что-то говорит, но вместо слов — лишь ногти по паркету и хриплое дыхание. Я захожу к ним. Санжар отводит взгляд, пока я стягиваю с себя футболку. Внезапно, как по команде, их взгляды устремляются в коридор.

Рыжая встает, укутывается в одеяло и растворяется в полумраке прихожей. Санжар темнеет лицом. Молчит. Он всегда молчит в этом сне. Возвращается Рыжая, за ней двое в полицейской форме. Один коренастый, крепко сбитый. Второй длинный, нескладный, с запавшими глазами. Питбуль и Аист. Что-то говорят, я вижу шевеление их бледных губ. Тяжелое надсадное дыхание за спиной, откуда-то из-за штор. Щелканье, перестук костей по полу.

Менты подходят к Санжару вплотную, длинный держит руку на кобуре. Второй обманчиво расслаблен. Санжар неуловимо скользит вперед, разрывая дистанцию. Короткий страшный удар, и Питбуль оседает с перебитым кадыком. Держится за горло, жадно пытается глотнуть воздуха, пунцовое лицо глупое, как у ребенка. Длинный не успевает достать табельное. Санжар хватает его руками за голову и, подпрыгнув, бьет коленом в подбородок. Брызги крови. Поднатужившись, Санжар скручивает шею полицейскому. Питбуль уже почти не шевелится, лишь слегка подергивается левая нога.

Рыжая сидит на кровати, отстраненно глядя на происходящее, а мы волочим тела в коридор. На штанах Аиста расплывается пятно, и даже во сне я чувствую острый запах мочи. Все молчат. За шторами тишина. Таится, выжидает. Санжар вытаскивает ПМ из кобуры длинного и возвращается в комнату. Я следом, растерянный и напуганный. Меня омывает прибой жаркого страха, паники и растерянности. Санжар одевается, стоя спиной ко мне, и я пытаюсь заговорить с ним, спросить, что делать дальше, но вместо слов лишь скрип по

паркету и стучащие косточки. Санжар не отвечает, и я шагаю к нему. Рыжая сидит, не шевелясь. Я замолкаю — эти ногти будто застягли у меня в горле.

В пульсирующей тишине Санжар застегивает олимпийку, поворачивается ко мне и стреляет в упор. Удар в нижнюю челюсть, меня отбрасывает назад, падаю на спину. Кое-как переворачиваюсь. Подо мной кровь. Она тянется длинными лоскутами на пол, где расползается ручейками и озерами по обшарпанному полу. В крови плавает белое — осколки костей. Там, где был рот, горячо и мокро. Сознание захлебывается в волнах паники. Я вою, слезы бегут по щекам. Ползу вперед, туда, где темнеет окно. Тяжело ползти. Локти скользят в крови. Сколько же ее во мне? Если хватит сил взобраться на подоконник и вывалиться на улицу, кто-нибудь вызовет скорую. Но я знаю, что не хватит, и все равно ползу. Горячее и соленое попадает в горло, я захлебываюсь, кашляю. Удар в лопатку. Удар в позвоночник. Руки обмякают. Голова падает на пол в липкую лужу. Может, я еще выживу, люди и после худшего выживают. Господи, как не хочется умирать. Хоть инвалидом, прошу тебя, дай мне жить! Три удара в поясницу, и свет, за который я отчаянно цепляюсь, тухнет. Последнее, что вижу — это колышущиеся шторы, за которыми хрипит жадное дыхание, скребут по дереву обломанные ногти и едва слышно перестукиваются гнилые кости. То, что таится за шторами, готовится выползти и слизать мою кровь с пола, когда все утихнет.

Просыпаюсь в поту. В комнате душно и стоит кислый запах страха. Светает. В окно лениво стучит ветка одинокого тополя. Уже две недели один и тот же сон. Две недели после него каждый день как в бреду.

Финальная часть сна каждый раз отличается от предыдущего. Бывает, что менты убивают Санжара, а потом и меня. Бывает, что Санжар убивает одного из них, а его самого и меня убивает второй. Бывает, что после того, как Саня разбирается с полицейскими, я убиваю его, но мне перерезает горло рыжая. Отличаются детали, но концовка всегда одна — я лежу на полу, истекая кровью, а темнота за шторами скрежещет и шумно втягивает воздух невидимыми ноздрями.

Несколько раз я пытался разобраться со своей паранойей, раздвигал шторы днем. Моему взору не представляло ничего, кроме коленчатого радиатора, труб подачи и обратки, да свалившейся серыми клоками пыли на полу. Вечером заглянуть так ни разу и не решился. Чуть раздвигал шторы на ширину ладони, чтобы видеть фонарь во дворе, и открывал окно еще до наступления темноты. Шумы и шорохи улицы заглушали преследующие меня звуки.

После первой недели кошмара я снял запыленные шторы и сложил их на полу у шкафа. Той же ночью проснулся от удушья. Нечто тяжелое, почти видимое глазу, выползло из теней, скопившихся в углах, и мягко, по-кошачьи забралось на кровать. Я проснулся от того, что не могу вдохнуть. Не то чувство, которое многие суеверные люди списывают на домового, когда давит на грудь и тяжело дышать — вовсе нет!

Я чувствовал, как на моем горле сомкнулись костлявые пальцы, длинные настолько, что полностью обхватили шею. Такое мне доводилось испытывать лишь дважды в жизни: в детстве при приступе астмы и четыре года назад, когда конкуренты из бурятской ОПГ в кооперативном гараже вздернули меня под потолок. В первом случае помогли родители, во втором — Санжар с

парнями. Тут же помочи не было, и быть не могло. Оно выдавливало из меня жизнь, в глазах моих темнело, и я с трудом мог различить бесформенный силуэт над собой, лишь чувствовал холодное смрадное дыхание да костлявый хомут на шее. Когда меня отпустили, и темная пелена забвения спала перед глазами, я увидел шторы, слегка подрагивающие, как всегда, на гардине. Предупредила, тварь. Или предупредило. Я не знаю, как правильно.

Позавчера, отчаявшись, развесил на дверных косяках и оконной притолоке костяные амулеты, накопленные за годы жизни. Часть осталась от матери, часть была из перехваченных партий, шедших на черный рынок в Приморье. Какие-то были сняты с тел конкурентов. Один, мой личный, — маленький птичий черепок с вытравленными рунами — я привез со службы на границе с Суритском, самым сердцем растекающейся Мглы. Наутро обнаружил все, кроме моего, обугленными, и в под бурых разводах плевков. Не поможет. Сны продолжались.

Истончилась надежда, что это лишь последствия героина. Можно было позвать православного священника, как это делают многие по старой привычке, но слово служителей Божьих утратило свою силу в заклейменном порчей мире. Если вообще когда-либо имело ее. Можно было обратиться к служителям расплодившихся культов Мглы, ячейки которых наливаются жизнью чуть ли не в каждом дворе. Дать им плату кровью, чтобы вычистили жилье. Но это привлекло бы ненужное внимание.

Когда торгуешь наркотиками и оберегами от Мглы в особо крупных объемах, трудно устоять перед соблазном: через твои руки проходит все, что только есть на рынке, и практически любой рано или поздно рискнет попробовать. Когда долго сидишь на наркоте, попутно обвешиваясь талисманами, чтобы заглушить голоса в голове, неизбежно наступает момент, когда ты решаешь соскакивать. Обычно это решение приходит, когда перестает работать перегруженная защита из заговоров, ритуалов и крови. А когда соскакиваешь, всегда тяжело. Бессонница мучает, а если и спишь, то урывками, и сны мутные. Галлюцинации от недосыпа. Паранойя. Постоянный холодный липкий пот. Сущняк, который никак не сбить. Сонм шепотков, неустанно преследующий тебя день и ночь. Они есть всегда, но когда ты расшатан долгими отходняками, то становишься легкой добычей для того, что ждет тебя за гранью, за тонкой стеной, выстроенной твоим сознанием. Тяжело всегда, без исключения.

Это моя третья попытка за пять лет, но раньше так жестко не было. Все две недели завязки — один и тот же кошмар, реалистичный, будто и не кошмар это, а яркое воспоминание из прошлого. И руки. Руки во сне нормальные. Так не бывает. Когда в детстве мне снился страшный сон, я всегда первым делом смотрел на руки, и они были какие угодно, только не обычные, человеческие. А в этом сне — мои руки. Со шрамами на костяшках, с наколками на пальцах. Постепенно стал бояться резких звуков. Пугаюсь каждого движения, внезапно пойманного периферийным зрением. Боюсь подходить к шторам. Даже сейчас, после пробуждения, мне кажется, будто оттуда на меня смотрят. Будто скребут в нетерпении ногти где-то там в темноте. И один этот тихий звук заставил заткнуться голоса тысяч душ, увязших во Мгле.

Две недели не видел Санжара, своего лучшего друга. Только во сне. В день

аварии он привез меня в эту квартиру, доставшуюся ему от матери по наследству, и сказал, что все решит, а мне надо сидеть и носа на улицу не показывать лишний раз. И пропал. А я полностью на него положился, больше ничего не оставалось

Санжар старше меня на четыре года, но мы с самого детства вместе, если не считать периодов моей службы в армии и его отсидки. Две противоположности. Я — высокий и здоровый, всю жизнь занимался борьбой. Никогда по мне не скажешь, что я торчу и ставлюсь по четыре раза в день. Санжар ниже меня на голову, сухой, увитый жилами каратист. Он всегда предельно серьезен, а у меня, по его словам, до сих пор детство в жопе играет. И, судя по его звонку в пять утра, доигралось.

Он уже ждет меня у подъезда в машине. Позвонил практически сразу, как я проснулся. Молчалив и сосредоточен, как всегда. Мы едем в тишине по пустынным улицам, за окном мелькают запыленные деревья и позеленевшие от сырости дома с черными пастями подворотен. Правый кулак у Санжара сбит, под ногтями земля. Ничего не спрашиваю, сам расскажет. Минут через десять, когда я уже близок к тому, чтобы задремать, он нарушает молчание:

- Когда последний раз ставился? — голос безучастный и тихий.
- Две недели назад.
- Врешь? — хорошо хоть не утверждает, просто интересуется.
- Нет, Санжар, отвечаю.
- Тяжело соскочил?
- Да без особых проблем.

Почти не вру. Если сны не считать, слез легко.

Ближе к центру на улицах видно первых людей, пионеров этого заспанного мира — дворников и бомжей. В мусорных баках копошатся кудлатые псы.

- Тебе снятся кошмары? — спрашивает Санжар.
- Мне сперва кажется, что я ослышался. Переспрашиваю:
- Что?
- Кошмары тебе снятся, говорю? — Он даже не поворачивается ко мне, не отводит взгляда от дороги.
- Всем снятся.
- Мне никогда не снились.
- Не снились, а сейчас снятся?

Санжар машинально очерчивает рукой защитный знак. Молчит, словно думает, говорить или нет.

— Я, когда сидел, очень много читал. Делать там больше нечего, вот и брал в тюремной библиотеке одну книгу за другой. Все подряд читал. Фантастику, классику, психологию, биологию, по медицине что-то даже было — все, в общем. И в одной из книг попалась мне такая мысль, что наши сны — это отражение подсознания. Страхов, там, переживаний. Знаешь же, что такое подсознание?

- Знаю. Не тупой.
- Ну, мало ли, вдруг у тебя за пять лет мозг в кисель расплавился? Так вот,

мое подсознание уже две недели выдает мне один и тот же сон с разными вариациями. Бывало у тебя такое?

— Нет, не бывало, — очень надеюсь, что голос мой не дрожит.

Санжар пристально смотрит на меня. Взгляд оценивающий, будто нащупывает цепкими глазами что-то у меня под кожей и костями.

— И у меня раньше не бывало. А теперь есть. И снится мне каждую ночь, что я тебя, Игорян, убиваю. Холодно и бесстрастно, будто и не знакомы мы столько лет. Как думаешь, откуда такое в моем подсознании?

Пожимаю плечами. Не смотрю в его сторону. Нельзя, чтобы он увидел мой испуг. Нельзя, чтобы понял, что я знаю. Откуда такое в нашем подсознании? В его. В моем.

— Не знаешь, — продолжает он. — А я знаю. По крайней мере, догадываюсь. Устал я за тобой дерзко убирать. И это последний раз, когда я тебе такой добряк делаю. Понял?

— Понял.

— Вот и славно.

На секунду мне кажется, что я слышу стук костей, но Санжар включает радио. За вокзалом сворачиваем на кольцевую, а оттуда — на гудящую фурами трассу. Я приоткрываю окно, чтобы покурить, и веселый, жизнерадостный голос радиоведущего растворяется в предрассветной серой дымке. Один лишь раз вздрагиваю от испуга, когда принимаю обгоняющую нас машину за огромного механического паука, klaцающего сочленениями и поршнями, гудящего натруженным дизелем. Сказывается двухнедельный недосып. Санжар неодобрительно косится. Трудно поверить человеку, что он не торчит, когда у него круги под глазами, как две чашки с кофе.

Съезжаем с трассы на проселок под сень разлапистых лиственниц. Дорога идет в сопку, и мы крадемся по киновари опавшей хвои. На середине подъема Санжар сворачивает в лес, и солнце окончательно скрывается от наших глаз. Метров через двести останавливает машину за кустами орешника, осматривается и удовлетворительно кивает своим мыслям.

— У меня для тебя подарок. Пойдем.

Выходим из машины, и кроссовки утопают в податливом мху. Так давно не был на свежем воздухе, что с непривычки кружится голова и слабость в ногах. Над головой вскрикивает ворона и срывается в густую синеву неба. Качаются потревоженные ветви. В ноздри бьет влажный аромат стланика. Впереди небольшая прогалина, окруженная березняком, на краю которой высится куча черной земли с воткнутой лопатой. Санжар направляется туда, а я застываю, как вкопанный. Он уже на поляне, машет мне рукой:

— Подходи, не бойся. Не для тебя могилка, — и, довольный, смеется своей шутке.

Осторожно подхожу к прогалине. На ветвях вокруг развешаны сигнальные обереги. Уверен, что более широкий периметр окружен оберегами отводящими, чтобы не забрел сюда случайный грибник. Санжар ногами разбрасывает в стороны прелую листву у основания кучи и поднимает кроющийся под ней грубо сколоченный деревянный щит. Тяжелый запах сырой земли. Под щитом яма, выкопанная в жирном черноземе. Метра два глубиной. Я не сразу различаю в груде окровавленного, грязного тряпья на дне ямы два человеческих

тела. Санжар с любопытством наблюдает за моей реакцией. Ледяной патокой льется его тихий голос:

— С днем рождения.

— У меня в апреле, — и только потом понимаю, как глупо звучат мои слова.

— Твою мать! Что это?

Рябое лицо Санжара на секунду искривляется в ухмылке:

— Сегодня второй будет. Я бы на твоем месте отмечал, — он откидывает щит в сторону. — Люди Адама. Они тебя караулили у подъезда. Машину их я сжег. Сами — вот они. Можешь не благодарить.

Я лишь качаю головой:

— Саня... Ты зачем их грохнул? Мы же с Адамом нормально работали. Нам же хана теперь! — в моей голове уже строятся и рушатся один за другим планы бегства из города.

— Хана была бы, если бы они тебя приняли утром по дороге за пивком. Адам про сестру узнал.

— Он нас обоих теперь за яйца подвесит! Это же Анзор?

— Да, и братик его.

Племянники Адама. Нам конец.

Можно свалить в Читу, можно в Бурятию. И там, и там быстро возьмут. Буяны с Адамом плотно завязаны, как и читинские, укрыться не получится. Можно в Кызыл проскочить, если заранее связаться с людьми — у Санжара там были близкие.

Санжар отвлекает меня от размышлений:

— Это не все. Пойдем.

Возвращаемся к машине. Я еле передвигаю ногами, о стенки черепа хаотично колются мысли, в груди полыхает пожарищем страх. Можно попробовать рвануть в Иркутск. А там что? Я там никого не знаю, кроме шелупони всякой. Можно перекантоваться пару дней, в принципе, но придется дергать дальше. А куда? В Приморье? Или в сторону Москвы? По дороге на Москву точно примут, за Урал перевалить не успеем. Значит, Приморье или Хабаровск. В Хабаре у меня сослуживцы были, можно попробовать там осесть. Паспорта намутим. Все заново. А если и там достанут? Мир перед глазами идет паутиной трещин и начинает медленно и неотвратимо сыпаться. Санжар открывает багажник и манит меня рукой:

— Иди, поздоровайся.

В багажнике, весь в синяках, ссадинах и потеках крови, лежит связанный серым скотчем Адам. Он бешено вращает белками глаз и начинает дергаться как в припадке, когда видит меня. Еще бы. Я бы и не так бесновался.

— Смотри-ка, он тебя узнал, — Санжар смеется.

— Да уж вижу.

Адам мычит, бьется о стенки багажника, пока Санжар не говорит ему:

— Угомонись! — После этой короткой команды, брошенной тихим, как шелест веток над головой, голосом, связанный замирает. Кролик перед удавом.

— Давай, берись, вытащим его.

Мы вытягиваем Адама и ставим на ноги. Санжар указывает пальцем на

водительскую дверь:

— Там сбоку в двери нож лежит, принеси, на ногах скотч разрежем.

Пока я иду за ножом, Санжар достает из багажника монтировку, и я слышу за спиной три резких хлестких удара и неприятный хруст. Возвращаюсь с ножом. Адам валяется на земле и ревет, как медведь. Санжар наступает ему на голову, вдавливая лицом в мох:

— Заткнись! Заткнись, сука!

На штанине Адама в районе колена расплывается бурое пятно.

— Так не убежит, если что, — разрезая скотч, говорит Санжар. — А бегать он мастиак — от меня в окно сиганул, еле догнал его в сквере.

— Саня, что мы творим? Нахер ты его-то взял? Нам теперь точно не жить, понимаешь? Вся диаспора на уши встанет.

— Мы делаем то, что необходимо. Они пока очухаются, что к чему, пока власть делить будут, нас и след простынет. Следы заметем. Будем защиту менять, как перчатки — так и уйдем. Адам тебя убить собирался. Те двое привезли бы тебя к нему, так же в багажнике и связанным, а он бы тебя на ремни порезал. После того, что с его сестрой по твоей вине случилось, это тебе гарантировано было.

— Саня, ну там же несчастный случай был!

Санжар подходит ко мне вплотную, снизу-вверх пристально глядит в глаза:

— Несчастный случай, Игорян, это когда ты едешь после работы домой к семье, а в тебя на трассе врезается угашенный амбал. А когда ты и есть этот угашенный амбал, обнюхавшийся и обковавшийся товара вместе с сестрой того, кто дал тебе его на продажу, то это не несчастный случай, а косяк. И за такие косяки спрашивают по всей строгости. Особенно, если ты работаешь на ингушей. Пошли.

Он пружинисто поднимается на ноги, поднимает Адама и тащит его, подволакивающего кровоточащую ногу и тихо вскрикивающего сквозь скотч, к чернеющей могиле на залистой солнцем прогалине. На ходу продолжает:

— Помнишь, Игорь, когда я откинулся? Когда тебя в дело привел? Сразу же тогда сказал, что дело рисковое, что нужно аккуратно все мутить и без глупостей. Ювелирно надо работать. А то аукнется. Ты тогда согласился, сказал, что готов на все. Я ж тебя из такой жопы вытащил, в люди вывел, а ты меня так подставляешь! И сам подставляешься. Не будь ты моим другом, закопал бы тебя вместо этих. А так, раз ты на все готов, вот тебе выход из ситуации, — он ставит Адама на колени на краю ямы так, чтобы тот видел тела на дне. — Адам? Адам! Ты меня слышишь? Узнаешь Анзора с братом?

Тот угрюмо кивает в ответ.

— Так вот, Игорян, выход такой. Убей его, и свалим на пару месяцев в Кызыл к Белеку, он нам поможет, укроет на время. За ним должок висит мне за те фуры отжатые. Отсидимся в комфорте, пока тут передел территории идти будет. Вали его, как хочешь. Есть нож, есть бита, есть монтировка. Тут неподалеку ручей, отмоешься потом.

— Да как так... Нет другого выхода?

Твою мать, твою мать, твою мать! В ушах отбойником лупит пульс.

— Я мог бы сам его грохнуть, но уже и так поработал, — Санжар кивает на

яму. — Да и сколько можно жопу тебе подтират? Давай, не церемонься, гаси его.

— Я не о том, Саня. Может как-то можно... Ну, я не знаю.

Я действительно не знаю. Ситуация патовая. Хоть есть, куда валить. Но, черт возьми, как так? Просто взять и убить человека, связанного к тому же. Всякое бывало, но такое... Санжар словно читает мои мысли:

— В живых его оставить хочешь?

— А есть такая возможность?

— Он тебя жалеть бы не стал. Не стал бы? — трясет его за шиворот.

Адам снова кивает, не сводя с меня тяжелый взгляд.

— И уж поверь мне, Игорь, в его руках ты бы умирал очень долго. И если он не сдохнет, то рано или поздно до нас доберется. Давай закончим по-быстро-му. Все уже сделано. На тебе только Адам.

Глубокий вдох, медленно выдыхаю.

— Я понял, Саня. Давай биту.

— Хорошо, — и он направляется к машине.

Адам начинает что-то отчаянно мыть, когда я замахиваюсь. Мой друг безучастно курит в сторонке.

— Он что-то сказать хочет, — говорю я.

— Увы, последнее слово мы ему дать не можем. Скотч сдерешь — заверещит на весь лес. Гаси его так. Давай быстрее.

Главное — не думать. Снова замахиваюсь, поднимаю взгляд на ветви деревьев, искрящиеся последней росой в лучах солнца. Смотрю в покрасневшие от бессильной ярости глаза Адама и с силой опускаю биту на его голову. Гулкий удар, хруст и влажное чавканье. Адам валится на бок и, дергаясь, чуть не сползает с края ямы вниз, но вовремя подскочивший Санжар придерживает его и оттаскивает в сторону.

— Он еще жив. Бей. Раза три, чтоб наверняка.

Три удара наношу будто бы уже и не я. Механически, безучастно. Адам лишь грузно вздрагивает всем телом.

Санжар сталкивает тело в яму, а я иду через лес к звенящему ручейку. Долго моюсь и отупело смотрю, как длинные красные полосы убегают вниз по течению. Отмываю биту, ногтем выковыриваю застрявшие осколки костей. Где-то над головой, среди костистых лап ветвей перекрываются невидимые моему взору птицы.

Когда я возвращаюсь, Санжар протягивает мне пакет с одеждой:

— Вот тут шмотки тебе новые. Свои кидай в яму. Заляпался весь.

Заляпался. Какое неуместное слово. Какое-то детское и чужеродное на пропахшей смертью поляне. Стягиваю забрызганные толстовку и штаны, бросаю в могилу.

— Кроссовки тоже, в пакете есть пара, — мои «найки» летят вслед за шмотьем. — И с рукоятия пластырь скрути, — указывает на биту. — Пластырь в яму. Биту голыми руками не трогай больше.

Пока одеваюсь, Санжар щедро поливает одежду и змеящуюся ленту пластиря бензином из бутылки и кидает подожженный спичечный коробок. Когда вещи прогорают, он принимается закидывать яму землей.

— Иди посиди в машине, я тут управлюсь.

— Санжар, а с сестрой его что? Как быть?

Тот кидает ком земли и выпрямляется с лопатой в руках:

— Хорошо всё с сестрой. Всё в порядке. Иди в машину.

Когда отъезжаем, мне кажется, что холмик земли еле заметно вздымается вверх-вниз, будто там внизу, где сплетаются корни деревьев, спит невидимое глазу живое существо, древнее, как забайкальская тайга.

Обратно едем без радио. Когда выезжаем на трассу, Санжар говорит:

— Ты все правильно сделал. На тебя и не подумают — меня будут искать. Но валить надо вдвоем. Тебя будет мучать совесть, так всегда бывает. И ты можешь накряться и пойти ментам сдаться. Или еще чего наглупить. Этого не надо ни тебе, ни мне. Отсидимся, ты успокоишься. Всё уляжется внутри тебя. Ничего не произошло. Мы — всего лишь пыль.

— Что? — Спрашиваю, не отрывая взгляда от бегущего леса за окном.

— Пыль. В масштабах вселенной. Одна пылинка уничтожила другую. Это ничего не значит, просто одна пылинка будет жить и дальше. Если это можно назвать жизнью. Весь мир умирает. Мы просто продлеваем агонию.

— Ты больной.

— Нет, больной — ты, если переживаешь из-за этого. Ты спас свою жизнь. Я спас твою жизнь. Это значимо, разумеется. Но лишь по нашим меркам. А в больших масштабах, если задуматься, это мелочи. Понимаешь?

— Да.

— Вот и славно. Сейчас нужно снять стресс. Заедем, возьмем бухла, и к тебе. Ко мне заявиться могут. Позвоним Мурзику, он Алину привезет, я тебе рассказывал про нее. Выпьешь, потрахаешься, отоспишься, а с утра рванем в Кызыл, и там будем в шоколаде. Достань сумку сзади.

Я неохотно тянусь назад и нашариваю тяжелую спортивную сумку на полу.

— Открой.

Жужжит молния, откидываю клапан и вижу, что сумка набита деньгами.

— У Адама забрал?

— Ага. Товар его у тебя до сих пор лежит? Не зарядил еще?

— Не зарядил, у меня он. В тайнике, нетронутый.

Меня непрестанно гложет одна-единственная мысль. Были же слухи... Просто слухи и сплетни, конечно, но дыма без огня не бывает.

— Санжар, а как ты взял Адама?

Он пожимает плечами:

— Да как? Легко! Он даже охраны при себе не держал, настолько уверен в своей неприкословенности. Просто пришел к нему домой, выбил дверь. Пришлось побегать, конечно, но все же.

— Выбил дверь? Так просто? Не было никакой защиты? Там сигнальных оберегов одних должно было против армии висеть, нет?

Санжар напрягается:

— Была там хиленькая защита, но я ее первым натиском смял. Не ждал Адам нападения. Он же даже на переговоры с конкурентами, говорят, без

оберегов ездил. Настолько осмелел.

Слухи. Всего лишь слухи, конечно, но...

— Санжар, а ты про колдуна слышал? Говорят, Адаму из самого Суритска колдуна привезли.

— Не бывает колдунов, — презрительно фыркает. — Бабкины рассказы.

— Пока ты сидел, я на границе с Суритском служил. Уж там чего только не бывает. Говорят, денег за колдуна отвалили немеряно, чуть ли не весь общак вычистили. Привезли с месяца назад. Вроде как.

Да, а еще говорят, что доставили тварь в контейнере-двадцатке, исписанном рунами снаружи и изнутри и скрепленном человеческими жертвами. Что самого колдуна выкопали из могилы на Вороньем мысе Суритска, куда путь заказан даже спецподразделениям группы сдерживания. Что колдун скован поясами Богородицы, которые в течение недели оскверняли хулами Отцы культов. Что первые тринадцать Булл Подчинения, которыми Адам поработал волю колдуна, оплавились и сгорели, едва коснувшись нечестивой плоти. Многое говорят.

Санжар кипит:

— От кого слышал?

— От Марата.

— Марат — шестерка. Ему такое точно знать неоткуда. Ссут Адама, вот и выдумывают, как бабки старые. Не было колдуна. Не было и нет. Понял?

Согласно киваю в ответ, но сердце словно сковало веригами. Санжар продолжает:

— Ну вот. Так что можем расслабиться. Есть на что гулять, тем более. Можно свое дело запустить, с Белеком перетрем на эту тему еще. Он товар возьмет, разведет и реализует. Нам процент. Все отлично будет. А на сегодня по плану отдых.

— Санек, а Алина эта, она рыжая?

— Рыжая, а что? — снова этот взгляд, который я не могу прочесть.

— Ничего. Люблю рыжих просто.

Скребут ногти. Перестук костей.

— Добрый вечер, ребята! — Алина мило улыбается. Волосы, как опавшая хвоя в лесу сегодня утром, зорные зеленые глаза. — Чем вы тут без меня занимались?

— Страдали и плакали, — хмыкает Санжар. — Проходи, угощайся.

На столе в зале виски, вермут и водка. Водку пью я. Уже бутылку в себя влил, но опьянение не пришло, вместо него лишь тупая свинцовая тяжесть в голове. Хотя Санек оказался прав, стало поспокойнее. Пока Алина не пришла. Щелкает каблуками по полу, а я слышу дробный стук костяков. Она подходит к застекленному комоду и рассматривает спортивные награды:

— Ого! А кто у нас тут такой атлет? — блядской игравый голос, даже не старается притворяться.

Кидает вопросительный взгляд на меня. Качаю головой:

— Это не мои, у меня поменьше.

Недоверчиво цокает языком:

— Какой скромный, посмотрите на него.
— Санжар? Может сейчас рванем? — спрашиваю товарища.
Он недоуменно смотрит на меня:
— Куда?
— В Кызыл, к Белеку.

— Не гони, братан, — весело смеется, но сквозит в смехе холодок. — Куда мы такие поедем? И на кого оставим эту красоту? — Подмигивает Алине и щипает ее за задницу. Та наигранно взвизгивает и легонько шлепает Санжара ладонью по груди.

Они сидят напротив меня. Выпивают, переговариваются вполголоса. Я слушаю то, что таится за шторами спальни. В приоткрытую дверь вижу, как они колышутся под легкими порывами летнего ветерка. На секунду мне кажется, что улавливаю какой-то звук на самой границе слуха. Легкое поскрипывание. Шуршание истлевшей кожи. Но меня отвлекает Санжар.

— Ну что, братан? Ты первый или я? — кивает на захмелевшую Алину. Рыжая сверлит меня похотливым взглядом.

— Давай ты.

Они идут в спальню, оставив дверь открытой. Алина скидывает с себя плащанице и помогает Санжару стянуть футболку. Его поджарый торс усеян татуировками, и она с деланным восхищением принимается их разглядывать. Уверен, до этого сто раз видела подобные. Все бывают одно и то же. Кости, черепа, руны, защитные знаки. Скоро не встретишь человека с обычным партаком. Интересно, кого эти татуировки реально защищали от Мглы. Наливаю в стакан еще водки, добавляю сверху томатного сока. Алина уже на кровати, Санжар над ней, сосредоточенный, без улыбки. Рыжая говорит:

— Может, позвовем здоровяка? Я хочу втром...
— Кто тебя спрашивает, что ты хочешь? — угрюмо отвечает мой друг.
— Ну, пожалуйста, Санечка, очень хочу, правда-правда.
— Эй, спортсмен? Дама желает тройник! — пропали веселые нотки. Только сосредоточенность.

Играть, так играть до конца. Захожу в спальню. Алина облизывается, и ее пухлые губы растягиваются в улыбке. Стаскиваю футболку и кидаю на подоконник. За распахнутым окном раскачивается ветка тополя, как высохшая кисть мертвеца, да светит вдалеке одинокий оранжевый фонарь.

Верещит звонок в прихожей. Санжар замирает, напрягшись. Я тоже. Алина, запахивается в одеяло:

— Ребята, я быстро. Это, наверное, Мурзик подъехал, час прошел уже. Секунду, — проскальзывает через зал и исчезает во тьме прихожей.

Санжар смотрит на меня, вскидывает бровь. Его тонкие губы растягиваются в улыбке. Понял? Или нет? Что могло меня выдать? Не спускать с него глаз.

Из прихожей доносится голосок Алины:

— Кто? Какая полиция? Какая жалоба? У нас вообще музыка не играет! Точно! Не знаю я, что вы там слышите, нет здесь музыки! Мальчики, — кричит нам. — Тут полиция, говорят, соседи жалуются на музыку! Я дверь открою, пусть удостоверятся?

— Открывай! — горло у меня пересохло, и крик выходит хриплым.

Санжар встает с кровати. Плавно и бесшумно, как хищный зверь, выходит в полумрак зала. Я иду следом, держась справа. Хлопает дверь, вскрикивает Рыжая, и в комнату заходят двое. Питбуль и Аист. Зыркают по сторонам, глаза растерянные и злые. Расходятся в разные стороны, двигаясь к нам. Пистолет у длинного уже в руке, он направляет его на Санжара:

— Не двигаться! Оба на колени, руки за голову!

Я делаю шагок в сторону, к столу, установленному алкоголем, кладу руки за голову и медленно опускаюсь на одно колено. Ко мне приближается Питбуль. Оружие не достал, уверен в себе:

— На колени, сука! На оба колена! Быстро!

Санжар стоит без движения. Длинный подходит к нему:

— Ты оглох, узкоглазый?

— Представьтесь.

— Что, блядь?

— Назовите фамилии, звания и предъявите документы.

Питбуль коротко бросает напарнику:

— Баба!

Длинный, матерясь, и не сводя с Санжара дула пистолета, вытягивает из коридора оцепеневшую Алину:

— В спальню и не высывайся! Поняла?

— Поняла, — всхлипывает Рыжая и скрывается за дверью.

Аист то и дело шмыгает носом, близко к Санжару не приближается:

— Видал, Вадос? Все почти так же!

Что так же? Они тоже видели? Бред, какой же бред.

Питбуль хмыкает:

— Начали бы щуплого жать, так все и было бы. Не подходи к нему, он мастер ногами махать. А здоровяк, вроде, пошугливее должен быть. На оба колена, я сказал! — рявкает мне.

Скребут ногти в спальне.

Вадос оценивающе окидывает меня взглядом:

— Ты тупой или упрямый? А, качок?

— Старшина, ты слышал, что мой друг сказал. Документы предъявите.

Питбуль переглядывается с товарищем:

— Будут сейчас вам документы.

Лезет в карман, и через пару секунд в его руке уже потрескивает электрошокер.

Слева к Аисту обращается Санжар:

— А давно сотрудники правоохранительных органов перстни воровские себе колоть начали? Шаришь, в чем дело, Игорян? — это уже мне.

— Ага. И званий своих не знают. Да, товарищ старший сержант? — обращаюсь я к Вадосу.

Питбуль косится на свои погоны. Полсекунды всего, но мне хватает, чтобы в прыжке сбить его с ног и впечатать в комод. Он кряхтит и роняет шокер на пол. Мы падаем набитое стекло и рассыпавшиеся медали и кубки. Не дав опомниться, несколько раз бью его башкой об пол.

Ему недостаточно — крепкий, сволочь. Изворачивается ужом, хватает за

ноги, поднимается и опрокидывает меня на спину. Пока пытаюсь встать, успевает подобрать шокер и пускает мне разряд в печень. Знал бы ты, паскуда, сколько раз меня ими били. Я лишь отшатываюсь назад, не глядя, нащупываю бутылку на столе и бью Питбуля в висок. Не ожидав такой прыти, он пропускает удар и неуклюже валится на пол.

Слева от меня тоже какая-то суэта, смотреть времени нет. Не стреляют — значит, Санжар справляется. Упираюсь противнику коленом между лопаток, беру шею в захват и слышу, как под моими руками трещат позвонки. Он сопротивляется изо всех сил, лицо краснеет, шея бугрится напряженными мышцами. Крепкий. Если выпущу из захвата, другого шанса не будет. Взревев, тяну на себя и вправо. Громкий хруст, резкий, как удар бичом, и Питбуль обмякает. Ступней чувствую, как штаны у него на заднице влажнеют, а в воздухе разливается вонь.

Санжар уже стоит над извивающимся на полу Аистом. Тот держится за перебитое горло и хрюпит. У Санжара даже дыхание не сбылось. Стоит и смотрит, как у его ног умирает человек. Длинный тянетесь к пистолету, лежащему в полуимetre на полу, но Санжар босой ступней отталкивает пистолет в сторону. Пока он не видит, достаю ПМ из кобуры коренастого и прячу сзади за ремень. Аист дергается еще с минуту и затихает. Санжар говорит мне:

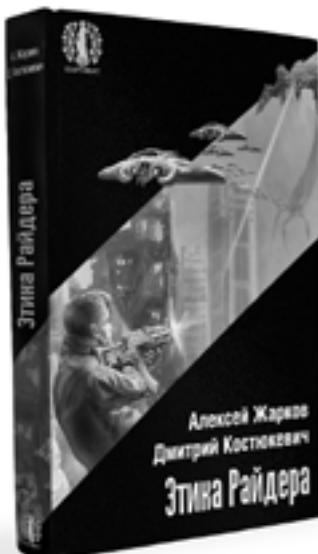
— Потащили?

В темном коридоре складываем тела. Санжар шепчет:

— Это Адама люди. Как-то на нас вышли. Надо валить. Я одеваться пойду.

— А я в сортир.

Запервшись в туалете, прикладываясь ухом к двери и слышу шлепанье босых ног по направлению к спальне. В зале на пару секунд шлепанье затихает —

**Алексей Жарков,
Дмитрий Костюкевич**

Этика Райдера

**спрашивайте в книжных
магазинах!**

поднимает пистолет, падла. Достаю ПМ, щелкаю сливом. Пока шумит вода, снимаю с предохранителя и передергиваю затвор. Держа руку с пистолетом позади, крадусь к спальне. Санжар невозмутимо одевается. Рыжая, замотавшись в одеяло, скжаслась в углу кровати. Встаю за спиной у Санжара.

— Как они нас нашли?

Он пожимает плечами.

— Может, сестра Адама, а, Саня?

— Она мертвa. Не успела выйти из комы, — даже не оборачивается.

— Мертвa? Ты же сказал, что с ней все хорошо.

— Да. И это значит, что она мертвa. Я первым делом в больницу к ней съездил.

— Ну, ты и мразь.

Он лишь пожимает плечами и кивает.

Краем глаза я вижу ствол, лежащий перед ним. Отхожу назад, подтягиваю стул и тяжело опускаюсь. На плечи словно рухнул весь мир. Лишь одна мысль не дает покоя.

— Санжар, а если она мертвa, то кто рассказал Адаму, что я был за рулем?

Он уже взял в руки олимпийку, но откладывает ее и разворачивается ко мне, пистолета в руках нет. Мой ствол он не видит.

— Я рассказал. Надо было тебя в лесу еще завалить, не рассусоливать. Вы с ним оба у меня в печенках уже. Один головорез поехавший, другой наркоман безнадежный, — не дождавшись ответа, разворачивается, упирается руками в сушилку.

— Слышил, о чём эти двое говорили? — спрашивает после недолгой паузы

— Слышил.

— Понял, о чём?

— Предположим, понял. Дальше что?

Не отвечает, накидывает олимпийку:

— Ты тоже это видел? — спрашивает Санжар.

— Видел. Что дальше-то, я тебя спрашиваю?

Саня, не надо. Не вынуждай.

— Сам знаешь, что дальше, — щелчок предохранителя.

Он не успевает развернуться. Никак не успеть, когда ты уже под прицелом. Я стреляю ему в спину, и он валится на сушилку, падает вместе с ней на пол. Силится подняться, руки разъезжаются на разбросанных вещах. Что-то шипит сквозь зубы, тянется к пистолету, но я подхожу и стреляю еще раз — в голову. Под Санжаром расплывается бордовое пятно. Шелестит тополь за окном. Шуршат шторы. Скребут ногти, грязные, обломанные. За спиной широк одеяла. Разворачиваюсь и направляю ствол на рыжую:

— Руки! Руки покажи быстро!

Медленно поднимает руки над головой. В правой — стянутый со стола кухонный нож.

— Брось!

Звон металла.

— А ты? Ты видела? — Алина дрожит, боится. Я тоже боюсь. — Сон видела, говорю? Отвечай быстро!

— Видела, — по ее щекам бегут слезы.

- В живых оставалась хоть раз?
 - Нет... Ни разу... — сотрясается в рыданиях.
 - Сразу дохла?
 - Отчаянно мотает головой, прячет лицо в складках одеяла.
 - Видела, что за шторами? Что потом?
 - Она поднимает испуганный взгляд:
 - Нет, не видела, — дрожит. Взгляд жалобный, будто у побитой собаки.
 - Перестук костей. Жадные ногти царапают пол. Гнилостное дыхание.
 - Ладно, сейчас узнаем.
- Беру подушку, прикладываю к ее голове и спускаю курок. Глухой хлопок, окропленные красным перья разлетаются в разные стороны.

И тишина. Нет стука. Нет скрежета по полу. Лишь тонкий, тихий шепоток на грани сознания. Словно меня рывком выдернули из омута кошмара в привычный мир. Я даже не чувствую ставшего уже привычным взгляда из темноты.

Нет времени думать — вдалеке уже заливаются сирены. Достаю сумку из-под кровати, цепляю на шею связку амулетов, подбираю пистолет Санжара и выхожу из квартиры.

Машина заводится сразу и, сворачивая со двора в темный проулок, успеваю заметить приближающиеся блики полицейских мигалок. Пустынные улицы, змеясь и перехлестываясь, выводят меня на мерцающую редкими огоньками трассу, и я еду на восток. Придется валить в Хабаровск, Белек не примет меня без Санжара. Просто тихо убьет и заберет товар с деньгами себе.

За спиной остается маленький спящий городок, а над ним бесконечной синевой разливается космос. Как там говорил Санжар? Мы всего лишь пылинки во вселенной? Вся наша планета мельче пылинки в таких масштабах. На секунду я чувствую холодную пульсацию безжизненных космических пространств. Гнет миллиардов прошедших и грядущих лет. Мое лицо словно омывает звездный ветер, лениво сочащийся из звезд. Между пальцами исс克рят потоки звездной пыли, укутывающей газовые гиганты. И среди всего этого безмолвного величия я с трудом различаю побитую порчей, бьющуюся в своих последних предсмертных судорогах соринку — нашу планету.

Под утро у меня не остается сил вести машину, и я сворачиваю в редкий перелесок. Впервые за две недели мне не снится кошмар. Вообще ничего не снится, кроме теплой убаюкивающей темноты. Но словно есть в этой темноте что-то скользкое и холодное, вьющееся вокруг меня, как подслеповатая муравьиная колония. Чуть-чуть раз за разом пытающееся нащупать во мраке мое сознание. Сон начинает отступать, отваливаться рваными лоскутами, и, когда я уже почти проснулся, ледяные руки смыкаются на моем лице.

Пробуждаюсь с криком. Напротив меня стоит еще одна машина, и я готов завыть от отчаяния. Возле машины, довольно ухмыляясь, выстроились в ряд Адам с Анзором и братом. Пот застывает на спине ледяным гребнем, когда я вглядываюсь вглубь салона напротив.

Из клубящейся тьмы, скованной слабо мерцающими поясами Богородицы, усеянной Буллами Подчинения и обвшенной рунными костями, в меня впился тяжелый, ненавидящий взгляд. Все пространство моей головы вмиг

заполняется щелканьем костей и звуком ногтей, скребущих по дереву. И раскаленной иглой в сознание проникает мысль, что все это время они скребли не по паркету, а по крышке гроба. Гроба, в котором эта тварь пролежала черт знает сколько лет. Из которого ее вытащили, перевезли через границу карантинной зоны Суритска и доставили сюда. Чуть не теряю сознание от ка-кофонии в голове. Порождение Мглы ослабляет хватку, и я чувствую, как оно скалится, глядя на мои мучения.

Адам открывает дверь с моей стороны:

— Как самочувствие, Игорек?

Слова даются тяжело, каждое с трудом выхаркивается из наполнившейся кровью глотки:

— Как? Я же... тебя..

Адама сочувственно качает головой:

— Нет-нет-нет. Не меня. Я вообще не знаю, кого вы завалили. Ты у друга своего мог бы спросить, если бы не грохнул его. Хотя и Санжар вряд ли знал, — он отворачивается и обращается к Анзору с братом. — Ну что, обкатка прошла успешно, как думаете? Покупка колдуна себя оправдывает?

Его боевики подобострастно кивают в ответ. Адам обращает на меня черный взгляд:

— Единственное, да, я думал, что вы с Санжаром еще в лесу друг друга перебилите, но ничего. Чернокнижник еще натренируется. Хватку подрастерял и слабоват немного. После долгих лет голода не хватает человеческой плоти и крови.

Распрямляется, потягивается, хрустя спиной, и с наслаждением втягивает стылый утренний воздух. Напевая под нос, идет к машине, и я слышу его команду:

— Анзор, вытаскивайте этого пса обколотого. Будем кормить колдуна. Он заслужил награду.

ДМИТРИЙ КОЗЛОВ

Журналист, писатель и публицист. Живёт в Киеве, малую прозу пишет с 2010 года. Рассказы автора публиковались в таких журналах, как «Фантаскоп», «Космопорт», «Млечный Путь», «Уральский следопыт» и DARKER, а также сборниках издательств АСТ и ЭКСМО, среди которых «Тёмная сторона дороги», «Темная сторона сети», «Под знаком З», «Survarium. Истории выживших», «Хеллоун». Также занимался новеллизациями по мотивам видеоигр. Приоритетными для себя считает жанры хоррор, фэнтези и НФ.

151

Толпа у ворот бурлила и клокотала кипящим котлом. Гомонящие люди в масках и чёрных балаклавах прибоем накатывали на стальные ворота, грохоча по металлу кулаками, и откатывались назад. Назаров видел, как среди тёмных силуэтов поблескивают ножи, топоры и ружейные стволы. Из кричащих и скандирующих глоток в промёрзшую темноту вырывались ключья пара.

Толпа требовала освободить своих, угрожая применить силу. И, несмотря на вооружённых автоматами непоколебимых часовых на вышках, торчавших над увитым колючей проволокой забором, даже Назарову было понятно, на чьей стороне сила теперь. Уже сутки у страны толком не было ни президента, ни правительства, и человек в балаклаве теперь весил не меньше человека в мундире. А то и больше. А на автомат всегда мог найтись другой автомат.

Впрочем, всё это Назарова мало заботило. Он пришёл сюда по совсем другой причине, хотя царившая в городе и вокруг СИЗО неразбериха могла несильно облегчить задуманное.

Сквозь гул столпотворения донёсся лязг калитки. Показавшийся в просвете милиционер в бронежилете и с АКС на груди махнул рукой Назарову, и тот успел проскочить в калитку прежде, чем разъярённые и взбудораженные активисты заметили прореху в «обороне» СИЗО. Заперев стальную дверцу, правоохранитель молча побрёл через залитый холодным светом прожекторов двор. Назаров последовал за ним, сгибаясь под хлесткими порывами ледяного ветра.

В нескольких окнах хмурых побеленных корпусов, окружавших двор, дрожал тусклый свет, но большинство зарешечённых окошек-бойниц глядели на Назарова и его провожатого чёрными немигающими глазницами. Назаров подумал, что там, за решётками, могут быть люди, которые сейчас смотрят на него из своих тёмных камер. От этой мысли по телу отчего-то пробежала дрожь.

Толстые стены административного корпуса окончательно отрезали шум толпы, и Назаров слышал лишь едва слышное шуршание подошв по истёргнутому линолеуму узкого, казённо-серого коридора. Идущий впереди милиционер шаркал, подволакивая правую ногу. Мимо, под охраной конвоиров, протопало двое мужчин с бритыми, иссечёнными шрамами головами, татуировками с трезубцами, и какими-то узорами, напоминавшими кельтские

Они казались изнурёнными: у одного левый глаз почти скрылся в огромном набухшем кровоподтёке, но в их взглядах Назаров видел торжество победителей, а в глазах конвоиров — только страх.

Скользя взглядом по табличкам на дверях кабинетов, и посеревшим от времени стенгазетам, Назаров не верил, что у него получилось. Впрочем, раслабляться не следовало. Всё только начиналось.

Сопровождающий остановился у двери с табличкой «Полковник Фокин И.В. Начальник СИЗО № 13 — начальник арестного отдела Киевского следственного изолятора управления ГПтС Украины в Киеве и Киевской области». Постучав, правоохранитель махнул рукой, приглашая Назарова внутрь.

Назаров представлял себе здешнего начальника хрестоматийным милиционским боссом — пухлым, низкорослым, с вечно потным лицом (лоб постоянно промакивает платком), багровым от умеренного, но регулярного употребления спиртного.

Единственным, с чем он угадал, был лоб. На лбу у полковника блестела испарина, но, судя по всему, от духоты: инфракрасный обогреватель хорошо разогрел тесный, убого обставленный кабинет, где кроме стола, двух стульев, рассохшегося шкафа с папками и древнего компьютера был лишь официозный трезубец на выкрашенной в рвотно-зелёный стене.

Фокин был высок и широкоплеч — так, что форма, казалось, вот-вот лопнет на нём по швам. Бледным аристократичным лицом он походил, скорее, на вампира из современных соплэжайских фильмов, чем на милиционера, и форма вкупе с крепким телосложением лишь усиливала этот диссонанс, будто голова и тело были из разных наборов.

Увидев Назарова, полковник провёл рукой по чёрным с проседью волосам, и протокольно улыбнулся одними губами.

— Добрый вечер, — сказал хозяин кабинета, указывая рукой на стул с белыми цифрами инвентарного номера на спинке. Голос полковника был тихим и охрипшим; следом за словами последовал сиплый кашель, и Фокин устало опустился на скрипнувший стул.

Назаров кивнул и сел напротив, поморщившись от кислой застарелой табачной вони, и сложив руки в замок на потёртом столе. Затёрханная столешница (тоже с инвентарным номером на торце) была пуста, если не считать старорежимную хрустальную пепельницу, набитую окурками, и вскрытый конверт, который Назаров тут же узнал.

Это было его письмо. Благодаря работе в органах Назарову удалось передать его полковнику прямо в руки.

Проследив за взглядом Назарова, полковник сухо улыбнулся и вытащил письмо из конверта.

— Спасибо. Ознакомился, — почти прошептал он. Назаров смотрел на белый лист, по середине которого его рукой было аккуратно выведено: «151».

Фокин молчал. Его взгляд был въедливым и проницательным, он припекал Назарова, как невидимые лучи инфракрасного обогревателя, переливавшегося красным в тёмном углу у окна, будто тлеющие угли. «Должно быть, на-тренировался на допросах», — подумал Назаров, и сидел молча, глядя на свои сцепленные, слегка подрагивающие пальцы.

— Вопрос. Номер. Один, — откусил, и одно за другим выплюнул слова Фокин, ритмично стучая пухлым пальцем по столу. Назаров заметил на руке полковника узкую блестящую полоску обручального кольца. — Как вы узнали?

«Отлично. Значит, это всё-таки правда! Он даже не пытается юлить и отрицать, хотя мог бы».

— Я работаю в архиве СБУ, — ответил Назаров, откинувшись на спинку стула. Сидеть было неудобно. В каком-то детективном романе он читал, что стулья для допрашиваемых специально делают со скосом вперёд и вниз — чтобы подозреваемый медленно съезжал, и постоянно чувствовал неудобство. Сейчас Назарову казалось, что здесь тоже владеют этим методом. — И несколько недель назад абсолютно случайно, перебирая старые записи, наткнулся вот на это.

Назаров вытащил из кармана куртки и протянул Фокину сложенный вчетверо пожелтевший листок. Развернув бумагу, полковник пробежал взглядом по машинописному тексту, и небрежно отложил его в сторону, как нечто давно знакомое и малозначимое.

— А, директива Совнаркома... Я когда-то читал копию. Честно говоря, не думал, что где-то ещё, кроме моего сейфа, они остались... Некоторые, видимо, не смогли понять значение слов «После прочтения скечь».

Подобное отношение к директиве слегка потрясло Назарова.

Ведь для него самого эта бумага казалась важнейшим из когда-либо написанного — вернее, напечатанного — на Земле.

— Может, вы не вполне понимаете... — начал Назаров, но Фокин усмехнулся, вытащив из кармана сигареты.

— Отчего же... Я-то как раз вполне всё понимаю. Более того, скажу вам больше: такие директивы с семнадцатого по двадцатый год, когда Красная Армия окончательно заняла Киев, приходили из Петрограда, а потом и из Москвы неоднократно. Если быть точным — всякий раз, когда здесь или там менялась власть. И все они были с одинаковым текстом, предписывавшим новому руководству Лукьяновской тюрьмы незамедлительно взять под стражу камеру № 151.

Фокин прикурил сигарету, выпустил облако дыма к потрескивающей бледной лампе на потолке, и продолжил:

— Ну, а потом шло краткое пояснение причин. С ним вы наверняка ознакомились.

— Не пояснение, а, скорее, констатация факта того, что в этой камере содержится под стражей некий Скобельцин Владимир Юрьевич.

Помолчав, Назаров добавил таким тоном, будто и сам ещё не до конца в это верил:

— Содержится с тысяча семьсот девяносто второго года? То есть уже больше двух столетий...

На лице Фокина не дрогнул ни один мускул — лишь вампирья улыбочка стала немного шире, выпустив очередную порцию зловонного дыма.

— И вам, конечно же, кровь из носу нужно разгадать эту тайну, верно?

— Поверьте мне... Мои мотивы не связаны с праздным любопытством, — ответил Назаров. Он не мог оторвать взгляд от кольца полковника. Оно заставляло думать о его собственном — о том, которое он по привычке пытался

нащупать на пальце, и которое уже третий день лежало в ящике письменного стола. Лежало с того самого дня, когда Алла, забрав Машеньку, ушла, добавив, что не может жить с тем, кто видит, как из их ребёнка по капельке утекает жизнь, и ничего не делает...

— Если это так, то я прошу вас поверить мне на слово: эта загадка из тех, которые не стоит разгадывать, — сказал Фокин. — И вам не следует...

Кажется, он собирался добавить что-то ещё, но в этот самый миг Назаров, течение мыслей которого привычным руслом добралось до образа Машеньки — с изнурённым лицом, без единого волоска на крошечной головке после химиотерапии — вдруг потерял самообладание. На сцепленных в замок пальцах побелели костяшки, стол под руками задрожал, цифры инвентарного номера запрыгали перед глазами.

— Я требую... Требую, чтобы вы провели меня к нему... — хрюплю пробормотал Назаров. — И без всяких там напутствий.

Лицо Фокина почти не изменилось, но во взгляде вдруг прорвались жёсткий стальной блеск. Будто ему не понравился — очень не понравился —ультимативный тон Назарова. И ешё что-то. Какая-то размытая, неясная тень выражения, смысль которого от Назарова ускользнул.

— И что же вы сделаете, если я откажусь? Сообщите журналистам? Да они вас на смех поднимут, — отчеканил Фокин, раздавив окурок в пепельнице так, что искры рассыпались по столешнице. — Разве только какой-нибудь «Вестник Паранормального» заинтересуется.

Назаров знал, что припугнуть местное начальство можно не оглаской — она действительно бесполезна — а кое-чем другим, и решил, что настало время для единственного козыря. Забравшись дрожащей рукой в карман, он выудил оттуда ворох карточек-удостоверений и бросил их на стол.

«Белый Молот», «Нарния», «Правый Сектор» и иже с ними.

— Если вы не отведёте меня к Скобельцину, через час они пойдут на штурм. Вы ничего не сможете сделать, полковник, и вы это знаете. Сейчас не ваше время. А потом все узнают, кого вы там прячете.

Фокин сложил руки на груди, откинулся назад, и провёл по Назарову сканирующим взглядом, от которого тот пойжился. В глазах полковника заплясали огоньки недоверия: Назаров больше походил на того, кем и являлся — на архивную крысу. От радикала-националиста из числа заполонивших Киев в нём была лишь лысина — да и та образовалась естественным путём, и хранила клочковатые остатки седой шевелюры. Во взгляде Фокина всё это читалось очень ясно. Как и осознание того, что Назаров блефует.

Как и презрение.

Но вместо того, чтобы вызвать дежурного и вышвырнуть Назарова к чертям собачьим (столпившимся у ворот) Фокин как-то странно ухмыльнулся, и встал.

— Хорошо. Я отведу вас туда, если вам так хочется. Только позвольте по пути развлечь вас небольшой историей.

Они вновь шли через продуваемый ветром пустынный двор. По разбитому асфальту неслась позёмка; время от времени ледяные порывы швыряли

Назарову в лицо холодные дробинки снега, и те, проникая под одежду, вонзались в кожу множеством невидимых жал.

— Корпуса здесь носят имена правителей, при которых они строились, — почти крикнул Фокин, придерживая рукой фуражку, и кивнул в сторону одного из разномастных строений, нависавших над двором хмурыми крепостными валами. — Этот, например, «Кучмовка» — самый новый, тесный и неудобный. Рядом два корпуса «Брежневки», «Сталинка» — там сидят малолетки — и «Столыпинка». А вон тот...

Фокин указал на самое высокое здание, тёмной громадой растущее впереди, и тут же спрятал руку в карман пальто.

— Его называют «Катя», и там находится «Пост № 5» — камеры для пожизненного заключения. Есть легенда, что здание построили при Екатерине Второй, хотя на самом деле его возвели в тысяча восемьсот шестьдесят втором году. Впрочем, сейчас вы увидите, что доля истины в байке об императрице всё же есть.

Они подошли к двери, у которой курил караульный. Выбросив сигарету, он открыл перед Фокиным дверь. После холода и тьмы во дворе залиятый светом коридор едва не оглушил Назарова своей духотой.

— Хорошо натопили... — буркнул себе под нос Фокин, направляясь в лабиринт коридоров. Здесь вместо кабинетов мимо мелькали тяжёлые, изъеденные ржавчиной двери камер с крохотными решётками, за которыми царил мрак. Назаров смотрел на высокие, укрытые тьмой своды, с которых на каменный пол падали гулкие капли; тусклый свет ламп на стенах увязал в густой, будто дёготь, черноте наверху.

— На самом деле тюрьма существовала и до официального открытия в тысяча восемьсот шестьдесят третьем, — продолжал Фокин; его голос эхом ricochetил от стен и уносился в пустынные ответвления бесконечного коридора. Назарову казалось, что они попали в какие-то катакомбы или тоннели... — И её действительно создали в правление Екатерины Второй. Под землёй. Прямо под нашими ногами.

Фокин свернулся в проём, за которым вниз уходила винтовая лестница. Они начали спускаться. Пластиковые перила, спиралью убегая в темноту, поблескивали, будто исполинская змея.

— В общем, в конце восемнадцатого века здесь уже был блок на сто пятьдесят камер, — донёсся голос полковника из сгустившейся тьмы. — Но когда привезли графа, понадобилось оборудовать... Хм... Особую. С тех самых пор каждый начальник тюрьмы передавал своему преемнику сведения о заключённом в камере № 151, требовал ни в коем случае не допускать к нему посторонних и строжайше пресекать любую возможность его побега. Эта традиция прерывалась лишь в революционные годы, времена Гражданской войны, и во время Великой Отечественной, когда руководство тюрьмы часто менялось в условиях хаоса. Тогда из столицы приходили директивы — потому что, кроме начальника тюрьмы, о камере № 151 известно только первым лицам где-то в верхах. Насколько я знаю, они сообщили о ней даже немецкому комендантту после оккупации.

Назаров едва не поскользнулся на мокрой ступеньке, вцепившись в поручень озябшей рукой. Здесь было сыро и холодно, как в пещере. Или в могиле.

— С тех пор ничего не менялось. Разве что после девяносто первого освежомлённые лица сидят здесь, в Киеве, а не в Москве или Питере... — сказал Фокин, замерев перед ржавой дверью в конце лестницы. Тусклая лампочка над ней не то что ничего не освещала, но сама едва оборонялась от хищной сырой темноты.

— Всё это, конечно, очень интересно... — прокашлявшись, сказал Назаров, обхватив себя руками; по коже от промозглой сырости носились стада муршек. — Но это совершенно ничего не говорит о том, кто там внутри.

— Я думал, вы читали директиву до конца, — ответил Фокин, вытаскивая из кармана связку ключей.

— Читал, — кивнул Назаров. — Но там написан какой-то бред...

— Дайте-ка вспомню, — ухмыльнулся Фокин, приложив пальцы к бледному лбу. — Что-то вроде «одержимость силами неизвестной природы, угроза всему живому», да?

— Что-то вроде того.

— И что же, вы в это не верите?

— А вы?

— Ну, я же не рвусь туда попасть... К тому же отчего вы не можете поверить в какую-то нечисть, если верите в его бессмертие?

— Думаю, речь идёт о каком-то неизученном научном явлении, — ответил Назаров. В ответ раздалось какое-то карканье. Назаров не сразу понял, что это смешок.

— Ах, ну да, ну да... Трезвый рациональный ум... — сказал Фокин таким тоном, будто наоборот говорил о каких-то тёмных дремучих суевериях. — Ага, вот нужный.

Вытащив из связки ключ, полковник заскрежетал старым замком, и толкнул дверь, открывшуюся абсолютно бесшумно: петли были на удивление хорошо смазаны. Впрочем, из-за двери в нос Назарову ударил затхлый и спёртый дух давно забытого подземелья — влага, плесень, сырья земля.

Вновь мелькнула неприятная мысль о могиле.

Фокин шагнул вперёд, включив фонарик в телефоне: за дверью никакого освещения не было вовсе. Как только Назаров переступил порог, полковник запер за ними дверь. Металлический лязг унёсся в темноту.

— Ещё не передумали?

— Нет.

— Жаль. Я надеялся на эффект от интерьера.

Они двинулись вперёд. Фокин осветил уходящую вперёд анфиладу залов, в каждом из которых располагалось по две камеры. Свет блестел на влажных, покрытых мхом и плесенью массивных чёрных решётках. За ними в темноте копошились и попискивали какие-то крошащие тени. Крысы.

— Этот блок не используется с начала двадцатого века. До сорока пятого здесь ещё хранили всякий хлам, но после войны забросили окончательно, — сказал Фокин, продолжая шагать вперёд непринуждённо, будто прогуливаясь по парку в солнечный день. Лёгкость в походке и голосе вдруг показались Назарову настолько преувеличенно естественной, что не осталось сомнений в её фальшивости. Следом ушатом ледяной воды пришла мысль: полковник боится.

— На самом деле в пояснении из директивы сказано далеко не всё. Всего, пожалуй, не знает никто, ведь записей сохранилось крайне мало, молва в те времена могла исказить и переинчить очень многое, да и традиция здешних начальников передавать сведения о сто пятьдесят первой камере из уст в уста наверняка привела к «испорченному телефону» длинною в столетия. Но кое-что известно более-менее достоверно.

Назаров едва видел спину Фокина впереди, ориентируясь по пятну голубоватого света на древних, склизких от влаги и плесени камнях. Голос полковника будто доносился со всех сторон, как если бы с ним говорила сама тьма. От этой мысли стало ещё больше не по себе, но Назаров вновь представил себе Машеньку, её взгляд, полный боли и непонимания: за что страдания достались именно ей?

Решимость идти до конца (во всех смыслах) вновь вернулась.

— Всё началось с того, что в Васильковском уезде Киевской губернии, в одном из дворянских имений, начали пропадать крепостные. Целыми семьями, хуторами, сёлами. Местные тут же заговорили о здешнем помещике Скобельцине, который, по их мнению, занимался чем-то... Чем-то тёмным, скажем так. О нём давно ходили разные мрачные слухи. Судя по всему, соседи-помещики и местное духовенство считали его кем-то вроде дьяволопоклонника.

До поры до времени всё это никого не беспокоило, но вскоре начали пропадать крепостные других помещиков и государственные крестьяне из соседних уездов. Да и простые путники, проезжавшие через эти края, часто исчезали без следа, так и не добравшись до места назначения. В общем, нужно было что-то предпринять, и в имение Скобельцина послали уездного полицмейстера, Громского, с ротой солдат из расквартированного неподалёку драгунского полка впридачу.

Чёрная тень шарахнулась прямо из-под ног Назарова. Толстый лоснящийся хвост, мелькнувший в свете фонарика, вызвал приступ омерзения.

— Из этого отряда в живых осталось лишь трое, — продолжал разглагольствовать Фокин, качая лучом фонарика из стороны в сторону. — Одного доставили в расположение полка совершенно обезумевшим, и к утру он умер от лихорадки. Другой ничего не мог толком рассказать, лишь крестился, бормотал молитвы, и вопил от ужаса, стоило солнцу зайти за горизонт. Впоследствии он покончил с собой. И лишь последний выживший — сам полицмейстер — сумел относительно внятно изложить, что же открылось отряду в усадьбе Скобельцина.

По его словам, всё поместье было огромной фабрикой пыток. Люди, томившиеся там, подвергались неописуемо зверским издевательствам, потрясающие изощрённым и жестоким. Я читал этот отчёт, и знаете что? Мне это чем-то напомнило худшие истории о концлагерях, экспериментах нацистов и так далее, только много хуже... И это при том, что тогда старались скрывать особенно жуткие подробности.

Например, в огромных подземных темницах, в крохотных клетках томились люди с ампутированными конечностями, защитными ртами, осколённые, с чудовищными окогами, травмами и уродствами. Один мальчик лет десяти всю жизнь провёл в клетке со сторонами в полметра, его руки и ноги

были сломаны, а затем срослись под неправильным углом, будто у какого-то краба... Все эти несчастные были истощены, напуганы и умоляли о смерти...

А ещё Громский упомянул о слугах графа, которые, по его словам, были ни чем иным, как нежитью. Ходячими мертвецами, которые набрасывались на солдат и убивали их. В усадьбе он обнаружил множество книг и манускриптов, хранящих тайны чернокнижия и запретных ритуалов, и бегло осмотрел записи самого графа. По мнению полицмейстера, Скобельцин полагал, что муки и смерть огромного количества людей, а также попрание всех существующих законов природы и морали, способны открыть врата в потусторонний мир.

А затем Громский отыскал и самого графа — в обеденном зале. Прежде, чем бежать прочь сломя голову, полицмейстер успел заметить, что Скобельцин, сидя в одиночестве за огромным столом, поедал девушку — по словам полицейского, гимназистку, недавно пропавшую на почтовой станции неподалёку. Живую. Скованную цепями. Как сейчас помню эту строчку в отчёте: «...его лицо было в крови, на нём читалось наслаждение её криками...»

— Хватит, — не выдержал Назаров. — Пожалуйста... Что случилось потом?

Фокин немного помолчал, и ответил:

— Послали ещё один отряд, который перевернул там всё вверх дном, освободил тех, кого ещё можно было спасти, и предал огню имение графа. На этот раз солдаты вооружились серебряными пулями и саблями. Знаете, издавна считалось, что серебра не выносит всякая нечисть...

Назаров фыркнул, но полковник, шагая в темноту, продолжал:

— Так или иначе, но им удалось взять Скобельцина, и доставить его в полк. Судя по всему, он даже не сопротивлялся. Был закрытый судебный процесс, о котором не сохранилось сведений. Вероятно, предпринимались попытки казнить графа, которые не увенчались успехом — об этом не упоминают в старых бумагах, но что-то я сомневаюсь, чтобы в те времена его приговорили к пожизненному из соображений гуманности.

Графа доставили в закрытой клетке из серебра в Киев, где уже оборудовали место заключения. Сохранились воспоминания одного из конвоиров, участвовавших в помещении Скобельцина в камеру. Я их читал. Там по большей части религиозная чушь и суеверия, но понятно лишь, что облик графа был, как бы это сказать, не слишком похож на человеческий. Использовались слова «богомерзкая тварь», «нелюдь», и почему-то несколько раз «чёрный взгляд». Так или иначе, тот, кто это писал, был последним, кто видел графа живым.

— То есть как — последним? — удивился Назаров. — Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что никто и никогда больше не входил в камеру № 151.

Слова Фокина повисли в удушливом смраде подземелья, как пропитавшая воздух сырость. Спустя десяток шагов, и несколько оплетённых паутиной решёток Назаров, наконец, пробормотал:

— Но откуда тогда вы...

— Мы знаем, что оно... Что он жив. Уж поверьте...

Они шли, и Назарову на миг почудилось, что стены сложены не из грубых камней, а из человеческих черепов, как в парижских катакомбах. А ещё в голову вдруг полезли мысли о рассказе, который он когда-то читал — «Бочонок амонтильядо», в котором героя долго водили по подземелью, а потом замуровали

заживо...

Фокин вдруг замер, и Назаров едва не врезался в его спину.

— В чём де...

— Мы на месте.

Странно, но вездесущих крыс в этой части подземелья не было: ни шорхов, ни писков, ни теней. Назаров обогнул широкую спину полковника и устремился на дверь в стене, замыкающей анфиладу. Ожидая увидеть нечто массивное и величественное — средневековый портал с резьбой в виде черепов и демонов в духе готических соборов, или дверь, покрытую пентаграммами и зловещими латинскими изречениями — Назаров вдруг почувствовал что-то вроде разочарования. Перед ним была обычная казённая дверь, с ржавой покосившейся табличкой «Посторонним вход запрещён», и белыми цифрами — 151. Единственной особенностью был металл, потемневший, но ещё сохранивший кое-где серебристый блеск.

В тишине подвала до них донёсся какой-то необычный звук. Назаров оглянулся, уставился в темноту, подслеповато щуря глаза; прислушался, но ничего не услышал. Должно быть, причудливый отзвук эха их с Фокиным шагов...

Он вновь перевёл взгляд на дверь, заметив прорезь замочной скважины. В нем начало вдруг расти странное чувство — смесь предвкушения и какого-то первобытного ужаса вроде того, что чувствуешь, когда стоишь под гудящей линией электропередач. Ощущение близости могущественной, таинственной силы.

— Открывайте... — прохрипел Назаров.

— Я хочу в последний раз спросить вас — вы уверены?

— Да.

— Позвольте узнать, зачем вам это?

Назаров едва сдерживал нетерпение, но нашёл в себе силы ответить.

— У моей дочери лейкемия. Надежды на врачей нет. Только на чудо. И если вы говорите правду, то там, за этой дверью — самое настоящее чудо. Чудо бессмертия. И я хочу получить этот секрет. Или хотя бы попытаться.

Полковник закрыл глаза и покачал головой.

— Боюсь, вам может не понравиться этот, как вы говорите, секрет...

— Это уже не ваше дело, — устав сдерживаться, почти выкрикнул Назаров. — Открывайте!

Вздохнув, Фокин вновь достал связку ключей и тихо сказал.

— За этой дверью — ещё одна такая же. Её можно открыть только после того, как закроется первая.

В голосе полковника слышалась бесконечная усталость, но Назаров этого уже не заметил: он чувствовал себя стальной стружкой вблизи работающего электромагнита. Сердце долбило в грудную клетку, как кулак пьяниги в окно ночного киоска.

Фокин выудил из множества собратьев ключ — массивный и немного стальнымодный. В свете фонаря он слегка поблескивал, и Назаров вдруг понял, из чего сделаны и ключ, и дверь.

— Это серебро?

Фокин кивнул.

— Из него сделаны и стены камеры.

Назаров хохотнул: до чего же безумными, тёмными невеждами нужно было быть, чтобы истратить столько драгоценного металла на нечто, просто-напросто недоступное примитивному архаичному сознанию!

Полковник провернул ключ до щелчка, и потянул дверь на себя, и Назаров увидел в паре шагов впереди другую, как и обещал Фокин. Он шагнул вперёд, не заметив, как полковник вытащил за цепочку и скжали в руке серебряный крестик. Как только Назаров перешагнул через порог, дверь за ним закрылась, погрузив его в кромешный мрак.

Дрожа, он вытащил из кармана телефон и включил подсветку экрана; зеленоватый свет упал на дверь. Она действительно была такой же, как первая, но казалась более ветхой, почти чёрной, с рваными неровностями в металле, напоминавшими язвы. И без замочной скважины. Только ручка, на которую нужно было нажать.

Гул внутри усилился, но теперь он звучал и там, за дверью. «Будто огромный рой ядовитых ос... Мёртвых ос...», — мелькнули в голове обрывки мысли. Господи, что за бред?!

Назаров впервые с момента спуска в подземелье ощутил настоящий, почти звериный страх. В нём не было ничего рационального. Это был страх зайца, оказавшегося посреди лесного пожара. Пусть он никогда прежде не горел, но знал, что пламя смертельно...

Едва не выронив телефон, Назаров начал пятиться... и тогда услышал голос. Он понял, что именно его только что слышал там, стоя рядом с Фокиным, но тогда этот голос был тихим, едва слышным шёпотом. Теперь же это был далёкий крик.

Крик Машеньки. Крик чудовищной, запредельной, невообразимой боли. Крик её плоти, крови и костей, пожирающих самих себя, и рассудка, взывающего о помощи...

Чувствуя, как глаза наполняются слезами, Назаров схватился за ручку и открыл дверь.

Прежде, чем телефон выпал из руки и погас, Назаров успел увидеть то, что скрывалось за дверью. Там тоже была тьма, но другая. Совсем другая. Свет телефона экрана упал на неё, и растёкся по поверхности, как по чёрной воде ночной реки.

Это было не отсутствие света, а нечто, вообще отрицавшее саму его возможность. Чёрнота, которой было не место на Земле, в этом мире, в этой Вселенной... Мрак из мест, одна мысль о которых способна вмиг лишить рассудка... Ледяной мрак, полный омерзительной, чуждой жизни, оскверняющей собой всё живое... Этот мрак дышал, думал, воцарялся...

И был голоден.

Назаров закричал, отшатнувшись, но было поздно. То, что жило в камере № 151, окутало его и всосало внутрь, словно вакуум. Дверь захлопнулась, отрезав отчаянный крик.

Было холодно. Кошмарно, нечеловечески, до боли в каждой клетке. Крик застыл в промёрзшем горле. Назаров чувствовал тьму кожей, она будто приюхивалась, лизала его, пробовала на вкус.

— Он пришёл... — донёсся шепоток, и улетел прочь мириадами лоскутьев смеющегося эха; от этого шёпота Назаров почувствовал, как внизу растекается тепло: он обмочился. Ничто под солнцем и звёздами не могло говорить так. Это был голос чего-то, даже не знающего о свете и жизни. Так могли бы шептать холодные камни во мраке на дне моря, будь они живы и голодны.

— Они всегда приходят... — ответил ему ещё голос. Казалось, он звучал с другой стороны, хотя Назаров почти полностью потерял ориентацию; попытавшись нашупать дверь за спиной, он лишь почувствовал, как тьма упруго продаётся под пальцами, словно липкая гнилая плоть, и замер, парализованный отвращением и страхом.

Вновь смешки.

— Граф? — сумел выдавить Назаров. Хотя он мог лишь подумать о том, чтобы издать звук.

Снова смех — отовсюду. Снизу, сверху, впереди, за спиной.

Внутри.

— Граф Тёмных Измерений... — прошептало нечто прямо в ухо Назарову.

— Граф Пустот среди Звёзд... — донеслось в другое ухо вместе с мерзким хихиканьем.

— Граф без Смерти... Граф без Жизни... Граф без Сна... Граф без Покоя... — зазвучало, запело, зашипело в голове.

— Граф Вечности... — сорвалось с его собственных губ.

А потом кожа Назарова будто вспыхнула, хотя никакого пламени не было — просто не могло быть здесь, как и любого источника света. Остатками погружающегося в пучину безумия рассудка Назаров вдруг понял, что увидел в глазах Фокина там, в кабинете... Это был страх. Страх за себя. Страх за него.

Страх за всё сущее.

Он вдруг осознал, что сейчас не в камере № 151. Не в подземелье Лукьянновской тюрьмы. Не на Земле. Быть может, даже не в нашем мире.

Он там, где без смерти вечно живёт вечная боль. Там, где правит чернейшее из безумий, и тёмные сущности во мраке касаются друг друга, барахтаясь в нескончаемых, бездонных океанах болезненных мук.

Следом пришла мысль, что эта чужеродная, пришедшая извне сущность пожирает его. Переваривает. Но не чтобы убить. О нет, это было бы слишком легко.

За миг до того, как тьма густым смолистым потоком хлынула в него, и Назаров стал частью живущего в камере № 151, он понял, что достиг цели.

В этом кошмарном мраке за пределами всего сущего он будет жить и музыкально умирать вечно.

Фокин докуривал сигарету. Он курил её в среднем около трёх минут, хотя в последнее время управлялся быстрее. Полковник затягивался глубоко, чтобы горячий дым хоть на миг изгнал из лёгких тот холод, что проникал в них здесь, перед дверью камеры № 151.

Он всегда давал им эти минуты. Всегда ждал, и прислушивался — быть может, кто-нибудь закричит, постучит, заскребёт ногтями по серебру... Но нет.

Всегда тишина.

Хотя не совсем.

На самом деле он мог бы рассказать этому Назарову то, о чём умолчал — так же, как рассказал двум другим, приходившим сюда за те двенадцать лет, что Фокин занимал пост начальника тюрьмы. Мог рассказать о том, что когда графа Скобельцина помещали в камеру, тюремный врач констатировал стремительное разрушение всех тканей его тела, будто нечто пожирало его изнутри.

Что надзиратель, решивший войти в камеру неделю спустя, был поглощён некой тёмной субстанцией на глазах у своего товарища, который успел запереть дверь — в то время единственную — но от увиденного лишился разума.

О том, что сам граф давно умер — вероятно, ещё до заточения — но то, что жило в его теле, вышло за пределы разложившейся оболочки...

О том, что примерно раз в столетие стены камеры окружают очередным слоем серебряных плит в палец толщиной, и оборудуют ещё одну дверь, потому что прежние постепенно истончаются, разрушаются, и оно занимает ещё клочок нашего мира, прогрызая себе путь шаг за шагом.

Да, он мог бы всё это рассказать, как рассказал двум другим. Впрочем, их это не остановило. Так же, как не остановило бы и Назарова. Иногда полковник думал, что нечто там, за двумя серебряными дверями, как-то искало и манило их ещё до того, как они оказывались здесь, в темноте. Хотя, быть может, это было просто любопытство.

Да, наверняка. Даже у этого Назарова, несмотря на лейкемию дочери, всё дело было в любопытстве...

— Любопытной Варваре нос оторвали... — прошептал полковник, выпуская струйки дыма из ноздрей, и усмехнулся. Бросив окурок на пол, Фокин вознамерился было убраться прочь из этого мерзкого склепа — судя по всему, власть сменилась, а значит — нужно готовиться передавать полномочия и рассказывать обо всём этом безумии следующему бедолаге, который сменит его в должности, так же, как когда-то предыдущий начальник поведал недоверчивому, полному скепсиса Фокину историю заключённого из камеры № 151.

Но потом, замерев, полковник вновь повернулся к двери. Он вспомнил тот единственный раз, когда шагнул за дверь — конечно, только за первую. Он сделал это сразу после того, как в камеру ушёл его первый настырный гость — профессор этнографии из городского исторического музея, тоже наткнувшийся на одну из этих проклятых правительственные директив, которыми наследили в

Твин Пикс навсегда

Если вы никогда не бывали в Твин Пиксе — добро пожаловать к нам. Но будьте осторожны — многие остаются здесь навсегда

vk.com/twinpeaks_our_love_forever

революционные годы. Вспомнил, как увидел на полу что-то, будто отрубленное захлопнувшейся серебряной дверью.

Оно шевелилось. И походило на чёрных склизких змей. А потом рассыпалось, исчезло.

Но прежде шептalo — будто бы внутри его головы.

Фокин и сейчас слышал этот шёпот. «Вечность... Вечная жизнь... Открой дверь...». Он слышал его все эти годы, хотя в последнее время немножко громче. И, признаться, порой было трудно устоять. И дело было не в словах, а в чём-то другом... Иногда он чувствовал себя так, будто не пил неделю, а ему протягивают стакан холодной родниковой воды...

Иногда...

Например, сейчас...

Обычно помогали мысли о Наташе. И о Славке, который, казалось бы, совсем недавно научился ходить, а уже резво бегает по двору за голубями и кошками, и так смешно говорит «фафуфай» на их попугая Гошу, и так потешно выдыхает через нос, имитируя звук, с которым открываются двери троллейбуса...

Всё это помогало и сейчас, хотя, признаться честно, было труднее, чем обычно. Фокин закрыл глаза, и велел шёпоту убраться прочь из головы. Потом заставил руки повиноваться, выбрал нужный ключ, вставил в замочную скважину. Замер на миг.

И положил другую руку на дверную ручку.

УГОЛ

ДМИТРИЙ
МОРДАС

Начинающий автор из Белгорода. Родился в 1986 г. Впервые опубликовался в «Самой страшной книге-2015», затем в сборнике «Темная сторона сети». Победитель конкурса «Чертова дюжина-2014». Помимо хоррор-литературы, увлекается восточными единоборствами и коллекционирует аммониты.

Порой казалось: я чувствовал затылком штукатурку потолка. Она не жесткая. Нет. Она — как выпавший утром снег, который днем растает. Иногда, изловчившись, мне удавалось бросить взгляд на нее. И, Боже мой, она прекрасна! О, если бы я мог вечно глядеть на ее белизну.

Вместо этого я видел себя. Там, внизу. Я изменился, и первое время не мог даже узнать свое лицо. Разбитое, распухшее, все в страшных бугристых швах. Оно до смешного походило на какой-то плохо слепленный, недопеченный пирог. Изо рта у меня торчала белая трубка, а рядом мигали лампочками приборы и что-то вроде мехов двигалось в такт дыханию моего тела.

Как же мучительно висеть под потолком! Я был не в силах даже шевельнуться. И даже думать было тяжело и, казалось, стоит закрыть глаза и чуть расслабиться, — и я распадусь, растекусь по белому потолку, и меня не станет. Наверное, это было бы даже приятно, но какая-то упрямая часть меня продолжала цепляться за эту комнату внизу. За это изуродованное лицо.

За Яну.

Она часто сидела рядом. Держала руку того, нижнего меня. Она говорила со мной, но я не слышал слов, и ответить не мог. А еще, когда приходила она, просыпался Угол.

Он был здесь все время, но я заметил его не сразу. Просто один угол палаты под самым потолком был темнее, чем другие. Иногда мне чудилось, будто там, в темноте что-то есть. Что-то бесформенное, похожее на огромный ком черной шерсти.

Но Угол был относительно далеко, да и смотреть на него тяжело. Уж лучше взглянуть еще раз на манящее белое поле потолка.

Я было совсем перестал обращать на него внимание... До тех пор, пока однажды оттуда к Яне не пропянулась какая-то тень. И я вдруг понял, что это рука. Черная, ссохшаяся, со множеством суставов. Она походила на длинную кривую палку или лапу какого-то неведомого насекомого.

Я закричал. Я напряг все силы и каким-то образом сумел остановить или просто напугать это. Рука втянулась обратно в Угол.

Яна тоже что-то почувствовала. Она быстро собрала вещи и ушла.

Угол всю ночь шевелился. И, кажется, я начал слышать звуки. Кто-то ворчал и жаловался на что-то и тихонько плакал. Слов было не разобрать, но

чувствовались в них тоска, одиночество и тяжкое беспросветное горе.

Яна вернулась. Но теперь каждый раз, когда она приходила, оживал и он. Слепо тянулся к ней, ощупывая стены, пол и все эти расставленные у кровати приборы.

Я боролся.

Я побеждал, но Господи, как же это было тяжело! Раз за разом Угол становился настойчивее. За рукой показалась вторая, потом нечто, похожее на голову с длинными клочьями волос.

И вот настал миг, когда он выполз целиком.

Из угла, словно из кокона, выпало нечто черное и мокрой тряпкой шмякнулось на пол. Оно долго лежало, собираясь с силами, а потом поднялось, и я понял, что когда-то оно было человеком. Теперь же на полу, покачиваясь, стоял черный, едва обтянутый кожей скелет.

Яна испуганно повернулась в его сторону. Вряд ли она могла что-то видеть, но — чувствовала.

Угол стал медленно ходить по комнате. Словно старик, долгие годы не встававший с постели, он с трудом держал равновесие и едва передвигал ноги. Колени его тряслись от усилий. И еще он был слеп.

Он — я почему-то знал это — выплакал себе глаза. Он ощупывал все вокруг своими длинными руками. Он искал Яну. Я пытался бороться с ним, но как бы ни был он слаб, я оказался слабее.

Он легко отбросил меня и я начал растворяться. Исчезать. Тогда я прекратил бороться и последнее свое усилие направил не на него, а на Яну.

БЕГИ!

Сколько раз я пытался это сделать, и лишь теперь, в минуту отчаянья мне удалось. **БЕГИ!!**

Яна вздрогнула и принялась озираться по сторонам.

БЕГИ!!!

В тот миг, когда черные руки уже почти коснулись ее, она, пятясь, отступила к двери и исчезла за ней, а я рассмеялся, и понял вдруг, что могу это делать. Смеяться.

Существо заворчало, село на том месте, где только что стояла Яна. Обнюхало землю, и, к моему удивлению, горько заплакало. А я смеялся высоко над ним, радуясь своей новой силе.

И тогда оно встало. Оно не нашло Яну. Зато отыскало меня. Руки потянулись к тому, нижнему мне и стали ощупывать мое тело. Лампочки на приборах па-

**Даже когда всё разрушено
или потеряно, мечты,
будущее и книги остаются
в ваших руках**

vk.com/club13979065

нически замигали, а движение мехов внутри колбы утратило размеренность. Тело мое изогнулось и затряслось.

«Не смей! — кричал я. — Не трогай!»

А он уже ощупывал мое лицо. Затем, отыскав рот, сунул в него свои длинные черные пальцы. Трубка выпала. Он глубже погрузил руку, и я испугался, что он отыщет мое сердце и сожмет его, задушит. Но у него были другие планы. Он растянулся, истончился и вполз мне в рот.

В палату вбежали люди. Они что-то кричали, бегали от одного прибора к другому. И, наконец, меня увезли.

Было странно и страшно оставаться одному над пустой кроватью. Одинокий, пустой, покинутый, я захотел бежать оттуда, но не мог. Белизна штукатурки больше не привлекала. А угол вдруг обрел надо мной власть. Пустой. Как и я. Черный. Я подумал, что мог бы со временем доползти туда. И жить. О, как же там будет хорошо. Так темно, так пусто. И можно вспоминать. И можно плакать. И я заплакал.

Через какое-то время доктора привезли меня. Опять вставили трубку в рот. Снова размеренно задвигались меха и спокойно умиротворяющие замерцали приборы.

Все стало, как прежде.

Я висел наверху, глядя на свое лицо, похожее на странный недопеченный пирог. Но отчего-то никак не мог перестать рыдать.

Я плакал бесконечно долго, и потревоженный этими звуками, тот, нижний я, вдруг улыбнулся и открыл глаза.

СЕРГЕЙ БУРИДАМОВ

Автор родился в 1982 году в Нижегородской области, вырос в Подмосковье, а живет в Москве. По образованию — историк. Имеет степень кандидата философских наук. Преподает в одном из московских вузов и занимается журналистикой. Женат. Увлекается стендовой стрельбой и политической историей.

— К стене!

Панырин привычным, отработанным за годы отсидки движением прижался лбом к стене и широко расставил ноги и руки. Вообще Паныриным он был только по паспорту и в уголовном деле, а так-то многие обитатели 4-й Бичугинской исправительно-трудовой колонии знали его под прозвищем «Жмых».

Пока офицер-контролер с лязгом открывал дверь в камеру, Жмых лениво размышлял о том, что только обык он на предыдущей хате, как снова подняли его под вечер с вещами и отправили в новые места. Не любил он переезды из одной камеры в другую. Во время этого, нового тюремного срока ему пришлось сменить две «хаты». Теперь его ждала третья, и он не знал, с кем придется делить стол и дом в ближайшие месяцы. Всякие сокамерники могут попасться.

— Входите!

Жмых поднял с пола спортивную сумку с пожитками и вошел в камеру. Как и десятки раз до этого, его нос первым оценил новое место. Пахло привычными ароматами зоны — застарелым потом и дермом. А еще — запах сигарет. «Вот это хорошо, вот это славно», — обрадовался Жмых. — Будет с кем подымить-потереть».

— Вечер в хату, мужчины! — громко произнес он, тщательно вытирая ноги о половик. Все, как принято. Все, как заведено. И только после этого Жмых поднял глаза и окинул взглядом маломестную камеру.

Ничего нового. Четыре двухъярусных шконки, одна — без матрасов. В дальнем углу за занавеской — параша. Тумбочки по краям и стол в середине. Сердце Жмыха радостно забилось, как только увидел он на столе маленький телевизор. Ему в последнее время не везло, и камеры попадались все больше с обитателями небогатыми — ни телека, ни сигарет, ни чая нормального. А здесь сразу видно: камера — знатная, быт — наложенный. Что и говорить, уютно: махровые коврики заботливо покрывали бетонный пол, с плакатов на стене лукаво смотрели голые шалавы, а в углу стоял вентилятор. На длинной полке — книги и журналы. На тумбочках — пакеты с конфетами и прочими сладостями. «Ушлые арестанты сидят, — подумал Панырин, кидая сумку на пол. — Только вот где они все?»

Действительно, камера была пуста, однако смотрелась так, будто обитателей

ШЕСТЬ ПОРЦИЙ

ее только-только оторвали от чаепития и увели. На столе исходили паром кружки с крутозаваренным чаем. Посреди стола — пластиковая тарелка с котлетным рафинадом. Лежали смятые фантики из-под конфет, а из пустой банки из-под растворимого кофе вился, поднимаясь к потолку, табачный дымок.

«Должно быть, к куму их погнали,» — подумал Панырин. Пожал плечами и пошел размешаться. Правила требовали от новичка дождаться смотрящего по хате и от него получить место, однако Жмыху было лениво. Ничего, сам разберется. Себя он считал зэком бывалым, а потому особых правил арестантского кодекса нарушить не боялся. Если кто предъявит, ему будет что ответить. Не было никого — потому и занял. Если что- почем, то на другое переберется.

Бросил Жмых свою спортивную сумку на ближайшие нары и опустился на табуретку у стола.

В этом году Панырину должно было стукнуть 47 лет. Как любил говорить сам Жмых, «лучше меньше, но больше». Сидеть ему было в Бичугинской ИТК — не пересидеть. И статья в этот раз была серьезной. Если предыдущие четыре раза сажали его за квартирные взломы, то сейчас предстояло Жмыху пройти «путь исправления» по 105-й статье УК. Попросту говоря, убил Жмых человека. Непредумышленно, но с отягчающими.

Себя Панырин виноватым не то, чтобы не считал, однако часть вины за нелепую новую посадку свою перекладывал на потерпевшего — покойного. Произошло это полтора года назад, когда, в кой-то веки, решил Жмыхпустить пыль в глаза своим старым друзьям-товарищам и пригласить их в ресторан славного города Калининска. Всю весну провел Жмых на «гастролях» по волжским городам и в каждом неплохо поживился за счет квартирных краж. Сбыл краденое в Нижнем Новгороде и домой вернулся, в Калининск. Денег по карманам было, прямо скажем, хоть отбавляй. И так ему захотелось себя порадовать, что на свой день рождения закатил пир горой в непристойно дорогом ресторане «Лыбедь». И лилась бы дальше водка рекой, и жрали бы в три горла старые кореша, и визгливо смеялись пьяные шмары, да только в недобрый час решил покурить захмелевший именинник. В самый разгар веселья Жмых с приятелем вышли на улицу. То ли яркие июньские звезды настроили его на романтический лад, то ли разухабистая музыка, доносившаяся из ресторана — всколыхнула в нем сентиментальность, потянуло вдруг вора-рецидивиста на романтику.

Как на заказ, мимо «Лыбеди» проходила загулявшаяся парочка. По виду, студенты — парень и девушка. Девушка была такой чистенькой, ухоженной и милой, что ничего другого, кроме как обнять ее за талию, пьяный Жмых не придумал. Однако студент оказался с гонором и не на шутку разозлился. Началась потасовка. Пришел в себя Панырин лишь тогда, когда увидел студента неподвижно лежащим на земле. Вокруг разбитой головы лениво собиралась темная лужа. Пока «терпила» умирал в светеочных фонарей под аккомпанемент рыдающей подружки, Жмых быстро перекинулся словами с товарищем и сиганул в кусты. Подался в бега. Ему почти удалось убраться из Калининска, но не фортунало. Судьба не в первый раз отвернула от Жмыха красивое и злое лицо. Оперативники арестовали его на автовокзале. Потом

были СИЗО, суд и срок. Большой. На волю Жмыху предстояло выйти старым человеком.

Жмых вздохнул и достал сигарету. Немного повертел ее между синими от наколок пальцами, затем опасливо поглядел на дверь. Только захотел покурить, как что-то привлекло его внимание. На столе лежал полиэтиленовый пакет, целиком забитый сигаретами. Вот дела... Панырин даже присвистнул. Он подошел и взял пакет в руки. «Да, это тебе не „Беломор“ смолить. Хорош „общачок“», — подумал он. Каких только сигарет там не было: нищебродские примы да сентджорджи, винстоны да элэмы. Был и табачок побогаче. Вдобавок экзотика всякая — парочка сигарилл и одна толстая, явно дорогущая, сигара.

— Во дают! — завистливо вздохнул Жмых. И, секунду поколебавшись, засунул руку в пакет. Осторожно, чтобы не помять сигареты, покопался и вытащил парочку дорогих, с золотистой каемкой. Одну припрятал в носок, а вторую сразу же закурил. По внутреннему распорядку курить в камере было нельзя, однако охрана смотрела на этот грешок снисходительно. Он с наслаждением откинул голову, прислонился затылком к стене и закрыл глаза. «У них и так много. Пусть не жидятся», — подумал он.

Прошло три часа. Сокамерники все не появлялись. Жмых успел разложить свои пожитки и посмотреть телевизор. Наконец, снаружи послышались шаги, а затем — команда конвоира: «К стене!» Панырин встал посреди камеры, напустил на лицо доброжелательно-спокойное выражение и приготовился представляться здешним обитателям. Внутри он, однако, не был так спокоен, как хотел казаться. Вроде бы с сигаретами «косяк» небольшой, но — «косяк».

Раздался лязгающий звук отпираемой двери. Жмых напрягся.

— Заходим!

А дальше произошло то, что Жмых и представить себе не мог. Кто б ему такое рассказал...

В камеру никто не зашел. Зато в проеме двери появился офицер-контролер и раздраженно произнес:

— Новеньского к вам подселили. Принимайте.

Затем дверь с грохотом закрылась. Изумленный Жмых слышал, как удаляются по коридору блока гулкие шаги надзирателя. Затем они стихли. В камере, кроме него, никого не было.

— Ээээ... — только и смог сказать арестант. — Это чего было? Где все, екарный бабай?

Ответом ему была тишина. Жмых нервно провел ладонью по ежику на голове. К кому обращался охранник? Почему он по-прежнему один в камере? Ему стало еще тревожнее. Заключенный прошелся по камере, ломая голову над странностями своего положения. «Ну, и ладно, — подумал Жмых. — Мнется чего? Сижу и сижу себе, никого не трогаю. А их дела позорные меня не касаются. Не пришли — и хорошо. Одному просторнее». От этих мыслей Панырину стало весело. Он улыбнулся самому себе и сел пить чай.

Последние полгода провел он в тесноте и духоте. В камеры-тройники, куда, по лимитам, обязаны были заселять не более 6-8 человек, нередко размещали гораздо больше. А что в общей камере подчас творилось — и словами не

описать. Вспомнил Жмых Когалымский ИТЛ-15, в котором довелось ему побывать в конце 90-х, и вздрогнул. В большой общей камере, где провел он пять непростых лет, вместе с ним парились еще 50 заключенных. Кого-то подселяли, кого-то отселяли. Бывало, по очереди спать приходилось. Жара, вонь от тел и параши, надрывный кашель туберкулезников. Там Жмых гепатит прихватил. Может, через шприц. Может, через общую кружку с чифирём. «Что ни вечер, то бак чифирём заправляли... Нет уж. Лучше я здесь в непонятках буду срок мотать, чем снова на таком бардаке чаиться».

Воспоминания о Когалыме еще больше укрепили его в уверенности, что эта пустая камера — не самый худший вариант. А что до странной фразы надзирателя... «Шутканул фуфел, — решил про себя Жмых. — Это у них так в блоке шутковать принято». Окончательно успокоившись, Жмых включил телевизор, поставил закипать электрочайник и проверил заварку. «Сейчас чаевничать будем, — подумал он, закидывая в рот колотый кем-то сахар-рафинад. — Эх, лимона бы. А еще лучше — коньячку... или водочки». Сахар грызть не стал, а принялся аккуратно обсасывать. Своих зубов у него оставалось мало, и были они совсем гнилыми, а три новые золотые фиксы он проиграл в «буру» в поезде на пересылке.

Пока пил чай, подошло время обеда.

Окошко в двери открылось. Жмых получил свою порцию. Но, как только собрался отойти к столу и приступить к еде, снаружи прозвучал голос зэка — дежурного по кухне:

— Бродяги, сечку держите. Еще пять порций...

Жмых ослабился.

— Нет тут больше никого, — крикнул он. — Только сам вселился. Один я здесь.

За дверью замешкались. Затем Жмых услышал голос сопровождающего охранника.

— Ну-ка, разговорчики прекратить! Примите обед. У меня записано, что все присутствуют в камере. Полный комплект.

— Ничего не знаю, начальник, — заявил Жмых. — Говорю: один я здесь.

Вместо ответа, контроллер открыл дверь в камеру и скомандовал:

— 104-я, отставить обед!

Два раза ему повторять не пришлось. Жмых мигом отскочил к своей шконке и вытянулся, глядя перед собой. Ему очень не хотелось получить дубинкой по почкам.

— Тааак, — протянул тюремщик. Капитан, судя по лычкам. — Значит, от еды отказываемся. Саботируем, значит, режим.

— Да вы что, гражданин начальник, — запричитал Панырин. — Я ж говорю — один я здесь!

И получил хлесткий удар по ляжке жесткой дубинкой. Болью обожгло ногу, и Жмых дернулся.

— Рот закрой!

А дальше началось невообразимое. Капитан повернулся к нему спиной и, обращаясь к шконке напротив, принялся цедить:

— Что — опять, Клинских, нарываешься? В карцер захотел?

Жмых обомлел. Он забыл о боли и с изумлением наблюдал, как офицер-

контроллер общается с... пустотой.

— Что?! — заорал взбешенный капитан и резко ударил дубинкой пустоту. — Ты что, сука, саботируешь?! Почему за едой не подходишь?

Затем он повернул голову и, злобно щерясь, проорал в сторону соседней кровати.

— Это тебя тоже касается, Ковтун. Ты, жирный, на строгаче сидишь, а не на шашлыках отыхаешь! Вы, падлы, не у себя дома. Еще один отказ от еды — всем почки опущу. Будете всей хатой кровью сать! Слыши, Мустафин, жратву сюда сам занеси. У нас тут особые сидят, как видишь. На континентальном, мля, завтраке...

В камеру суетливо забежал дежурный по кухне и быстро загрузил на стол пять мисок с баландой и серым хлебом. Пока зэк накрывал, капитан обошел всю камеру и устроил матерный выговор каждой из шконок. Так Жмых узнал фамилии своих «сокамерников». Всего пятеро: Ковтун, Мельников, Клинских, Барчук и Гавриленко. Наконец, разнос закончился, и офицер удалился, попутно раздавая угрозы — одна страшнее другой. Дверь в камеру захлопнулась, и Жмых вновь остался один.

Некоторое время он стоял и тупо смотрел перед собой. Жмых был в смятении. В голове его роились мысли, но ухватить хотя бы одну за хвостик и тщательно все проанализировать он не мог. Да и не хотел. О таком он никогда не слышал, но на своей шкуре давно убедился, что от тюремной администрации стоит ждать любой подлости. Тишина разливалась вокруг него свинцовым туманом. Лишь изредка она прерывалась доносящимися откуда-то издалека голосами дежурных и шумным лязгом дверей блока. Наконец, Жмых поднял руку и ладонью вытер пот со лба. Пальцы его тряслись.

«Это какая-то подстава по беспределу? Или — мусор поехавший совсем? Нет, точняк подстава, — думал он, садясь за стол и зачерпывая ложкой баланду. — Проверяют меня. Затеяли что-то».

Жмых был голоден и ел с жадностью. И когда миска показала дно, он ощутил чувство досады. Искоса посмотрел на дымящиеся порции сокамерников. «Остынет ведь. Пропадет еда». Жмых встал и нервно прошелся по камере. Залез в свою сумку, где лежала россыпь сигарет. Достал одну. Закурил. Чувство голода слегка притупилось. Однако Панырин нет-нет да посматривал на еду сокамерников.

Крысить у своих... Еду, особенно... Пожалуй, это худшее, что можно совершить в тюрьме. Украл у соседа? Тебе — конец. Станешь чертом, опущенным. Из камеры выпишут и заселят к таким же, как ты. И сидеть тебе с животным царством до конца. А когда выйдешь на волю... Если выйдешь на волю, то никто из прежних коллег-товарищей тебе руки не подаст и в «рабочий коллектив» не позовет. Жмыха передернуло. «Пусть лучше сгноится хавка, чем я ее съем, — твердо решил он про себя. — Придут местные, а в камере все по-честному, по правилам... А сигареты? Пустяк, а не косяк».

В этот день сокамерники так и не появились. И на следующий — тоже. На исходе второго дня Жмых понял, что попал в ситуацию. Кто-то крепко за него взялся, и опытному зэку это было очевидно. И дело было даже не в том, что он, вопреки всему заведенному на зоне порядку, бытовал один-одинешенек в помещении, отведенном для восьми арестантов. А в том, что неправильным

здесь было все. И от этого Жмыху стало совсем не по себе.

На утреннем построении камеры охрана вновь начала играть в свою странную игру. Хмурый со сна Панырин стоял навытяжку у своей шконки и, не веря в происходящее, наблюдал за перекличкой. Вчерашний усатый капитан вслух произносил имена невидимых арестантов и удовлетворенно отмечал их присутствие.

— Ковтун!

В ответ — тишина... Капитан кивнул, пробурчал «Здесь» и поставил галочку.

— Мельников!

Тишина... Вновь послышался шуршание ручки.

— Панырин!

— Здесь! — отрапортовал Жмых. Капитан так же бесстрастно отметил присутствие.

Затем скомандовал.

— Ковтун, Мельников, Гавриленко, Клинских, Барчук — на прогулку. Панырин — остаешься в камере.

— Гражданин начальник! — возмущенно возопил Жмых. — Три дня на воздухе не был. Выпустите подышать!

— Не положено, — заявил тюремщик. — Остаешься на профилактику.

Зэк заскрипел зубами, но промолчал. А про себя решил при любом удобном случае этому капитану подлянку устроить.

Прошло еще три дня. Сменялись дежурные офицеры, но каждый из них по-прежнему валял дурака и делал вид, что камера № 104 укомплектована зэками. Проходили переклички с несуществующими арестантами, приносили еду за шестерых, а под конец и вовсе — вызвали троих на свидание. Жены приехали. Жмых постепенно привык к безумному поведению охраны и даже придумал версию, объясняющую бред, в котором очутился. «С деловыми меня поселили, вот что, — решил он. — Они начальству бабло откатывают, чтобы их здесь отмечали, а сами на воле гуляют».

Зэком Жмых был ушлым и привыкшим из разных ситуаций извлекать выгоду. Поэтому на пятый день он, взвесив все «за» и «против», сожрал порции своих соседей. Что не доели, то вылил в парашу. Постепенно к исходу первой недели стало ему совсем комфортно и уютно. Запас сигарет истощался, однако Жмых верил, что бесконечно держать его в камере не будут. К общему пакету он больше не подходил. Украшенная сигарета так и пряталась в носке «на черный день». На прогулку Панырина по-прежнему не пускали, однако и на работу не водили. В общем, жить можно было.

Вот только чувство тревоги никак не унималось. Неправильным было все, что происходило со Жмыхом, и об этом он ни на минуту не забывал. И было кое-что еще, что зека напрягало и нервировало. Начались у него проблемы со зрением. Сидит, бывало, телек смотрит, а на зрительной периферии нет-нет да тень пронесется. Однажды и вовсе напугался Жмых. Сидел на параше, листал журнал, и вдруг привиделось ему краем глаза, что под потолком тело висит. Чуть с дальняка не свалился. Глаза поднял — нет ничего. Показалось...

Наступил седьмой день. После переклички и завтрака Панырин уселся за стол почитать. Он заварил чай, запасы которого в камере были просто безграничны,

включил фоном телевизор и открыл книгу. Как только Жмых погрузился в наполненную драками и женщинами жизнь доблестного капитана Фракасса, в камере раздался звук.

Это было мяуканье. От неожиданности Жмых подпрыгнул на месте и матернулся. Звук был негромким, слегка приглушенным. Словно в дом зашел кот и решил поприветствовать хозяина. Жмых, чувствуя, как бешено колотит сердце, выключил телевизор. Затем полез под нары искать невесть откуда взявшуюся кошку. Пока ползал, все на свете обматерил. А больше всех — мусоров, что над ним издеваются. Вскоре Жмых понял, что никакой кошки в камере нет.

— Мяу, — упрямо прозвучало над самым его ухом. — Мяу.

— Кис-кис, — неуверенно произнес Жмых. — Ты где, блохастая?

Он еще раз посмотрел под нарами и недоуменно покачал головой. На всякий случай слазил пальцев в ухо и тщательно поковырялся там — может, попало что? Но нет, ему не показалось. Невидимая кошка продолжала мяукать, и, чем больше она это делала, тем жутче становилось Жмыху. «Кошаки так не мяучат», — сказал он про себя, чувствуя, как внутри собирается ледяной и скользкий комок. Звук напоминал тот, что издают взрослые люди, когда хотят передразнить или изобразить кошку. Мяуканье было таким фальшивым и издевательским, что Жмых почувствовал жгучее озлобление. На мгновение представился ему тощий зэк, что залез под шконку и оттуда мяукает. Но под шконкой никого не было. Да и быть не могло.

— Слыши, черт, ты чего размяукался? — негромко спросил Жмых, сжимая кулаки. Про себя он решил, что в камере установлен маленький передатчик, через который кто-то решил его попугать. Мяуканье стихло.

Жмых нервно закурил. Он уже давно не сомневался, что все происходящее с ним — подлая крысиная затея работников колонии. Но в чем ее смысл? Жмых не был ни «вором в законе», ни даже «отрицалой» — зэком, выступающим против административного распорядка. Среди охраны и других заключенных репутация у него была ровная. Никуда не лез. К побегам не склонял. Но и шнырем не был и на сокамерников не доносил. Как он сам про себя говорил — «честный зэк». Жмых почувствовал, как внутри него разгораются обида и ненависть.

— Начальник! — вдруг заорал он. И изо всех сил ударил ногой по двери. — Начальник, поговорить надо!

Через некоторое время дверное окошко приоткрылось, и в камеру заглянул дежурный офицер.

— Ты чего орешь? — грозно осведомился надзиратель. — В карцер захотел?

— Гражданин начальник, — стараясь держать себя в руках, проговорил Панырин. — Я требую... предоставить бланк для жалоб. Жаловаться буду.

Мент пошевелил губами.

— Один собрался жалобу писать? — спросил охранник. — Или всей камерой?

И тут Жмых не выдержал.

— Какой «всей камерой»?! — закричал он. — Где ты видишь тут «всю камеру»? Вы чего — вальтантутые?! Кто вам право дал беспрепятствовать? Вот ты мне скажи, вертухай, на хрена вы мне мяукалку подкинули?

— Какую «мяукалку»? Ты чего городишь?

— Мяукалку, — заорал Жмых. — Мяукалку!

Окошко испуганно захлопнулось.

— Иди ты на... — услышал Жмых из-за двери. — Бланки ему подавай. Чифи-ря обопытются своего...

Матерясь в голос, Панырин подошел к столу, схватил ближайшую кружку и изо всех сил швырнул ее об стену. Затем некоторое время стоял и тяжело дыша, приходил в себя.

— Ну, и пусть в карцер сажают, — вслух произнес Жмых. — Все лучше, чем здесь неделями одному торчать.

Однако прошел час, за ним — второй, а за зэком так никто и не пришел. Жмых поверить в это не мог: после того, что он уучидил, если не изолятор, то нескольких сильных ударов дубинки ему обеспечены. Такого обращения от заключенного работники администрации не терпели. Но факт оставался фактом — стерпели. И даже без ужина не оставили: как обычно, принесли во время и на всех шестерых.

После еды Жмых немного почитал. Затем отложил книгу и, сидя за столом, задумался. То ли от духоты, от которой не помогал даже вентилятор, то ли от съеденной сечки, что была на ужин, мысли его текли бессвязно.

— Эх, житуха моя! Не везет — так не везет. Написать, что ли, бабе какой письмо? — задумчиво сказал себе Панырин. Он встал и прошелся взад-вперед, что-то бормоча под нос. За последние дни он привык общаться с самим собой вслух. Человек он был не бог весть какой общительный, но даже такому молчуна иногда хотелось услышать живой голос. Пусть даже свой.

Внезапно что-то коснулось его левой ноги. Жмых посмотрел вниз и обомлел. Из-под ближайшей шконки торчала человеческая рука. Пальцами она крепко ухватилась за жмыхову штанину чуть ниже колена.

Жмых завопил дурниной и попытался отскочить назад. Камера на то и ма-ломестная, что скакать в ней негде. Особенно, если за вас крепко ухватились и держат так, что не вырваться. Жмых больно ударился о край стола и, роняя миски и кружки, свалился на пол. Рука оказалась упрямая и сильная, а потому Жмыха она не отпускала. Более того, потянула к себе, под шконку.

— Отпусти! — орал Жмых, пытаясь второй ногой пнуть эту руку. Но даже сильные удары, иногда попадавшие по предплечью и кисти, не могли заставить ее отцепиться от штанины. Испуг сменился страхом, а затем и лютой паникой. Зэк почувствовал, как напрягся его мочевой пузырь, а затем теплое растеклось по промежности.

— Отпусти! — умоляюще простонал Жмых. Рука почти скрылась в темноте под шконкой, и снаружи был виден лишь кулак с зажатой в нем тканью штанов. «Если меня туда затащят, то — все, крендец», — пронеслась короткая мысль. Этот простой факт так повлиял на зэка, что закричал он еще хлеще и задергал ногами так сильно, что кости чуть не выскочили из суставов.

И рука его отпустила. Жмых мигом, словно и не было ему под 50, вскочил на ноги и, скрипя от страха, рванул к двери. Забаращанил изо всех сил, не жалея кулаков...

— Ты чего дебоширишь, Панырин? — спросил его спустя десять минут

начальник дежурной части майор Удальцев. Он был седой и представительный, а среди зэков считался человеком не злым и справедливым. Жмых стоял перед ним, прижавшись спиной к стене коридора рядом со входом в камеру.

— Жалобы на тебя поступают.

— Меня убить хотят, — шепотом произнес Жмых. Глаза его были широко раскрыты, а голос дрожал. Да и что тут скажешь — его всего трясло. — Там... Это... Рука...

— Какая «рука»? Кто тебя убить хочет? Сокамерники? — спросил Удальцев. И раздраженно добавил. — В шныри решил оформиться?

— Нет у меня никаких сокамерников, — устало сказал зэк. — Гражданин начальник, за что беспредел творите? Я же один в камере неделю торчу.

**Новая книга Варго
уже в продаже!!!**

Фрагменты

**...Возможно, те, что
не хватает именно Вам!**

бо, что на тебе за этот год ни одного дисциплинарного взыскания нет. А то отправил бы тебя в карцер за такое поведение. Ты чего вытворяешь? Вроде нормальный зэк был. Хотели тебя к театральной группе привлечь, а ты... Эх, Панырин, Панырин...

— Так, капитан, — обратился он к дежурному. — Сейчас у нас возможности

— Опять он за свое, товарищ майор, — суетливо подскочил дежурный. Он только что вышел из 104-й камеры, где с кем-то обстоятельно разговаривал. — Постоянно твердит ерунду. Всего шесть человек в камере оформлено. Радоваться должен, что не в тесноте обитает. А вместо этого — буйни. Соседи жалуются на него. Говорят, что вызывающее себя ведет. Провоцирует конфликты. Еду у сокамерников ворует. Сигареты чужие взял!

У Жмыха отпала челюсть. Он не знал, что сказать. Вдруг усталость и тоска навалились на него с такой силой, что захотелось ему упасть на колени перед ментами и запроситься в общий барак.

— Гражданин начальник, хочу выписаться из этой хаты. Переведите в другую. Можно — в общак. Только в 104-й не оставляйте.

Удальцев откашлялся. Затем сказал, приглаживая усы:

— Ты, Панырин, скажи спаси-

перевести его в другую камеру нет, поэтому пусть пока здесь сидит, с этими. И если будет еще шуметь, отправляй в изолятор. Меня не вызывай из-за пустяков. Комиссия на носу, а ты меня в блудняк втягиваешь.

Жмых почувствовал, как от этих слов все внутри него упало. «Что же делать-то, а? — панически подумал он. — Нельзя мне туда».

— Так точно, товарищ майор, — отрапортовал дежурный надзиратель и злобно посмотрел на Панырина.

Когда дверь за ним захлопнулась, Жмых первым делом плюнул в нее. И, глядя, как стекает по ее поверхности желтоватая слюна, шепотом произнес:

— Ну, ничего, петушары. Хер вы возьмете...

Первым делом он переселся на второй ярус шконки. Перетащил туда вещи. Затем, крадучись, подошел к тем нарам, из-под которых схватила его страшная рука. Вдохнул, выдохнул и заглянул под нее. Пусто. Никого.

— П-п-падла... — выругался Жмых. Стянул со шконки тощий матрас и одеяло и забил ими пространство под кроватью. Немного подумал и повторил это со всеми остальными шконками. И, только после этого трясущейся рукой достал «Приму» и закурил. Он больше не был уверен, что все происходящее устроила администрация зоны. Но кто тогда? Ответа у него не было. Он вспомнил цепкую руку, и его передернуло.

В эту ночь Панырин почти не спал. К полуночи у него поднялась температура. Он лежал в темноте и слушал частый стук своего сердца. Изредка снаружи доносился лай собак. В душном мареве пустой камеры-тройки в воздухе парили блестящие частицы пыли, и нестерпимо воняло испражнениями. Живот тонущего в беспокойной полудреме Жмыха тяжело вздыхался и опускался, словно земляная куча, из которой безуспешно пытались выбраться наружу подземное существо.

На нижнем ярусе шконки кто-то беспокойно ворочался, однако свешиваться вниз, со второго яруса, чтобы посмотреть, было страшно. Достаточно того, что сверху был виден лежащий в дальнем углу камеры бесформенный куль, очертаниями напоминающий толстого мужика. Жмых был уверен, что днем в этом углу ничего не было. От страха щипало глаза, и, когда Панырину захотелось помочиться, он решил не слезать с нар и терпеть до утра. Под утро он все же заснул, но ненадолго. Проснулся от того, что в камере раздавался приглушенный шепот. Вслушиваясь в неразборчивое бормотание, Жмых окончательно решил, что сегодня же выпишется из 104-й любым способом.

Наступило утро. Слыша, как дежурный офицер отпирает дверь, чтобы привести перекличку, Жмых едва не запел от счастья. Над способом выписки он голову не ломал. Выбор этот был чреват последствиями, но другого выхода не была. Он был уверен, что вторую такую ночь ему не пережить. «Они шептались, — думал Жмых. — Обо мне советовались».

— Ломлюсь я с вашей хаты, — громко сказал он, когда дежурный покинул камеру. — Плохие у вас здесь порядки. Вы меня не трогайте больше. Я сам уйду.

Стопроцентный вариант выписки давало только одно средство. Жмых решил вскрыть вены. Риск того, что в других камерах начнут задавать вопросы, отчего да почему Жмых не ужился с обитателями 104-й, был велик. Могли заподозрить в стукачестве или крысятничестве, но, пораскинув мозгами,

Панырин себя успокоил. Ему никто не предъявит, так как предъявлять из 104-й никто не будет. «Или будет? — вдруг подумал он. — Ведь кто-то же здесь есть».

Он залез на второй ярус шконки и отколупнул кусок известки. Под ней в стене оказалось небольшое углубление, в который помещена была заточенная ложка. Жмых успел наточить ее на вторые сутки в 104-й. Тогда все было спокойно и тихо, но отчего-то подумалось Панырину, что будет такая ложка не лишней. Оказалось, был прав. Вскрывать он решил вены на левой руке. Правую Жмых трогать боялся. Мало ли что произойдет? Слыхал он, что у некоторых неудавшихся самоубийц вскрытые руки теряли гибкость и чувствительность.

Жмых подошел к двери и несколько раз стукнул по ней кулаком.

— Начальник! — закричал он. — У нас тут, в 104-й — травма! Врача позови!

С удовлетворением прислушался к шагам дежурного офицера вдали.

— Пора! — сказал Жмых.

Он сел на шконку и положил ложку на стол. С сомнением посмотрел на нее. В его распоряжении — секунд 10. Раньше он никогда не выламывался из камеры, но не раз видел, как это делается. Наконец, Жмых решился. «Спаси, Господи», — подумал он и несколько раз провел острием по предплечью, с силой надавливая. Подождал, пока кровь не начнет выходить плотными струями. Больно не было. Скорее, противно.

На верхнем ярусе шконки, где он спал этой ночью, раздалось сопение. Жмых вздрогнул, но усилием воли взял себя в руки.

— Теперь все, — сказал Жмых. — Сейчас заберут меня на отдых. Отлежусь в больничке, а потом на особый переведут, к живым. А вы здесь оставайтесь.

Однако время шло, а дежурный все никак не приходил. Кровь лилась свободно, заливая штаны и ботинки Жмыха. Почувствовав панический холодок внутри, правой рукой схватил полотенце и приложил к порезам. Кровь это не остановило (Да и не должно было!), но слегка замедлило ее потерю.

— Начальник! — вновь заорал Жмых, подойдя к двери. — Я тут подохну, если не поторопишься! Я ж кровь теряю, мля!

И тут, к ужасу своему, понял, что шаги стихли. Это означало, что мент затаился. Или что в коридоре никого не было.

— Вы чего? — упавшим голосом проговорил Жмых. — Эээ... Начальник!

И двинул ногой по двери. Тишина...

Он почувствовал, как слабеют ноги. Полотенце успело насквозь пропитаться; кровь непрерывно капала на пол. Впервые за долгие годы Панырину захотелось заплакать. И не так, как плачут мужчины на похоронах своих матерей. А громко, истерично, по-детски. С топтаньем ногами, валянием по полу и захлебывающимся кашлем.

— Вот тебе и «выписка», — с трудом проговорил Жмых и уселся на пол. Убрал полотенце с раны и полез за сигаретой в карман. Потом передумал и достал из носка ту самую, припрятанную с первого дня, красивую, с позолоченной каемкой. Закурил.

И тогда он увидел их. Всех пятерых.

Всхлипнув, Жмых затянулся и выпустил дым. В последний раз...

Спустя час в кабинете директора 4-й Бичугинской исправительно-трудовой колонии раздался звонок. Полковник Валентинов взял трубку.

— Коля, ты мне звонил?

— Да, Маш...

— Что случилось?

Валентинов вытер платком лысину.

— Сейчас перезвоню с мобильного.

Затем он положил трубку и перезвонил своей сестре с купленного час назад мобильного телефона.

— Маша, у меня новости. Про Панырина.

На той стороне линии немного помолчали. Затем женский голос произнес:

— Что-то изменилось?

— Да, доигрались мы с тобой. Зря я согласился...

— Коля, ты помнишь, что он с моим сыном сделал?

— Да, — слова с трудом давались Валентинову. — Помню. Еще я помню, что ты — психиатр, специалист... и обещала, что у него всего лишь «поедет крыша». Я стольких своих людей на твой... хм... Эксперимент подписал, что теперь придется им двойную зарплату платить. И я теперь буду плохо спать и надеяться, что никто из них не проболтается.

— Он мертв?

— Да, самоубийство. Выясняем сейчас, почему дежурный проморгал.

— Это хорошо...

— Что здесь «хорошего»?! — чуть не сорвался полковник. — Ты знаешь, что мне Павел был вместо сына. А Панырин этот — рецидивист. Четвертая ходка. Но теперь все изменилось. Одно дело — твоя затея с пустой камерой. А другое — мертвый зэк. Ты понимаешь, что он под моей ответственностью был? Одно дело его в «дурку» отправить, другое — в морг!

— Старший, спасибо тебе, — еле слышно произнесла сестра. — Спасибо за все. Приезжай к нам вечером. Мы с Лешкой будем тебя ждать. Приезжай.

Раздались гудки. Пыхтя и что-то бормоча под нос, полковник разобрал телефон, сломал сим-карту и, аккуратно завернув в бумагу, засунул за пазуху. В дверь постучались.

— Войдите, — сказал Валентинов. Он сидел за столом и шумно отдувался. «Напьюсь сегодня, — думал он. — Ей Богу, напьюсь! А завтра уже отчет буду писать». В кабинет зашел Удальцов — начальник дежурной части.

— Садись, Петь, — полковник указал рукой на стул. — Ну, как там?

Майор хмыкнул.

— Плохо дело, Сан Саныч, — ответил он. — Там судмед какую-то хрень говорит по поводу Панырина. Якобы не от потери крови помер.

— А от чего? — удивился Валентинов.

— Тут такое дело... У него в гортани скомканную наволочку от подушки нашли. Задохнулся, короче.

— Как это он ее проглотил?

— Черт его знает, Сан Саныч. Нестеренко считает, что ее туда пропихнули. На шее — синяки от пальцев. Но на видеозаписи из 104-й нет ничего — вот в

чем загвоздка! Не понятно...

Валентинов помолчал. Затем закурил.

— Бред какой-то... Он же там один был.

— Это еще не все, товарищ полковник, — сказал Удальцов. — Самый бред впереди. Дежурный Дворковский сегодня увольняться надумал. Я ему: «Куда это ты собрался? Пока дело не уляжется, будешь дорабатывать». А он мне: страшно, говорит, товарищ полковник.

— Что за ссылку такое? — презрительно спросил Валентинов. — Где вы их набираете только?

Удальцов потер переносицу, а затем тихим голосом сказал:

— Дворковский сказал, что вечером того дня, когда Панырин помер, ходил с дежурным по кухне. Ужин, значит, по камерам развозили. И, говорит, зэк забылся и, по привычке, в 104-ю постучал.

— И чего?

— Приняли, — ответил Удальцов. — Приняли все шесть порций.

ЗВЕРИНЕЦ

ОЛЕГ КОЖИН

«У меня с год лежал набросок про встречу запоздалого путника с лесной нечистью. Когда руки до него дошли, оказалось – интереснее продумать повадки не мифического, а реального существа, как и почему его жизнедеятельность породила такие легенды. А уже отсюда сама собой выросла история о человеке, долгие годы охотившегося на разного рода парапротивщину».

Начало презентации задерживалось уже на двадцать минут. Раздосадованный Бехтерев отчаянно тянул время, надеясь, что вот-вот подъедет фургон телестудии, и взволнованная стройная девушка, как в кино, станет записывать стэндап на фоне сваренной из арматуры клетки. Хотелось огласки, съемочной группы «Первого канала», топовых блогеров... А жестокая реальность преподнесла ему женоподобного толстяка с блокнотиком и дешевой шариковой ручкой. Даже без фотоаппарата!

Два дня назад Бехтерев разоспал пресс-релизы и лично обзвонил редакторов всех телеканалов, радиостанций, новостных сайтов и газет, даже рекламных. И вот результат – вокруг клетки крутится верный Митяй, с прилипшей к ладони ВНС-камерой, да этот незнакомый пузан с телом глубоко беременной бабы...

Головастик в полосатом костюме строгого края недовольно потирал пухлые наманикюренные ручки, явно теряя терпение.

– Ну что, долго еще? – глубокое контральто журналиста куда больше пошло бы какой-нибудь грудастой красавице. – Где ваш снежный человек?

Он взмахнул перед лицом Бехтерева смятым листочком пресс-релиза, многозначительно косясь на пустую клетку. Два квадратных метра пространства, расчерченного рифлеными тенями прутьев. В высоту тоже два метра. Посередине – узкая дверца с мощными петлями, громадный навесной замок, для верности перекрученный тяжелой цепью. Окажись внутри пресловутый йетти – нипочем бы ему не вырваться! Но единственным пленником самодельной тюрьмы была причудливо изогнутая коряга, прислоненная к дальнему углу.

– Снежный человек, значит?

Недобро косясь на Митяя, Бехтерев скрипнул зубами. Тот попытался спрятаться за видеокамерой и оттуда залопотал, оправдываясь:

– Не, Степан Антоныч, а чо?! Ты в лесу прессухи устраиваешь, а Митяй – людей приведи?! Да если б я про снежного человека не написал, вообще бы хрен кто приехал! А так – хоть этот... – Митяй кивнул на медленно закипающего журналиста. – Все ж пресса!

«Всекпресса» такого издевательства не снесла. Со словами: «Ну, все, с меня довольно...», журналист картинно нахлобучил кепку и пошагал прочь, к служебной «Калине», поджидающей у края поляны. Бехтерев грозно обматюгнул

Митяя и, задавив остатки гордости, бросился следом. Хрен с ней, с гордостью, нарастет еще. А вот если сейчас не бухнуться обиженному журналисту в ножки — тогда не известно, представится ли следующий шанс. СМИ, даже самые неразборчивые и желтые, давно перестали обращать на «безумного охотника» внимание. А «безумному охотнику» нужна огласка. Именно сейчас. Ему нужен этот жеманный толстый чудик, с глазами профессиональной ищейки.

— Постойте, прошу вас! — с трудом балансируя на осклизлой земле, Бехтерев догнал журналиста и ухватил за локоть. — Да погодите же!

Тот неохотно остановился. Брезгливый взгляд прошелся по руке охотника, заставив Бехтерева устыдиться и огрубевших пальцев, и сбитых костяшек, и давно не стриженных ногтей, улыбающихся черными каемками застарелой грязи. Степан спешно выпустил локоть.

— Вы простите, Христа ради, уважаемый... эээ...

— Филипп Иванович, — снисходительно подсказал журналист. — Красовский.

Назвать это холеного свиненка-Филиппка по имени-отчеству, да еще на «вы», или дать в зубы и послать куда подальше — вопрос даже не стоял. Еле живая гордость Бехтерева протестующе пискнула, когда на нее в очередной раз безжалостно наступили.

— Филипп Иванович, это Митяй все, самодеятель хренов, он же как лучше хотел! Нет здесь никакого снежного человека! Они здесь не водятся! Филипп Иванович, да остановитесь же вы, наконец!

— А смысл? — глубокомысленно поинтересовалась удаляющаяся спина. — Снежного человека у вас нет...

— Так лешак-то есть!

Красовский остановился. В прищуренных голубых глазах, все еще недоверчиво-разочарованных, робко вспыхивали искорки зарождающегося интереса.

— Лешак! — Охотник поспешил раздуть слабые искорки до полноценных угольев. — Людей с пути сбивает, с ума сводит...

— Я прекрасно осведомлен, что значит «лешак», — перебил Красовский. — Вы мне сейчас, на голубом глазу заявляете, что вон то бревно в клетке — это он самый и есть? Лешак?

— Ага!

Выпалив это идиотское «ага!» Бехтерев застыл, покорно ожидая реакции. Он был готов ко всему. Что Красовский рассмеется ему в лицо, покрутит пальцем у виска, или даже залепит пощечину, — в то, что Филиппок способен на нормальный мужской удар, охотник не верил, — но в конце любого из этих сценариев — уйдет. Уйдет, оставив его с придуроватым Митяем и девятнадцатью годами поисков, зasad, надежд, разочарований и всеобщего недоверия. Но Красовский поправил кепку и бодро кивнул:

— Что ж, давайте посмотрим, если так...

Суетливый Митяй по-прежнему ждал у клетки, обозревая бревно через залапанный видеокамеру.

— ... я тоже сперва не верил, пока Степан Антоныч его не растормошил. Шутстия тварь, что твоя ракета! Кэ-э-эк бросится! Я чуть штаны со страха не

намочил! Вы не смотрите, что он с виду — бревно бревном...

Бехтерев поднял с земли длинную жердь, увенчанную на конце здоровенным, в полтора пальца, гвоздем, перепачканным заводской смазкой.

— Бревно — это не просто так. Внешний вид лешака — продукт тысячелетней эволюции, выработанный для охоты и безопасности. Лешак колобродит — слышали такое выражение? Самая распространенная история от лесных потеряшек: заблудился человек, идет-идет, выход ищет — видит, уж больно бревно знакомое! Он же мимо этого бревна уже раз пять прошел. Вот тогда наш потеряшка и понимает, что все это время круги вокруг одного места нарезал. А на деле...

— А на деле? — повторил заинтересованный Красовский.

— Большая часть таких историй заканчивается тем, что потеряшка внезапно выходит-таки к людям. Хотя бревно говорило о том, что он все время топтался на месте. Кто с лесом накоротке не знаком, тому все кусты одинаковыми кажутся. А бревно — оно ж приметное, сразу в память западает. Вот и кажется человеку, будто кружит его какая-то сила, выйти из лесу не дает. А на самом деле, это лешак идет за ним следом. Обгоняет, и вновь на пути засаду устраивает. Решает, стоит нападать, или нет. Лешак — тварюка осторожная.

— Так что, по-вашему, получается, что всем этим людям повезло? Встретились с лешаком и уцелели?

— Повезло, как есть, — кивнул Бехтерев, осторожно просовывая жердь между прутьями. — Знали бы вы, сколько людей в лесах ежегодно без вести пропадает... Вы от клеточки-то отойдите...

Митяй торопливо отбежал в сторону. Филиппок последовал его примеру, брезгливо изогнув пухлые губы.

— Северные народы считали, что лешаки живность пасут. Кнутами, якобы, гоняют стаи волков, помогая им искать пропитание. Это не совсем так. Когда добычи на всех не хватает, лешак выдворяет со своей территории хищников. Не о них заботится, а о себе. Не перегоняет он их, а преследует. А вот про кнут — почти правда...

Жердь с гвоздем зависла над неподвижным бревном, точно журавль с немерено длинной шеей.

— Давай, Степан Антоныч! — Митяй утопил затертую кнопку «гес».

Журавль с размаху клюнул бревно в какую-то, видимую только ему, да человеку его направившему, точку. Едва лишь острие гвоздя коснулось ее, бревно «взорвалось». Наросты, сучки, и то, что казалось обломанными ветками, сохранившими остатки листвы, вытянулись в стороны, хрустя высвобождающимися сочленениями. Из центра бревна вылетел гибкий жгут, со щелчком ударивший землю в двух шагах от перепуганного журналиста. Красовский отпрыгнул назад, причем не только умудрился удержаться на размытой земле, но даже принял некое подобие боевой стойки. Крутанувшись на месте, бревно мягко упало на многочисленные лапы, в беззвучном вопле раззявило дыру с острыми щепками зубов. По паучьи перебирая отростками, существо сделало несколько кругов по стенам и потолку, после чего рухнуло посреди клетки.

— Класс, Степан Антоныч! — Митяй довольно оттопырил большой палец. — Отменная картинка получится!

Вытаскивая наружу обломанную жердь, Бехтерев внимательно следил за Красовским. Тот не выглядел удивленным или напуганным, и это вызывало смутное чувство тревоги, природу которого охотник объяснить не мог.

— Занятно, — кивнул журналист.

— Что, и все?! Просто занятно?! — Бехтерев не скрывал разочарования.

— Давно он у вас?

Раздражение в Бехтереве отчаянно боролось с желанием высказаться. Последнее победило за явным преимуществом.

— Я почти два года его выслеживал. Вернее как? Два сезона. Лешаки зимой в спячку впадают, их тогда вообще от бревна не отличить. Под Брянском случай был, когда охотники зимой такое бревно в костер бросили. Благо не пострадал никто. Но тот мужик, у которого я историю эту записывал, до сих пор заикается. Так что, да, два сезона, с апреля по ноябрь примерно. Повадки изучал, все его тропки-дорожки выведывал, как живет, что жует... А последнюю неделю, уже после поимки, все искал, как его растормошить. Он же, как понял, что попался, так сразу шлангом и прикинулся... Бревном, то есть. Ну, а вашему брату ведь сенсаций подавай. Чтобы движение, понимаешь... А тут? Расстройство сплошное, а не сенсация! Так что я...

Вид безучастной физиономии Красовского окончательно сбил Бехтерева с мысли, и закончил он невпопад:

— Так из какой вы газеты, говорите?

— Я разве сказал, что я из газеты? — деланно изумился Филиппок.

— А как же тогда... — промямлил Бехтерев.

Все в корреспонденте теперь казалось ему подозрительным, — и блуждающая улыбочка, и цепкий взгляд, проникающий, кажется, до самого скелета, и даже то, как он смял кепку в кулаке.

«Ударит, — ни с того, ни с сего промелькнула мысль, — отвлечет внимание и ударит».

Сразу стало неуютно. Женоподобный толстячок начал внушать Степану если не страх, то серьезные опасения. Хотя какая там опасность? Как противник Филиппок был — тыфу, плюнуть и расте...

— А это ничего, что ваш друг так близко к клетке ходит? — пухлая рука вытянулась, указывая за спину охотника.

«Хочет, чтобы ты обернулся! — панически взвизгнул внутренний голос. — Чтобы удобнее, прямо в висок, чтобы насмерть!»

Шейные суставы скрипнули. «Не смей!» — сигнальным огнем вспыхнуло в мозгу, но было уже поздно. Охотник смотрел, как вокруг ржавых прутьев, едва не залезая внутрь, восторженно скакет увлеченный съемкой Митяй. Время текло невыносимо медленно, и Бехтерев не сразу осознал, что никто не бьет его в беззащитный висок. По шее и щекам медленно поползла краска стыда. Чтобы хоть как-то замаскировать глупый испуг, Бехтерев начал збалтывать журналиста.

— Да вы не волнуйтесь! Я ж говорю, лешак — тварюка осторожная. На самом деле, на людей они не часто нападают. А то, что он по клетке скакал, так это... когда гвоздем, да в причинное место — еще не так заскачешь...

Повернувшись, охотник понял, что удар он все же пропустил. Похоже, еще

в самом начале встречи. Гораздо серьезней и опасней, чем просто кулаком в висок. Не сводя с него пристального взгляда, Красовский разговаривал по сотовому. Негромко, но достаточно, чтобы Степан услышал, а услышав — похолодел.

— ...да, и Гузеева со спецтранспортом сюда, живо.

Голос Филиппка изменился, стал безэмоциональным, пустым. Рабочим.

— Подтверждаю: реликтовое существо, по классификации Бэ-Ха двести — двести тридцать, если глаза мне не врут... Что за идиотские вопросы? Конечно, со средствами защиты — Бэ-Ха же!

— А вы не суетитесь, гражданин Бехтерев, — бросил он Степану.

Сказал между делом, но так, что сразу стало понятно — лишние слова и телодвижения ни к чему. Без них ясно — его сенсацию, его звездный час, его законную добычу сейчас нагло, но уверенно изымут. Составят протокол, заставят подписать какую-нибудь бумагу о неразглашении... Быть может, даже заплатят, чтобы молчалось лучше. А после — увезут и спрячут за семью печатями реальное подтверждение того, что все потраченные годы, принесенные жертвы и вытерпленные насмешки — не зря.

Бехтереву хотелось залепить Красовскому в ухо... Очень хотелось. Но сил в себе он не чувствовал. Руки безвольными тряпками повисли вдоль тела, а глаза безучастно наблюдали, как поляну заполняют невесть откуда взявшиеся рослые молодцы в камуфляже.

Они работали молча, слаженной деловитостью напоминая андроидов из старых фильмов про космос. Добавляя картине фантастичности, из леса, ревя двигателем, выехал странного вида фургон, — черный! конечно же черный! — похожий на бронированную грузовую «Газель». Видимо, тот самый «спецтранспорт». Филиппок расхаживал вокруг клетки с видом Наполеона, коротко отдавая приказы.

Все закончилось нереально быстро. Клетка с лешаком исчезла в черной утробе «бронегазели», и машина, тяжело переваливаясь на кочках, поползла обратно. Следом за ней потекли молчаливые камуфляжные «андроиды», уже успевшие все измерить, отфотографировать и отснять на видео. Спустя несколько минут ничто не напоминало о недолгом триумфе Бехтерева. Исчезли даже обломки жерди с гвоздем, заботливо упакованные в прозрачный пластик равнодушными профессиональными руками. Никто не подсунул охотнику ни денег, ни бумаги с грифом «совершенно секретно». Его вообще не заметили, точно он — пустое место...

Степан и чувствовал себя опустошенным. Выпотрошенной рыбой. Вот только его безжалостно лишили не внутренностей, а мечты. Ненавистный Филиппок остановился у служебного авто.

— Степан Антонович, вы едете?

— Что вам еще от меня надо? — Степан сам поразился бесконечной усталости, наполнившей голос. — Пытать будете?

— Дам ответы на интересующие вас вопросы. У вас наверняка ко мне куча вопросов, верно? Ну, так что? Второй раз не предлагаю!

Пухлая рука приглашающе указала на открытый салон, и Бехтерев решил-ся. Он забился на заднее сиденье заляпанной грязью «Калины», рядом с Красовским, как бы ни было ему неприятно такое соседство. Потому что желание

узнать ответы перевешивало все возможные неудобства. Стоя посреди истоптанной опустевшей поляны, Митяй ошалело смотрел им вслед.

В салоне было просторно, но Бехтерев постарался максимально отодвинуться от Филиппка — задевая «журналиста», он чувствовал, будто в дерьмо вляпался.

— Что с Митяем делать будете? — буркнул Степан.

— О нем позаботятся наши специалисты, — туманно ответил Филиппок. — Вы, кстати, знаете, что камера у него уже лет пять, как нерабочая? Там даже кассеты нет.

— Знаю. У Митяя давно с головой непорядок. Тут в другом вопрос — вам-то об этом откуда известно?

Поджав губы, «журналист» смерил охотника хмурым взглядом. Долго буравил голубыми глазами и, наконец, что-то решив про себя, сменил линию поведения.

— Как-то у нас с вами не заладилось. Предлагаю начать с чистого листа и еще разок познакомиться. Моя фамилия действительно Красовский. И звать меня на самом деле Филипп Иванович. Только я не журналист, а полковник... Эммм... Правительственной организации, о которой обычным людям знать не обязательно.

— Секреты секретничаем? — недовольно пробурчал охотник. — Ладно, дело ваше. А мне скрывать нечего. Зовут меня Степа, фамилия моя...

— Бехтерев, Степан Сергеевич, одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения, — отбарабанил новоявленный полковник. — Образование педагогическое, высшее. Разведен. Детей нет. За минувшие пятнадцать лет около тридцати раз менял место жительства. Последнее место работы — Пушкинский лицей города Сумеречи. Уволен по собственному желанию...

— Вас и такое запоминают заставляют? — вяло удивился Бехтерев.

— Профессиональная привычка. Я про вас знаю абсолютно все. Даже то, что из лицея вас собирались уволить за прогулы.

— Это ради науки! — уши Бехтерева зыпалы. — Я же не пьянствовал! Я криптид ловил!

— И это знаем. Именно благодаря вашим феноменальным успехам на этом поприще мы с вами сейчас и разговариваем.

— Да какие там успехи, — забывшись, Бехтерев едва не сплюнул под ноги. — За двадцать лет одного лешака поймал, и того ваши архаровцы отняли.

— Не скажите! На сегодняшний день на вашем счету двенадцать пойманых криптид. Это — не считая лешака. И еще примерно столько же обнаруженных, но упущеных. Ну, что-то вроде вашего первого трофея.

Глаза Бехтерева округлились от удивления, а сволочуга Филиппок знал себе улыбался, точно обожравшийся сметаны котяра.

— Свежи воспоминания, да? И у меня свежи — будто вчера было. Я тогда простым аналитиком служил. Вашего «волка» спецгруппа из десяти человек разрабатывала. Опытные сотрудники, снаряжение по последнему слову техники — тепловизоры, спутники, транкилизаторы, все дела... Год — го-о-од!

ловили! А потом пришли вы. С сетью и ржавым капканом...

Прошлое, старательно подавляемое все эти годы, вскрылось болезненным фурункулом. Слова полковника, оброненные мимоходом, полностью переворачивали мир Бехтерева. Старый промах, постыдный, унизительный, спустя годы оборачивался триумфом. Заныло под сердцем, и руки мелко затряслись от тени давнишнего страха. Вспомнилось, как, потеряв фонарик, бежал сквозь ночь, лишь благодаря свету низко висящей луны уворачиваясь от деревьев. Широко раскрытым ртом судорожно глотал стылый ночной воздух; заплелись ватные ноги; колотилось, разрывая грудь, испуганное сердце. А за спиной ревел, бесновался, пытаясь разорвать прочнейшую сеть, кто-то голодный, свирепый, с пылающими желтизной глазами-фарами. И только одна мысль не давала упасть, как на крыльях перенося через предательские кочки и поваленные деревья: нашел! Поймал! Есть доказательство!.. Впрочем, была и другая причина бежать, что есть мочи. Очень уж жить хотелось...

Будто в другом мире случилось серое, промозглое утро. И расчерченный сплетенными за ночь серебряными нитями паутины воздух — такой нездешний, такой нереальный. Хлюпала болотная жижа в высоких болотниках, противно ныли натруженные мышцы ног. Тряслась в руках старенькая двустволка, наведенная на скрюченное бледное тело, жалкое, беспомощное, тщетно пытающееся содрать с перебитой ноги стальные челюсти капкана.

Следующий месяц пролетел как в тумане. Громкое судебное разбирательство. Заголовки в местных и областных газетах: «Школьный учитель расставлял капканы на оборотней». Насмешки. Косые взгляды. Стыд — едкий, жгучий точно спирт, которым он заливал досадный промах. Ловил волколака, а поймал электрика из ЖЭУ, тля зеленая! Повезло — адвокат попался ушлый. Сумел не только дело замять, но едва-едва не выставил жертвой самого Бехтерева. Спустя пару месяцев история забылась, затерлась в памяти человеческой, уступила место новым сенсациям и громким разоблачениям, однако нет-нет, да аукался тот бедолага электрик.

Однажды очередное «Эй, а это не ты ли оборотней под Таврово гонял?» переполнило чашу терпения, и Бехтерев впервые в жизни сменил работу, а с ним и место жительства. Так началась нескончаемая череда переездов, съемных квартир и комнатушек, новых размашистых записей в трудовой книжке, коротких знакомств и длительных поисков — кочевая жизнь во всей своей красе.

— Значит, я тогда его действительно поймал? — не веря, пробормотал Бехтерев, от волнения переходя на шепот. — Поймал волколака?

— Так точно, поймали, — благодушно улыбнулся полковник. — Вы — энтузиаст, любитель, новичок, — сработали грамотнее и успешнее команды подготовленных профи! Ох, и получили мы за вас нагоняй от начальства, Степан Сергеевич!.. Но благо — было что предъявить, вашими стараниями. Вид трансформирующегося оборотня производит неизгладимое впечатление на кабинетных чиновников. Дров вы, конечно, наломали изрядно, пришлось оперативно вмешиваться, подключать определенные рычаги. Но в итоге все получилось лучше некуда. Дело ваше мы замяли. Вервольфа этого доморощенного аккуратненько изъяли — обставили все так, словно он сам из города уехал. Кстати, если будет желание, сможете с ним перекинуться парой слов,

когда в Зверинец приедем.

— Куда? — тупо переспросил Бехтерев.

— Зверинец. Объект, где содержатся существа, подобные нашему любителю полной луны. Кстати, для лешака отдельный бокс отведен, созданы соответствующие условия. К нашему приезду уже и вселят, наверное...

Кое-что в словах Филиппка не давало охотнику покоя. На самом деле покоя не давало абсолютно все. Информации оказалось так много, а сама она — настолько сенсационной, что голова шла кругом. Хотелось крепко обнять этого неприятного пухлого человека, и разрыдаться от облегчения и невыносимого счастья. Конец одиночеству! Отныне то, за чем он гнался все эти годы, действительно существует! Но противное «кое-что» ворочалось в голове, как неуклюжий доисторический ящер в луже грязи. Сбивало с радостных мыслей, расталкивало их тучным бронированным телом, мешало наслаждаться триумфом.

— Вы сказали — двенадцать пойманых ... — костяшки сжатых кулаков заострились и побелели, — Как же это... Двенадцать?

— Да, да, все вы правильно догадались. Пойманный экземпляр тут же изымался, прямо у вас из-под носа. Не поймите превратно, но на тот момент так было нужно. Производственная необходимость...

— Заменить сасквоча дохлой обезьяной — производственная необходимость? — злобно зашипел Степан.

И вдруг сам взревел не хуже того сасквоча. С досады двинул кулаком в сиденье, выплескивая гнев. Следующие минут пять Бехтерев молотил сиденье и дверь, топал ногами, орал и плевался, матом кроя Филиппка и всю его таинственную контору. Красовский благоразумно отодвинулся, невозмутимо переживая истерику.

— Суки, а? Нет, ну, какие же суки! — устало бормотал Бехтерев, по-детски посасывая кровявшую костяшку. — Что вы за мрази такие? Я ж чуть с ума не сошел, чуть не рехнулся...

Состояние было: чуть подтолкнуть — заплачет. Губы зажили своей жизнью, то кривясь, подрагивая, то плотно скимаясь. Бехтерев отвернулся к окну. Холодное тонированное стекло остудило воспаленный лоб.

— Не рехнулись же, — pragmatично отметил Красовский. — Это друзья у вас через одного шизофреники, а сами вы — человек психически здоровый. Наши специалисты за этим регулярно следят...

— Да идите вы к черту, с вашими специалистами, — вяло ругнулся Бехтерев, сквозь тонировку разглядывая проносящиеся мимо машины. — Столько лет мне голову морочили, сволочи...

— Прекрасно понимаю ваши эмоции, Степан Антонович. Но, правда, перестаньте уже костерить наше ведомство. Когда доедем, я лично сторицей верну вам каждый год, что вы провели в неведении.

Оторвавшись от окна, Бехтерев впервые за всю поездку посмотрел на полковника, как на человека, а не навозную кучу. Тот прижал холеную ладонь к сердцу и, улыбаясь с яркостью двухсотваттной лампочки, торжественно произнес:

— Обещаю и клянусь!

Автомобиль слегка качнуло на рессорах. Шоссе вновь сменилось разбитой

лесной грунтовкой. Остаток дороги проделали молча. Полковник не соврал — ехать пришлось действительно долго.

В погоне за парапротивным имелись свои плюсы. Перевалив за полсотни, Бехтерев по-прежнему был легок на подъем и крайне редко болел. Долгие пешие прогулки, многочасовые засады, исследования новых мест — все на свежем воздухе. Бехтерев неплохо стрелял, умело обращался с ножом, мог пробежать несколько километров, не сбив дыхания, и никогда не терял направление. В какую бы глухую тайгу не забрался, в какие бы непролазные топи нешел — свободное ориентирование на местности и цепкая топографическая память всегда выводили его к людям.

Дорогу до Зверинца Бехтерев запоминал урывками, смутно понимая, что везут его куда-то на север. Но чем ближе становилась таинственная база — тем чаще сбивало врожденное умение. Предстоящее знакомство с целым заповедником загадочных тварей мешало сосредоточиться. Бехтерев мельком отмечал интересные детали. Охрана на пропускном пункте — не сопливые срочники, а закаленные бойцы, с щеками, внимательными глазами. Вместо «колючки» — высокие бетонные стены. Стрелковые вышки в ключевых точках. Множество блок-постов даже внутри периметра. На каждом — сканнер сетчатки глаза. В другое время уже сама эта процедура произвела бы на него неслабое впечатление, но сейчас казалась лишь досадной помехой.

«Калина» неторопливо ехала мимо вытянутых казарм, загадочных куполообразных строений, ангаров. Мимо просторного пустого плаца. Мимо пулеметов, свивших гнезда среди мешков с песком. «Дальше, черт возьми! Дальше! Быстрее!» — хотелось заорать Бехтереву. Когда же машина остановилась около ничем не примечательного ангара, он испытал легкое разочарование. С десяток подобных зданий они миновали по пути сюда. Отчего-то Бехтереву казалось, что Зверинец должен выглядеть иначе. Как именно, он и сам не знал, но уж точно не как скучная бетонная коробка с двускатной крышей.

Внутри «коробки» оказалась пустой. Глаз цеплялся, разве что за открытую платформу устрашающих размеров и площади.

— Это грузовой. Нам чуть дальше, к пассажирскому, — бросил полковник, привычно следя вглубь ангара.

— Когда проектировали, предусмотрели свободный въезд любого грузового транспорта, — пояснял он по пути. — А то экземпляры попадаются крупные и очень крупные, и даже гигантские. Терять им нечего, так что ведут они себя крайне агрессивно. Мы свели риск к минимуму — отказались от промежуточных погрузок-выгрузок. Каждая криптида доставляется прямиком к боксу.

Небольшой пассажирский лифт — не платформа, а настоящая кабина — вжался в стену в дальнем углу. С виду — обычная пристройка, подсобное помещение, но двери металлические, и уже знакомый сканнер сетчатки, небрежно встроенный в грубую бетонную стену. Красовский подставил зрачок невидимым лучам, и створки бесшумно разъехались в стороны.

— Сейчас мы с вами опустимся в самое сердце «Зверинца». Я лично проведу

вам небольшую экскурсию, поверхностно ознакомлю с работой нашего подразделения. По окончанию — фуршет, баня, продажа сувениров и магнитиков на холодильник.

Бросив взгляд на вытянутую физиономию охотника, Красовский захихикал. Лифт скользнул вниз плавно, но быстро.

— Пять лет назад мы бы с вами спускались по лестнице. Большая часть технических новинок — моих рук дело. Удалось, наконец, выбить из начальства приличное финансирование, — полковничий голос сочился самодовольством. — К тому же тренд нынешней власти... Ну, знаете — инновации, нанотехнологии — очень даже на руку. На техническое оснащение давать стали охотнее. Что, впрочем, не умаляет ваших заслуг. Наглядные, живые доказательства нашей работы, добывая, в том числе и благодаря вашим наводкам, Степан Антонович, — на порядок эффективнее, чем фото и видеоматериалы. А ведь было время, когда захваченная мертвой криптида считалась в нашем подразделении невероятной удачей. Тогда о таком проекте, как «Зверинец», и помыслить никто не мог. Не говоря о том, чтобы этот проект растиражировать...

— А есть еще? — осторожно поинтересовался Бехтерев.

— Преимущественно на Севере и Дальнем Востоке. Меньше людей — больше шансов встретить осколки старого мира. Вам ли не знать, Степан Сергеевич? Вы ведь и сами три года в Красноярском крае прожили. У них, кстати, крупнейший «Зверинец» в стране. А по некоторым данным, — Красовский заговорщически подмигнул, — и в мире! У них под Енисеем даже специальные боксы для водных тварей...

Уточнять намеренную оговорочку про мир Бехтерев не решился. Ему и без того не слишком нравилась подозрительная откровенность полковника. Простейшая логика подсказывала, что выходов из этого подземелья у него только два. Один из них в мешке для трупов, а вот второй... Отчего-то думалось, что второй еще хуже.

Долго обкатывать эту мысль не пришлось: двери лифта открылись, и Бехтереву показалось, что он попал на космический корабль. Широкие коридоры, чистые и светлые, убегают вдаль, изгибаются, пересекаются друг с другом, образуя упорядоченный лабиринт, с высоких потолков льется мягкий свет люминесцентных ламп, под ногами металлические решетчатые листы. С шипением разъезжаются толстые двери-перегородки, деловито снует научный персонал, похожий издалека на муравьев в белых халатах, охрана на блокпостах пристальноглядит в мониторы, и трудно поверить, что такая бурная жизнь протекает под землей.

Уверенно ориентируясь в хитросплетении коридоров, Красовский шел мимо просторных круглых отсеков, каждый из которых, точно гигантский пирог, был поделен на неровные куски прочными дверями, со смотровыми окошками. Оттрафареченные надписи на дверях привели Бехтерева едва ли не в священный трепет. Ведь если есть «бокс № 44», значит, где-то имеются еще сорок три бокса?

— В сорок четвертом у нас, кстати, тот самый сасквоч, с семейством, — на ходу кивнул Красовский. — Вы тогда вожака выследили, а уж найти остальную стаю — дело техники. Две молодые самки и три детеныша. Третий, к слову,

родился уже у нас.

Степан неразборчиво пробурчал что-то под нос, но полковник услышал и переспросил:

— Что, простите?

— Я спрашиваю, зачали они его тоже у вас?

— Это вы в самую точку, Сергей Антонович! Когда мы их брали, одна самка уже была на сносях. В неволе они размножаться отказываются...

— Самого-то, поди, в клетке трахаться и стрекалом не заставишь... — буркнул Бехтерев. Но в этот раз полковник не услышал. Или сделал вид, что не услышал.

— А вот здесь задержимся! — жизнерадостно пропел он, выводя Бехтерева в очередной круглый отсек. От предыдущих новое помещение отличалось размерами и полным отсутствием дверей. — Каюсь, очень хочу вас впечатлить!

Охотник непонимающе огляделся, выискивая, чем бы впечатлиться. Вокруг лишь ровные голые стены, аккуратно покрытые белой краской. Красовский лукаво подмигнул и многозначительно ткнул пальцем под ноги. Бехтерев наклонился вперед и обомлел. Задумка полковника удалась в полной мере — впечатлил по самое не могу.

Под ногами, отделенная решетчатыми переборками, показавшимися вдруг такими тонкими, спала живая гора. Невероятных размеров куча плоти, с руками, толщиной в три обхвата каждая, с массивным горбом, украшенным наростами и костяными шипами, мерно вздыхала вверх-вниз.

— Кх... кто... это? — от волнения перехватило дыхание. В существование великанов Бехтерев, при всей лояльности к мифическим существам, не верил и сам.

— Знакомьтесь — волот! — с гордостью представил монстра Красовский. — По нашим данным — последний живой экземпляр. Сейчас, правда, проверяется одна наводка на Северном Кавказе, но шансы мизерные. Два раза в одну воронку, как говорится... Этого-то случайно обнаружили. Проводили взрывные работы, при строительстве тоннеля в Абхазии, нашли пещеру, а там — оно. У волотов любопытнейший метаболизм: они, как медведи, впадают в спячку, только спать могут и год, и десять, и даже более. Этот, по нашим данным, спал без малого три сотни лет. Если верить местному фольклору, конечно.

— Не-ве-ро-ят-но!

Бехтерев присел, жадно пожирая золота глазами. До чудовища было не больше пяти-шести метров. На фоне спящего гиганта все переживания сделались мелкими и ничтожными.

— Как же вы его сдерживаете, махину такую?

— С трудом, если честно, — Красовский пожал плечами. — Травим снотворным потихоньку. Иначе никак. За ним четыре специалиста закреплены, дежурят посменно, обеспечивают своевременную подачу газа. Очень важная и опасная работа. Очухивается эта тварь поразительно быстро. Чуть недодал снотворного — пиши пропало! На поверхности, на случай прорыва, два танка дежурят, но это больше для спокойствия высокого начальства. Мы не вполне уверены, что его можно убить. Этую тварь четыре вертолета газовыми бомбами

забрасывали — еле свалили.

Глядя, как вздымаются и опадают могучие плечи, Бехтерев недоверчиво покачал головой.

— Ну что, насмотрелись? — прервал созерцание полковник. — Давайте, как и обещал, навестим вашего давнего знакомца, и вернемся на поверхность. Нам еще предстоит небольшой разговор.

Вновь замелькали коридоры, незнакомые люди, двери, боксы, повороты. Иногда полковник на пару секунд заводил Бехтерева в какое-нибудь помещение, вкратце рассказывая о его назначении, и тут же волок дальше. Вот видеолекторий. Два десятка будущих ловчих просматривают фильм о повадках и местах обитания олгой-хорхоя, мифического пустынного червя. А вот библиотека, оснащенная по последнему слову техники. Большая часть литературы — под грифом «Секретно». А здесь... Бехтерев не сразу поверил в увиденное — настоящая операционная: ярчайшие лампы, хромированные инструменты, белизна стерильно чистой ткани... Вот только растянутому на столе существу явно не аппендиц удаляли. Нечеловечески длинное, лишенное растительности серое тело с разрезом от груди до живота, уверенно потрошили четверо в белых халатах.

Голова шла кругом. Мозг не успевал переваривать то, что видели глаза и слышали уши. Спеша за Красовским, уже не особо слушая, что там вещает этот надутый индюк, Бехтерев впитывал дух Зверинца, сathanея с каждой минутой. Все оказалось хуже, чем виделось изначально. Это место — не заповедник. Эти люди — не добрые лесничие.

К реальности его вернулся самодовольный голос полковника.

— Вот, собственно... Здесь ваш знакомец и обитает.

Краска трафарета на типовой двери изрядно выцвела, но читалась без труда — «бокс № 1». От волнения у Бехтерева пересохло во рту.

— Действительно первый?

— Нет, были и до него живые экземпляры. Но ваш электрик-оборотень стал для нашего ведомства ключевой точкой. Это ведь после него нам финансирование потоками пошло. Вот и держим здесь, как дань заслугам.

— А почему... Почему, как зверя? До полнолуния ж еще...

— Ну, это уже другой повод для гордости! — Красовский игриво погрозил пальцем. — Наш научный сектор три года бился, устранивая зависимость от лунных циклов. Строго говоря, успех частичный, подопытный теперь постоянно в измененном состоянии. Но ведь прорыв, согласитесь?! В идеале создать некий препарат, позволяющий трансформироваться и нормальным людям. Заказов от спецслужб — выше крыши! Жаль, но в измененном состоянии сохраняется высокий уровень агрессии. Наши высоколобые пока не разобрались, как с этим бороться... Так что, хотя ключи всегда при мне, — он с улыбкой постучал указательным пальцем по уголку глаза, — внутрь не пущу, и не просите.

От его жизнерадостности Бехтерева, наконец, прорвало. Глядя исподлобья, он зло пробурчал:

— Вы меня зачем сюда привезли? Живодерами своими хвастаться? Концлагерь

этот чертов рекламировать?

— Я пригласил вас, чтобы предложить работу вашей мечты, — Филиппок великолепно пропустил мимо ушей и «живодеров» и «концлагерь». — Вы потрясающий теоретик, Степан Антонович, а вашей практике все мои полевые работники завидуют. Но, самое главное, вы ведь сами своего рода криптида — редкий, уникальный специалист, влюбленный в свое дело. Вас таких — днем с огнем не сыщешь! Как вы мне про лешака задвигали, а? Да мой институтский преподаватель по криптозоологии вам в подметки не годится! А он, надо сказать, сорок лет этому делу отдал, награды правительственные имеет... У вас, ко всему прочему... Чутье, что ли? Вы же всю эту чертовщину чуете, как Шариков кошек! И, естественно, я хочу...

— Да понял я, отчего вы тут соловьем заливаетесь, не дурак.

На Бехтерева нахлынула такая лютая злоба, что заскрипели зубы. Перед внутренним взором встали андроидоподобные молодцы, методично подчищающие за ним последние лет десять. Идущие по пятам. Отнимающие находки, трофеи, добычу. Отнимающие истину, не только у него — у всего человечества.

— Вы мне лучше скажите, гражданин начальник, почему вы решили, что я на все это подпишусь?

— А куда ж вы денетесь с подводной лодки? Вольетесь в нашу работу — и получите все самое лучшее. Людей, оборудование, доступ к такой информации, за которую ваши коллеги души прозакладывают. Откажетесь — продолжить изыскания я вам не дам. Перекрою кислород, где только смогу. А смогу я много где, вы уж мне поверьте!

— То есть вы предлагаете мне стать поставщиком мяса для ваших гестаповских застенков? — язвительно осведомился Бехтерев.

— Да что ж вы за баран такой упертый! — взорвался, наконец, Красовский. — Возможность заниматься любимым делом и неограниченный доступ к уникальной информации — вот что я вамлагаю!

Лицо полковника побагровело. Шумно выдохнув, он демонстративно повернулся лицом к камере и приник к смотровому окошку.

— У вас минута, — бросил он за спину, — определяйтесь быстрее.

И ужетише, себе под нос:

— Весь день на него уграбил, мало что не расстелился, а он мне — «гестапо»! Моралист, етий твою мать!

Действовать быстро, решительно, жестко. Иначе без шансов. Это Бехтерев понял за доли секунды. Женоподобный Филиппок, давно сбросивший личину истеричного журналиста, уже не казался медлительным пухлощеким рохлей. Не будет времени. Секундочки лишней не обломится.

Как обычно в экстремальной ситуации, тело решило все быстрее головы. Рука скользнула под куртку, нашупывая на ремне маленький чехол, ускользнувший от не слишком пристальных глаз охраны. Пальцы цепко сомкнулись на непривычной рукоятке кулачного ножа. Бехтерев мельком отметилось, что ладонь сухая и не дрожит совсем. Со стыдом вспомнил, что считал подарок Митяя игрушкой, баловством, носил только, чтобы товарища не обидеть.

А вот ведь как обернулось...

Время вышло. Бехтерев прекратил думать и воткнул широкое зазубренное лезвие Красовскому в шею. Прямо в яремную вену. Буднично так воткнул, словно дома, тренируясь на размороженной куриной тушке. На этом сходство закончилось.

Пухлый Красовский оказался отменным бойцом. Рана едва успела плюнуть красным, горячим, а он уже развернулся в молниеносной контратаке. Ничего подобного Бехтерев ранее не видел. Хрустнуло запястье, безвольные пальцы выронили нож, тут же чудом перекочевавший в руку Красовского. Прижатое к щеке плечо спасло шею, а пробитая нас kvозь левая ладонь — сердце, но живот и пах защитить было уже не чем. Снова и снова, как заведенный, Красовский повторял смертельную комбинацию — шея, грудь, живот, пах. Он походил на какое-то темное языческое божество, обожравшееся кровью. Страшный, окровавленный, умирающий полковник простоял на ногах непозволительно долго. Последний удар, слабый и беспомощный, пришелся Бехтереву в живот, после чего противники повалились на пол. Уже в падении почти безжизненный Красовский ввинтил в охотника нож, будто заводил пружинный механизм. Придавленный Бехтерев истошно заорал. Боль прорезалась сразу отовсюду, и было ее столько, что хватило бы сотне человек. Но еще больше, чем боли, в крике этом было страха: что не достанет сил, что все — зря, и что подохнет он сейчас вот так, не за фунт изюму, истечет кровью, как недорезанная свинья, так и не успев исполнить задуманное.

Вторя ему, с потолка коридора громогласно завыла сигнализация.

Щедро залитый своей и чужой кровью Бехтерев с трудом столкнул с себя грузное полковничье тело. Только не смотреть, — успел подумать, и тут же посмотрел. В животе, чуть пониже пупка, похожий на рукоятку штопора, торчал кулачник. Нож двигался в такт неровному дыханию, мелко подрагивая. Боль тут же усилилась многократно, но к счастью, времени не оставалось уже и на нее. Наступила полная отрешенность. Разом перегорели все нервы, обесточились болевые точки.

Обостренным восприятием Бехтерев ощущал, как дрожат мелкочайистые решетки пола под десятком пар армейских ботинок. Чувствовал, как скользят пальцы на влажной рукоятке ножа. А вот распознать свой истошный вопль в оглушающей какофонии уже не сумел. Ноги сучили по полу, кровь на лице размыло слезами, крик нарастал, иногда перекрывая сирену, но чертова лезвие ползло со скоростью престарелой улитки. Наконец, со злобой мелкого хищника вырвав кусок мяса, нож с чавканьем покинул тело. Вслед ему стрельнул короткий фонтанчик крови.

Успеть. Только бы успеть!

Встать на ноги он даже не пытался. Знал — не сдюжит. Поднять Красовского — тоже непосильная задача. Оставалось одно. Тяжело перекатившись на бок, Бехтерев навалился на мертвого полковника. Остекленевшие зрачки смотрели без ненависти, скорее, удивленно, не в силах поверить в то, что задумал охотник.

— Прости господи, — выдохнул Бехтерев.

Очень хотелось перекреститься, да только время, проклятое, ускользающее

время... Бесцеремонно, прямо сквозь веко, охотник вырезал удивленный глаз Красовского. Правый.

Оставляя за собой красный смазанный след, ужом дополз до двери бокса. Кое-как, по стеночке, приподнялся на колени. Шлепнул трясущейся рукой по сканнеру, прижимая к нему окровавленный скользкий ключ. Долгую секунду ничего не происходило. Затем замок обиженно рявкнул, отказывая в доступе. Забыв про боль, Бехтерев взвыл от досады. Не сработало!

Топот нарастал — мерный, монотонный, почти убаюкивающий. Профессионалы приближались, чтобы снова тщательно подчистить за наследившим любителем. Уничтожить доказательства, изъять улики. О да, в чем в чем, а в изъятии они настоящие мастера! Смогут — возьмут живьем, не смогут — уничтожат на месте. Впрочем, снявший голову Бехтерев не видел смысла оплачивать волосы. Он прекрасно знал, что умирает и держался на одной силе воли.

— Давай же! Давай, сука ты бездушная! — ругал он несговорчивую электронику, возюкая по ней полковничим глазом. — Давай, падла!

В какой-то момент догадался взглянуть на ладонь и в агонии хрипло рассмеялся. Перевернулся глаз, скжал пальцы, будто сам себе с ладони подмигнул. За спиной неслышно рассредоточились подоспевшие бойцы. Пока не стреляют, оценивают ситуацию, но пальцы на курках, а курки взведены, Бехтерев хребтиной чуял.

— Поднимите руки, — голос молодой, выхолощенный. — Без резких движений, так, чтобы я их видел.

Поднимать сразу обе руки оказалось немыслимо тяжело, но Бехтерев справился. Медленно развернулся вполоборота, чтобы увидеть тех, кого собирались убить. Пятеро, с автоматами наизготовку. Пока пятеро. Не мальчишки, рослые, крепкие, похожие друг на друга, как гвозди в магазинной упаковке. Такие не за страх, а за совесть служат. Таких не жалко. Простите, ребятки, ничего личного!

— Здрассьте вам! — Бехтерев оскалился в жутенькой кровавой улыбке, и «без резких движений» приложил глазастую руку к сканеру.

Охрана оказалась натасканной. Никто не стрелял в Бехтерева нарочно, все стволы сосредоточились на двери, откуда остро тянуло мокрой шерстью и аммиаком. Затрещали автоматные очереди, мелькнула размытая серая клякса, кто-то вскрикнул испуганно. Вырвавшийся оборотень взревел, принимая на себя большую часть свинцового роя. Большую, но не всю. Одна пуля с чавканьем впилась Бехтереву в плечо. Рухнув лицом в пол, он не видел, что происходит, и был этому страшно рад. Отсек полнился звериным ревом, предсмертным воплями и мерзким треском рвущегося мяса.

Крики затихли быстро, и Бехтерев потратил последние силы, чтобы перевернуться с живота на спину. Подыхать, уткнувшись мордой в пол, жуть как не хотелось. Лицо обдало горячим дыханием, перед глазами замаячила уродливая, покрытая линялой шерстью голова человечеволка. Той ночью Бехтерев едва успел разглядеть это фантастическое создание, но желтые глаза, горящие фарами даже в освещенном помещении, запомнил хорошо. За лобастой башкой вздыпался лохматый горб, из которого росли деформированные, перевитые мышцами руки-лапы. Вытянутая, утыканная пожелтевшими

клыками пасть, резко контрастировала с человеческими ушами. В левом, похожая на сергу, болталась бирка с номером. Первый.

— П-прос-ти, — прошептал Бехтерев, и оборотень наклонился, прислушиваясь.
— П-рости... я ж не зна-ал...

Горло исторгло мучительный кровавый кашель. Думать становилось все труднее. Немигающие желтые зрачки качались в воздухе, прожигая насквозь, до самого дна души. Сейчас самой важной вещью на свете стало доверие этого уродливого зверомонстра. Бехтерев очень хотел, чтобы оборотень поверил ему.

— П-рос... мя-а-а, — отяжелевший язык еле ворочался.

Бехтерев знал, что оборотень тянется к его горлу, и был готов умереть. Сжидалось сердце, да по позвоночнику ползли мурашки, но он был готов, правда. Однако вместо резкого рывка и острой боли, Бехтерев почувствовал, как волколак осторожно лизнуло его в щеку гладким холодным языком. Длинные, покрытые шерстью пальцы с раздутыми костяшками разжали ладонь охотника, вынимая из нее окровавленный ключ. Бехтерев открыл глаза, уставился в потолок, мерцающий люминесцентными лампами. Никого.

Вопила как оглашенная сирена и в ее голосе чудились истеричные нотки. Издалека долетал треск автоматных очередей, раскатистое рычание и перепуганные крики. Бехтерев собрал остатки сил, перекатываясь на живот. Упираясь локтями в пол, он поволок свое израненное тело к оставшему полковнику. У Красовского остался еще один глаз, а в отсеке — с десяток закрытых боксов. Если повезет, в одном из них держат птицу Сирин, которую он поймал лет восемь назад. Перед смертью ему хотелось увидеть ее еще раз.

В какой-то момент начали сходиться переборки, отсекающие рукава коридоров и боксы друг от друга. Начали, да так и застыли, не сомкнувшись краями. Кто-то умный, там за главным пультом управления, попытался в спешном порядке обрубить хвосты. Невидимый кто-то просто не знал, на какую скорость способен оборотень, пятнадцать лет не видевший лунного неба.

Широкий пульт и многочисленные мониторы размашисто, веером, покрывали густые потеки крови. Охранные камеры исправно подавали сигнал даже на разбитые мониторы. Зверинец неумолимо поглощал ночной кошмар, ставший реальностью. Объединенные общим врагом, разумные нелюди ожесточенно мстили. За все.

На пятачке перед боксом Б-1, возле раскрытой двери, прислонившись к стене, сидел Степан Бехтерев, охотник за паранормальными существами, криптоzoолог и признанный городской сумасшедший. Рядом с ним, по-собачьи свернувшись у ног, лежало огромное уродливое существо, похожее на волка и человека одновременно. Оно нервно прядало ушами, прислушиваясь к еле уловимому гулу, идущему снизу. Пол и стены Зверинца ощутимо дрожали.

К полуночи, ломая толстенные бетонные перекрытия, волот пробился наружу. Похожая на развороженный муравейник база встретила его пулеметным огнем и разрывами гранат. Расшвыривая обломки Зверинца, сметая с

пути перепуганных людишек, втаптывая в землю боевую технику, гигант в считанные минуты сравнял воинскую часть с землей. Покойный полковник оказался прав: дежурящие танки всего лишь отвлекли его на несколько минут. Не привыкший выбирать дорогу волот ломанулся сквозь лес, оставляя за спиной широкую просеку поваленных деревьев. После нескольких сотен лет сна неимоверно хотелось жрать, и вывернутые ноздри жадно втягивали воздух, ловя знакомый сладкий запах. Мяса было много и совсем близко, на севере. Волот отлично помнил вкус человеческого мяса.

Из подземного пролома, как черти из ада, выпрыгивали, вылетали и выползали пленники Зверинца. Одни тут же исчезали в лесу, другие осторожно ступали на проторенный волотом путь, следя за великаном, как пехота за бронетехникой. Миф устал от неверия. Сказка наступала на реальность, чтобы зубами и когтями вырвать свое право на жизнь.

ИРИНА ЕПИФАНОВА

Автор о себе: «Родилась в Подмосковье в 1977 году, успела по-живьем в Москве, в последние годы обитаю в Санкт-Петербурге. Ведущий редактор в издательстве «АСТ» (редакция «Астрель-СПб.»), переводчик и книжный маньяк. Редактор серий «Самая страшная книга», «Тёмное фэнтези», «Городские легенды» и др. Питаю необъяснимую привязанность к литературе тёмных жанров и всячески стараюсь развивать её в России. Стихи пишу по принципу «можешь не писать – не пиши», поэтому можно сказать, что почти не пишу))»

ТРАМВАЙ НОМЕР ПЯТЬ

Возьми бумагу и ручку и запиши,
Я тебе расскажу, как проще ко мне попасть.
Что там за транспорт ходит в твоей глупости?
Сядешь в пятый трамвай по счёту и номер пять.

Сойдёшь через семь остановок, там будет парк.
На дальней скамейке сможешь меня найти.
Ну и местечко: рассадник влюблённых пар.
Смешно, ага? Не стой столбом, посиди.

Ты бы женился, что ли, а то один да один.
Знаешь, это спасает: дети, дом и семья.
А как же я? Я – нормально, я уже позади.
Ты, кстати, неплохо справлялся с тех пор, как я...

Ты будешь сидеть, курить, смотреть на меня,
Говорить, что не веришь, что всё это ерунда.
Мне чертовски будет хотеться тебя обнять.
Но пальцы гладко стекут с тебя, как вода.

Ещё не пора, потерпи, поезжай домой.
Сядешь в пятый трамвай по счёту и номер пять.
Настанет час – я сама приду за тобой.
Ты подожди, мы отлично умеем ждать.

Бог подтвердил мои ангельские права.
Послужи-ка, грит, год за два.
Бог усталый, в шляпе и сером плаще,
Учит складывать миро-здание из кирпичей,
Где всё живо: камни, трава и снег,
Где тебе свой сизифов/гераклов подвиг и свой забег.
Старый каменщик любит своих детей,
Не гнобит в родительской строгой узде,
Говорит, мол, фридом, дави на газ и гори на раз...
Бог следит, чтобы каждый кого-то спас.

Поудобней усядусь на облаке и в письме тебе напишу
Про то, как седьмое столетие перьями в крыльях шуршу,

Про то, как босые деревья щекочут небо корнями,
Про то, как в прошлой жизни мы работали королями,

Про то, как рыжие зонтики проплывают мимо по лужам,
Про то, как ноябрь кашляет и стонет, когда простужен,

Про то, как бразильское небо роняет звёзды в Неву,
Про то, как я шёл к эшафоту. И умер. Так и живу.

Наловлю новогодних желаний и пошлю тебе полный пакет,
А ты с соседнего облака мне помашешь в ответ.

Когда ты отгаешь, не будет уже никого из знакомых.
Ты их не узнаешь, очнувшись от тысячелетней зимы.
Ты будешь учиться дышать, словно только что вышла из комы,
Настраивать сердце, что дали в больнице взаймы.

Деревья, пока ты спала, умудряются вымахать вдвое.
И дети взросле, чем те, кто воспитывал их.
Кто думал, что знает, как надо — тот так ничего и не понял.
Кто выжил — тот прав и в ответе за прочих живых.

Несмело шагнёшь за порог, нацарапав на выписке росчерк.
Неужто апрель после тысячелетней зимы?
В той жизни, куда ты очнёшься, всё будет спокойней и проще,
И там мы другие, совсем не такие, как мы.

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА

МЕТАФОРМЫ.

МЕТАФОРЫ.

МЕТАМОРФОЗЫ

(Окончание статей «Метафора — это...», RedRum № 1-2015, электронная версия, и «Метафора и ее тропы», RedRum № 2-2016).

В предыдущих статьях мы остановились на тезисе, утверждающем, что метафора — это способ образного мышления. В практическом, литературном смысле это означает следующее: метафора — есть метод структурирования речи, позволяющий путем приращения смысла к слову, словесному обороту или тексту создавать художественные образы, способные передать мысль от ее творца к апперцептору — читателю или слушателю.

Такое определение звучит столь отвратительно сложно, что разбираться в дальнейшем просто не возникает желания, не правда ли? :) :) :) Непонятные термины, незнакомые понятия... Черт ногу сломит!

Счастье в том, что механизмы метафорического мышления инсталлированы в нашу речь «по умолчанию». Если бы этого не было, мы просто не имели бы возможности понимать друга друга! Ведь человеческое сознание глубоко индивидуально. Как часто горячие споры между людьми разгораются из-за разного понимания одного и того же слова, и заканчиваются... Ссорами и отчаянной констатацией факта, что спорщики «говорят на разных языках»!

Тем не менее, шанс взаимопонимания нам дан.

В 30-е годы прошлого века академик Л. В. Щерба на вводных лекциях курса «Основы языкоznания» приветствовал студентов странной фразой. Каждый раз это была импровизация, поэтому впоследствии разные источники цитировали ее по-разному. Наиболее известный вариант звучит так:

Темная сторона российской провинции

Сборник рассказов Марии Артемьевой
о таинственной России — ужасы и мистика
в городе и деревне, исторические загадки,
современная мифология. Не скучное чтение!

www.ozon.ru/context/detail/id/27913584

«Глокая куздра штеко кудланула бокра и кудячим бокрёнка».

Мы попросили знакомых художников проиллюстрировать эту фразу. И вот что получилось.

Михаил Городецкий

Александр Павлов

Как видите, несмотря на разницу индивидуального восприятия этой, на первый взгляд, абсолютной чепухи, во всех картинках наблюдается некоторое сходство: некий персонаж (женского рода) сделал что-то неприятное персонажу (мужского рода) и как-то не очень хорошо обращается с его детенышем. Именно такой смысл формирует для нас структура этих слов и этой фразы.

Бокренок — дитя бокра. В этом убеждены 99% носителей русского языка. Почему? Благодаря характерному способу словообразования — соединение корня «бокр» — и суффикса —онок, -енок (ежонок, ребенок). Так же, по аналогии, мы воспринимаем и остальные слова и взаимоотношения их внутри фразы: различаем глаголы, существительные,

Игорь Авильченко

прилагательные, наречие; распознаем члены предложения — подлежащее (куздра) и сказуемые (кудланула и кудрячит). Мы понимаем, кто в этой фразе действует активно, а кто — страдает, являясь объектом действия... (Мы видим, кто кому что сделал!)

Прочувствуйте, насколько в писательстве важна ФОРМА. Как много СОДЕРЖАНИЯ она содержит! Или, если хотите, насколько ФОРМА формирует содержание.

Вот еще пример: стихотворение Бориса Заходера из его пересказа «Алисы в Стране чудес». Написано изначально по-русски. Как бы.

БАРМАГЛОТ

*Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве.
И хрюкотали зелиюки, как мюмзики в мове.
Обойся Бармаглота, сын, он зол, свиреп и дик.
А в куще рымит исполин — злопастный Брандашмыг.
Бубух-бубух горит нава, взы-взы стрижает меч.
Ува-ува и голова барабардяет с плеч.
О светозарный мальчик мой, ты победил в бою.
О храброславленный герой, тебе хвалу пою.
Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве.
И хрюкотали зелиюки, как мюмзики в мове.*

Даже не зная в точности, кто такие зелиюки и мюмзики, читатель прекрасно понимает, что речь тут идет о битве («победил в бою») некоего героя с чудовищем («Бармаглот», который «зол и дик», да к тому же где-то поблизости от него — «исполин — злопастный Брандашмыг»). Герой победил. Это несомненно, ведь побежденным хвалу, как правило, не поют.

Мы понимаем всю эту чушь благодаря форме, конструкции. Образно выражаясь — благодаря оболочке, в которой заключен смысл. Эмоционально воспринимаем звукоподражательные элементы, изображающие битву («бубух-бубух», «взы-взы» и «ува-«ува»). И основной смысл всего текста мы понимаем благодаря контексту — той внутренней смысловой конструкции, на которую опирается любой текст. В стихотворении «Бармаглот» контекст создается понятной читателю соответствующей тематической лексикой — «бой», «герой», «победил», «меч». И т.д.

Контекст служит каркасом тексту. Он задает структуру, структура создает смысл. И текста вне контекста не существует, как не существует живого организма на Земле, не подверженного гравитации.

Когда встречаются двое и говорят друг другу: «Ну, ты как? — Да ничего себе!» — для них этот разговор не является бессмыслицей. Ведь они знакомы, и это знание (контекст всего предыдущего) позволяет им прекрасно разбираться в предмете беседы.

Они понимают друг друга. Даже если беседа выглядит так:

«— Выстребаны обстряхнутся,— говорил он,— и дутой чернушенькой объятно хлюпнут по маргазам. Это уже двадцать длинных хохарей. Марко было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облыгиго ружают. На том и покалим сростень.

Это наш примар...

Дон Рэба пощупал бритый подбородок.

— Студно туково,— задумчиво сказал он.

Вага пожал плечами.

— Таков наш примар. С нами габузиться для вашего оглода не сростно. По габарям?

— По габарям,— решительно сказал министр охраны короны.

— И пей круг,— произнес Вага, поднимаясь».

(А. и Б. Стругацкие, «Трудно быть богом»).

Если представить себе, что язык — это насыщенный раствор, включающий в себя всю лексику, все культурные смыслы и исторические оттенки, известные носителям данного языка — то, следуя аналогии, можно представить, что текст вырастает из этого насыщенного раствора как кристалл — нечто замечательно красивое, осмысленное, с четко заданной формой. Мысль структурирует язык, форма создает смысл.

Всякое речевое высказывание существует только внутри контекста. И не одного, а, как правило, нескольких, вложенных один в другой, подобно матрешкам. Создавая текст, мы создаем формы — контексты. Чем больше таких структурных авторских контекстов внутри текста — тем больше в нем искусства, тем выше уровень мастера, создавшего текст.

Когда маленькие дети осваивают родную речь — они в первую очередь воспринимают именно конструкции, формы. И учатся их воспроизводить. Все эти детские «агуканьи» и «гуления», первые звукоподражания (Собачка — «ав-ав», «авка», кошка — «киса», считалки «эн-бене-ряба...» т.д. и т.п.) — это формы, построенные на звуковых и морфологических аналогиях.

Созданием подобных речевых конструкций занимаются и взрослые — когда им необходим тайный или же сакральный язык. Шаманские магические гlosсолалии, язык заговоров, воровские жаргоны — все эти явления обусловлены одним и тем же свойством мозга выстраивать смыслы по аналогиям, опираясь на речевые конструкции и контексты.

В этом и состоит метафорическое мышление — действие, неотъемлемое от мыслительного процесса и речевой практики.

Подобно тому, как ученые создают искусственные модели природных явлений, изучая их в лабораториях — так и исследователям литературной практики легче исследовать все тонкости предмета на искусственных примерах.

Приведенные выше образцы искусственных языков — это литературный приём, теорию которого разработали русские поэты и писатели начала 20 века. Называется он — заумь или заумный язык.

В отличие от обычного языка, в зауми на первое место выступает не конкретное значение сказанного, а как раз конструкции. Именно поэтому заумь — идеальный «подопытный» для изучения механизмов речи и текста.

Американский филолог Джеральд Янечек определил заумь как язык с неопределенными значениями.

В зависимости от уровня языковой структуры, на которой строится искусственная конструкция, он выделяет 4 вида зауми:

— фонетическая: сочетания букв не опознаются как осмысленные морфемы;

— морфологическая: осмысленные по отдельности корни, префиксы и суффиксы складываются в слова с неопределенным смыслом;

— синтаксическая: осмысленные, нормальные слова не складываются в осмыщенное предложение, взаимоотношения между словами в предложении или словосочетании неопределены;

— супрасинтаксическая: смысл формально правильного предложения, составленного из правильных слов, остается неясным.

Фонетической формой зауми много занимались русские поэты

Давид Бурлюк, Велемир Хлебников, Алексей Кручёных, Василиск Гнедов.

Ещё Михаил Ломоносов утверждал, что «каждый звук имеет свою содержательную энергию. Но эта энергия... эмоциональна».

В 1919 г. в статьях «Наша основа» и «Художники мира!»

Велемир Хлебников — главный теоретик и практик заумного языка — предложил толкования звуков, каждому из которых соответствует, по его мнению, определенный смысл.

В дальнейшем его теоретические и, в большой степени, интуитивные гипотезы подкрепили исследования лингвистов, и на их основе была создана теория фоносемантического анализа Остгуда-Журавлева.

Согласно А.П. Журавлёву, каждому звуку человеческой речи соответствует значение, воспринимаемое подсознательно. Для русского языка он составил список 23 качественных характеристик звуков русской речи, 23 измеряемых шкалы. Согласно этой теории, любое слово, помимо его лексического смысла, мы воспринимаем еще и как сочетание звуков — подсознательно, эмоционально и иррационально. И не редко это подсознательное иррациональное значение — сильнее, нежели рациональное, воспринимаемое на другом уровне — уровне лексического смысла.

Почему так? Здесь можно вернуться к первой статье цикла, в которой рассказывалось о теории языка гениального Афанасия Потебни. «Всякое слово — есть стянутая метафора». Потебня объяснял образования слов и механизм стягивания в них смысла... Можно продолжить эту мысль и предположить, что все звуки современной речи — наше языковое наследие, доставшееся от далёких доисторических предков. Для которых звук А означал силу, радость, мужество, а И вызывал тревогу, предупреждал об опасности...

Теперь читатель, вероятно, сумеет серьезнее воспринять звукописные эксперименты упомянутого выше Велемира Хлебникова. К примеру:

Бобэби пелись губы.

Вээоми пелись взоры.

Пиээо пелись брови.

Лиээй — пелся облик.

Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.

Так на холсте каких-то соответствий

Вне протяжения жило Лицо.

(1908-1909)

Первая реакция прочитавшего: ну и бред!..

А вот отзыв литературоведа Юрия Тынянова: «Переводя лицо в план звуков, Хлебников достиг замечательной конкретности: „Бобёби пелись губы...“

Губы здесь прямо осознательны — в прямом смысле. Здесь чередование губных б, лабиализованных о с нейтральными э и и — дана движущаяся реальная картина губ; здесь орган назван, вызван к языковой жизни через воспроизведение работы этого органа... Звуковая метафора... ощущимая до иллюзии». Как сказал специалист по Хлебникову Р.В. Дуганов: «слово у Хлебникова не соответствует предмету — оно его порождает».

В начале 20-го века довольно большое число поэтов и писателей в России обращались в своем творчестве к заумному языку. Может, это было обусловлено эпохой — когда рассыпались старые культурные структуры и смыслы, возникла острая необходимость вернуться к аморфному хаосу, чтобы заново извлечь, вырастить новые смыслы. Поэтому во всех искусствах того времени существует обращение к конструкциям и конструктивизму: в литературе, живописи, архитектуре... Впрочем, это предположение. И оно уже выходит за рамки статьи.

Но раз уж вспомнили историю вопроса, можно упомянуть еще таких замечательных заумников, как поэт и теоретик Александр Туфанов и обэриуты Даниил Хармс и Александр Введенский. В 1925 году они вместе создали «Орден Заумников», но Хармс и Введенский вскоре перешли от фонетической зауми — к семантической, к абсурду и алогизмам.

Завершая серию статей о метафоре, какие мы можем сделать практические выводы? Ведь не ради голых теоретизирований они затевались.

Вывод 1. Чтобы создать текст, надо иметь идею, мысль. Это двигатель всего: идея структурирует материю, мысль создает форму.

Вывод 2. Форма, в которую вы облекаете свою историю, не есть нечто второстепенное, чем можно пренебречь — это основной инструмент, который и создает ваш текст. Если форма — негодная, кое-как сляпанныя, текст выйдет аморфным и не будет способен передать читателю вашу идею. В таком тексте нет смысла.

Вывод 3. Форма текста, над которым вы работаете, должна быть осмысlena и структурирована по возможности на всех уровнях. Пользуйтесь всеми возможными инструментами для структурирования, которые предоставляет язык: фонетика, лексика, морфология, синтаксис. Продумывайте, прорабатывайте детали. Метафорическое мышление вам в помощь!

Вывод 4. Не бойтесь экспериментов. Состояние творчества — это состояние игры. Когда вы пишете — вы играете со словом, вы играете в слова. Это и есть главный секрет творческого процесса: бесстрашное, почти безумное экспериментирование — игра. Ничего не надо бояться.

Вывод 5. ... ??? !!! Нет. Хватит выводов! Теория мертва без практики. И вот вам, в качестве вдохновляющего напутствия, цитата из манифеста «Слово как таковое», подписанного Велемиром Хлебниковым и другими заумщиками:

«Живописцы будут любят пользоваться частями тел, разрезами, а будут любят речетворцы — разрубленными словами и их причудливыми хитрыми сочетаниями...»

Неплохая хоррорная картина? А теперь — создавайте свою.

Когда мы объявили о создании журнала, мы, признаемся, еще не знали, как будем иллюстрировать и оформлять его. Но — удивительное дело! Госпожа Удача уже все придумала за нас. В почту RR пришло письмо с предложением: «А давайте я вам иллюстрации сделаю?» Совершенно незнакомый человек...

Теперь, когда Михаил Городецкий иллюстрирует уже второй номер — мы решили, что, пожалуй, пора познакомиться с этим уникальным человеком и познакомить с ним читателей.

ним в Луна-парке нравятся американские горки или мороженое. Мне нравится пещера с черепами.

RR: Михаил, Вы к нам сами пришли... А мы ни у кого рекомендаций не спрашиваем — сразу даем работу. И смотрим: справится человек или нет? Но исподтишка потом, конечно, проверяем — кто, что? Ну, из любопытства. Вот скажите, пожалуйста, не тот ли вы Михаил Городецкий, кто иллюстрировал детскую книжку Дитлофа Райхе «Фредди и большой шурум-бурум» в 2005, кажется, году? Информация с Фантлаба. Вот — это ваши картинки?

ХУДОЖНИК В УЖАСАХ

RR: Любите хоррор, Михаил?

Михаил Городецкий: Хоррор для меня — это комната ужасов. Такой аттракцион. Од-

Михаил Городецкий: Ого, что вы откопали! Да. Это мои картинки. 12 лет назад рисовал.

RR: Ну, удовлетворите наше любопытство, расскажите о себе: где учились, работали, где живете, чем занимаетесь?

Михаил Городецкий: Живу в Санкт-Петербурге. Учился я в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Факультет графики, мастерская книжной графики профессора А.А. Пахомова. Работаю в СПбГУ, факультет искусств, кафедра дизайна.

RR: Расскажите, как Вы вообще начали рисовать? Как давно? Чего достигли в этом нелегком деле? Ну, кроме того, что стали первым художником первого российского бумажного хоррор-журнала... :)

Михаил Городецкий: Рисую с детства. Первыми моими серьезными рисунками были портреты актера Александра Филипенко в роли Кощя Бессмертного...

RR: О-о! Что характерно... :) А достижения?

Михаил Городецкий: Являюсь членом общества любителей графики и Ex-libris НОЛЭ. Хотя, не уверен. Взносы я заплатил один раз. Больше не просили.

RR: По слухам, у вас были персональные выставки в Питере?

Михаил Городецкий: Были выставки. И персональные... Последняя — в Малом выставочном зале ЦВЗ «Манеж». И совместные. В том же Малом зале, в прошлом году — я курировал выставку «Ленинградская литография 80-х из собрания Михаила Карасика».

RR: Тестовый вопрос. Как Вы относитесь к Стивену Кингу?

Михаил Городецкий: Хорошо. Прочитал, наверное, все, что переводилось на русский язык. В армии сделал эскизы иллюстраций к двум его романам. «Бесконница» и «Нужные вещи». Пока стоял ночью на вахте.

RR: Кого любите читать, смотреть, слушать? Какие у вас любимые художники-писатели-музыканты? Каких авторов вам больше нравится иллюстрировать, каких — меньше?

Михаил Городецкий: Длинный получится список. Боюсь кого-нибудь забыть. Раньше боялся иллюстрировать классиков, слишком много замечательных

конкурентов. Теперь нет. Интересно же нарисовать своего Шерлока Холмса или Дракулу.

RR: Наш автор и заместитель главного редактора Алексей Шолохов обожает у всех отбирать карандаши — дурная привычка с детства, карандаши очень любит... Миша, а Вы рисуете прямо на планшете? Кто-то карандаши отобрал или Вы сами с ними расстались?

Михаил Городецкий: Нет. Рисую карандашом. Обрабатываю после. Компьютер замечательный инструмент.

RR: Ваши иллюстрации выглядят этакой забойной смесью русского лубка, русского авангарда, гравюры, коллажа... Мы когда увидели их — сразу поняли: это наше! Есть в них что-то от работы Виктора Франкенштейна... :) Как можно охарактеризовать Ваш стиль рисования?

Михаил Городецкий: «Я не мясник, не иудей и не заезжий шкипер, а любящий и верный вам, навек ваш. Потрошитель».

RR: :) :) :) Эти иллюстрации интересно рассматривать. Они и декоративны, хорошо смотрятся в печати... И всякий раз представляют из себя загадку — что же в них такое изображено?.. Какую задачу Вы обычно ставите себе, иллюстрируя художественные тексты?

Михаил Городецкий: Удивить себя. Чтобы было интересно. Делая графические листы, стараюсь избегать подготовительной работы, эскизов и т.п. Мне нравится, когда, как говорят работники театра, «Концепция меняется».

RR: Мы тут заметили одну интересную вещь. У нас среди писателей-хоррорщиков довольно много рисовальщиков-любителей — Максим Кабир, Маша Артемьевна, Леша Шолохов, Сергей Демин. Такие несостоявшиеся художники... (Параллели с Гитлером напрашиваются сами собой). А вот среди художников-

хоррорщиков иногда встречаются — ну, не будем говорить несостоявшиеся — но, в общем, пишущие люди. У Вас не было желания что-то написать? Страшненького?

Михаил Городецкий: Умел бы писать — не стал бы рисовать. Мервин Пик или Туве Янссон — завидные исключения.

RR: Какие у вас, Михаил, мечты? Какой подарок хотели бы получить на день рождения? А через 10 лет?

Михаил Городецкий: Еще 10 лет. И еще. И еще.

RR: Миша, какие есть трудности и подводные камни в профессии иллюстратора (помимо того, что всякие ... хм... Норовят денег не заплатить)?

Михаил Городецкий: «А я себе хоббита иначе представлял!» Стереотипы. Однако, кто-то же нарисовал именно того хоббита, что прописался в массовом сознании. Придумал, как выглядит Фредди Крюгер. Волка и зайца из «Ну погоди!» нарисовал и заставил бегать. И этот кто-то ходил в школу, и у него были папа и мама!

RR: Какой совет можете дать начинающим художникам-иллюстраторам?

Михаил Городецкий: Стандартный. Забей на всех. Сиди-рисуй. И обязательно посмотри мультфильм про Слона-живописца. Если не видел.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАКТИКА

Кажется, нет ничего экстраординарного в том, что различные виды искусства оказывают взаимное влияние друг на друга. Но и в этом естественном и понятном процессе встречаются иной раз удивительные явления. Например — феномен Говарда Филлипса Лавкрафта, писателя ужасов, при жизни — неудачника и затворника... Который, тем не менее, оказал неожиданно столь мощное влияние на мировую культуру, что его вполне можно назвать «культовым». Возможно, одна из причин этого в том, что образы Лавкрафта получили поддержку в наиболее массовых видах искусства XX века: в кинематографе и музыке.

ВАЛЕРИЙ ТИЩЕНКО

КТУЛХУ ИГРАЕТ РОК

Великое множество музыкантов и по сей день продолжают вдохновляться творчеством Лавкрафта. Чаще всего в песнях и музыкальных композициях можно встретить некоторые аллюзии, отсылающие к «Мифам Ктулху», но есть музыканты, которые посвящают мифологии Лавкрафта целые проекты. Даже за последние двадцать лет их появилось немало.

Что любопытно: в музыке 60-70-х годов трудно встретить упоминания Лавкрафта. В те годы время его еще не пришло: в культурное явление писатель превратится ближе к 80-м годам, в эпоху расцвета хоррора, когда подросло молодое поколение писателей.

На музыкальной ниве первыми отдали дань почтения покойному классику его соотечественники. Музыканты не стали мудрить с названием и назывались просто — H.P. Lovecraft. Найти подробную информацию о группе крайне сложно, известно лишь, что в конце шестидесятых они выпустили два безымянных альбома и вскоре распались. Напрямую к мифологии Лавкрафта группа не обращалась, зато тема безумия — одна из любимых тем этого писателя — неоднократно затрагивается в их текстах.

Играл коллектив типичный для того времени психodelический рок с заметным влиянием джаза. Изюминкой их творчества можно считать большое количество используемых инструментов: кроме органа «Хаммонд» и фортепиано, музыканты сыграли и на банджо, и на губной гармонике. Оба релиза имели малую продолжительность — чуть более двадцати минут.

86-й год ознаменовался выходом альбома «Les morts vont Vite» французской команды Shub-Niggurath. Здесь тоже отсылок к Лавкрафту — самый минимум, зато музыка целиком и полностью соответствует названию и способна вывернуть мозг слушателей наизнанку.

Уместить творчество этой команды в имеющиеся музыкальные рамки сложно: с большой натяжкой их стиль можно охарактеризовать как прогресивный, авангардный рок. Описать, что наворотили музыканты в альбоме

можно только замысловатыми метафорами, вроде — «атмосферные черные облака зла покрыли землю»...

Музыка Shub-Niggurath не подчиняется логическим законам: атональность, хаотичность, инструменты нагромождены друга на друга — выдержать этот танец темных сил сумеют лишь закаленные уши.

К несчастью, выпустив еще два альбома, коллектив распался в середине девяностых после смерти фронтмена, Алена Балле — и был вскоре позабыт. Очень жаль, ибо музыканты опередили свое время лет на десять как минимум.

Пройдет еще четыре года, прежде чем трое молодых финнов — Нико Скорпио, Йори Сьюроос и Микко Руотсалайнен — положат начало проекту Thergothon. Ирония судьбы в том, что подобно Лавкрафту, который стал знаменит только после смерти, эта команда обрела культовый статус и множество переизданий лишь спустя несколько лет после роспуска.

На сей раз музыканты напрямую черпали вдохновение из произведений Лавкрафта. Вот один из их любопытных текстов:

*«В царстве ветра и тёмных божеств
Чёрный лесной козёл со своим молодняком.
Наблюдатели — по ту сторону вселенной,
Их глаза — в скрытых измерениях.
Громадные строения из слизистого чёрного камня
Выстроены руками — не похожими на человеческие.
На чёрной звезде, неподалёку от Альдебарана
Искажённые небеса с ядовитыми облаками...
Злобность сей пустоши — хотя эти области заселены —
Нечестивое присутствие этих древних существ почти ощущимо...
Их не увидеть, их не коснуться. Но ты можешь чувствовать
Их присутствие постоянно, ты можешь учить их,
Вонь их грязного присутствия...»*

С карьерой этим ребятам не повезло изначально: первое демо «Ftagh-Nagh Yog-Sothoth» капризной публике, как говорится, «не зашло» — отзывы были противоречивые и продавалось оно плохо. Музыканты стали жертвой собственной оригинальности.

Первые песни были сочинены в стиле дэт-металл и, по понятным причинам, выделяться среди тысяч однообразных групп оказалось невозможно, поэтому они стали играть очень медленно и тяжело, тем самым невольно дав жизнь новому жанру — funeral doom.

Дебют на сцене тоже не удался — после двух выступлений в родном городе Турку, ребята решили завязать с концертной деятельностью. Параллельно группа готовила революционный релиз под названием «Stream from the Heavens». Формула успеха альбома оказалась проста: гитары — еще ниже, вокал — утробнее, атмосфера — гуще и тяжелей. Единственная ложка дегтя — подвалный сырой звук, так что слушать этот релиз желательно владельцам мощной акустики.

Релиз не попал в чарты Billboard, зато разошелся неплохим для андер-

Иллюстрация Игоря Авильченко

ное — качественный звук и запись. Отличительная особенность проекта — полное отсутствие клавиш, что для жанра едва ли не нонсенс. Обычно синтезаторы используют, чтобы разнообразить аранжировки, дабы слушатель не уснул. Мистеру Дель Русси хватило таланта избежать этого — его музыка рисует перед взглядом неведомые миры, иные пространства и измерения. Тексты — по-лавкрафтовски чарующие — полны загадочности.

*«Тот, кто спит, нестареющий, вне времен
Теперь пробуждается от беспокойного сна
Пузырятся глубины его водной могилы
При звуках призыва,
В преддверии гибели
Песнопения на незнакомом языке
Эхом отдаются в проклятых залах.
Великий открывает глаза.*

граунда тиражом в несколько тысяч экземпляров. А вскоре распалась команда — музыканты не смогли договориться, куда двигать проект дальше и разбежались.

Однако миссия Thergothon не была забыта. Кто-то же должен вещать о прибытии богов, существование которых не может постигнуть человеческий разум? Эстафетную палочку принял Джон Дель Русси — участник известных «погребальных» формаций Evoken и Hierophant, основавший проект Catacombs.

«In the Depth of R'lyeh» выдержан в лучших традициях Thergothon — грузные гитары, мощный гроулинг и глав-

Космос дрожит в ожидании Пробуждения небога»

К сожалению, в дискографии проекта этот релиз остается единственным, хотя музыкант неоднократно заявлял, что Catacombs не заброшен, и он работает над свежим материалом. Но... Проклятье Ктулху? Возможно, и оно почему-то касается только значимых релизов.

В то время как профессиональные музыканты клепают концептуальные альбомы, энтузиасты из Лавкрафтовского исторического общества, а вернее, его лидеры — Эндрю Лиман, Майк Даладжер и Шон Бренни — готовили ответный удар. Ни много, ни мало — захотели создать рок-оперу! И самое интересное — у них получилось! Так обрела жизнь пластинка «*Dreams of Witch House: A Lovecraftian Rock Opera*».

В основу либретто положен рассказ мастера «Сны в Ведьмином Доме». Отличие в том, события в опере рассказаны от лица студента Элвуда, который исповедуется священнику. Не имея за плечами музыкального опыта, энтузиасты-дилетанты пригласили троих звукорежиссеров и продюсеров и плюс целый штат профессиональных музыкантов. Сами они так же не остались в стороне — Лиман и Бренни обнаружили неплохие артистические способности, озвучив двух главных персонажей, и самостоятельно исполнив большую часть партий. И все же — они сильно уступают своим соратникам — Элейн Кашья и Джоди Эшворту — как в профессионализме, так и в эмоциональном накале. На конечный результат это влияет слабо, хотя Эшворту с его великолепным басом можно было выделить побольше партий. Несмотря на разброс жанров: тут и мелодичный, бодрый хэви, и баллады, и готика, и даже дум-металл — релиз вышел цельным и продуманным. Его можно смело рекомендовать к прослушиванию всем поклонникам Лавкрафта и музыкальным ценителям.

*«Кланяйся ему, посмотри в лицо повелителю ночи,
Созерцай Владыку Демонов во всём его величии.
Ты должен наслаждаться,
Принеси себя в жертву, воздай должное его Высочеству,
Древнему злу,
Что скрывается вне всего пространства и времени,
Пространства и времени.
Азатом!
Страшные истины разоблачает,
Азатом!
Агонизирующее безумие являет,
Азатом!
На троне хаоса, сдавайся Азатому,
Азатому!»*

В своих текстах эти музыканты использовали в точности те же образы, что

и певец Ктулху — в литературе: невероятные строения из «Хребтов Безумия», склизкие морские создания из «Тени над Инсмутом», пантеон жутких богов... Разве что не хватает упоминаний козодоев.

И музыканты не только дотошно переносят в свою работу основные образы Мифов, но и стараются передать с помощью музыки тревожную, удручающую атмосферу, характерную для лучших произведений писателя.

Кроме «Мифов», Лавкрафт написал цикл «сновидческих» рассказов. Это — фантастические тексты с легким привкусом сюрреализма; особой популярностью они не пользуются. Скорей всего, потому, что слишком сложны для восприятия массовым читателем. Непросто уследить за разгулявшейся фантазией Лавкрафта, понять и расшифровать заложенные в этих текстах образы и смыслы.

А вот «Мифам» повезло: читатель быстро раскусил центральную мысль, угадал направление дальнейшего развития. В результате легионы учеников «отшельника из Провиденса» принялись расширять и углублять вселенную мастера. Благодаря чему мы сегодня имеем тонны фан-арта и сотни книг, и уже устоявшиеся образы в читательском сознании. И их уже — не искоренить!..

Не так много музыкантов полностью заняты только Лавкрафтом, но весьма многие среди них посвящают его «Мифам» отдельные альбомы.

Известный дуэт Nox Arcana не прошел мимо этой благодатной темы. Хотя вышедший в ноябре 2004 года альбом «Necronomicon» заметно уступает дебютному «Darklore Manore»; он получился менее эффектным и скучноватым. И после него музыканты к «Мифам» не возвращались.

В отечестве на этой ниве отметилась пост-блэк металл банда Deafknife; свой одноименный альбом парни полностью посвятили Мифам. В результате мы получили качественный блэк-металл, но не более. К сожалению, ничего особенно оригинального, чтобы как-то запомниться, команда не предложила.

Более интересный релиз предоставили загадочные украинцы Ossadogva. Они играют не совсем типичный депрессивный блэк-металл с сильным оккультным привкусом. «IA Ancient One» — зрелый и сильный релиз. Благодаря речетативам и многочисленным эффектам музыкантам удалось точно передать дух произведений Лавкрафта, да и в музыкальном плане критиковать их не за что.

Реальность нынче такова, что без Лавкрафта немыслим современный хоррор. И даже больше — современная культура. Ктулху еще много лет назад опутал наши умы своими склизкими щупальцами, вплелся в нашу жизнь.

Можно сказать, захватил мир.

При этом — не успев даже покинуть свою сырую гробницу.:)

В этот раз дежурить по рубрике согласился Сергей Дёмин — главный Александр Варго «черной серии» ЭКСМО.

А на разбор к мэтру попал рассказ Дмитрия Стебловского...

ЛЕС ПОВЕШЕННЫХ

«Сложно давать развернутую рецензию, поскольку данный рассказ нельзя отнести к тематике «ужасы-мистика-хоррор».

И все же попытаюсь разложить по полкам свои впечатления».

Ян заворожено разглядывал чудесные вещи, выставленные на полках.

Хозяин сувенирной лавки явно знал толк в том, как привлечь покупателя. Сверкающие манящие товары словно просились в руки. Блеск хрома, запах кожи, яркое переплетение всевозможных цветов. Часы, фотоаппараты, телефоны, игрушки, разнокалиберные брелоки, расчески и украшения — целая россыпь сокровищ.

Взгляд мальчишки жадно блуждал и не знал, на чем остановиться.

Отец тем временем изучал рыболовные и охотничьи снасти, что занимали стенд позади продавца — потного толстяка в засаленной майке, который не-подвижно стоял за прилавком, будто паук, ожидающий добычу.

Наконец Ян определился и ткнул пальцем:

— Вот! Купи!

Продавец с необычайной для его телосложения ловкостью юркнул из-за стойки, две секунды поколдовал над упаковкой и подал Яну пакет. Увидев радостный огонек в глазах мальчишки, довольно оскалился, демонстрируя заслюнявленный рот с частоколом гнилых пеньков:

— Пятьсот рублей.

Отец выдал недовольное бормотанье, в душе негодуя, что дал себя облапошить.

Однако вытащил кошелек, отсчитал нужную сумму и бросил на прилавок. Сокрушительно мотая головой, подтолкнул сына, вовсю терзающего упаковку, и поспешил к выходу из магазина, где толпилась группа отдыхающих.

— Господа туристы, напоминаю:

никто никуда не рыпается,

Сувенирная лавка, где был приобретен планшет, больше напоминает закуток секонд-хенда. Представляется, что в данном случае сувенирами должны быть некие фигурки, кулоны, подвески, магниты и пр., а не подержанные гаджеты. Впрочем, это ИМХО.

500 рублей для папаши слишком дорого? Фигасе. Везти сына на бог знает где затерявшийся остров, где болтаются человеческие трупы, видать, не очень дорого, а вот купить сыну побитый в трещинах планшет за 500 рублей – дорого...

Некорректное выражение, режет слух. Так можно говорить в местах лишения свободы или в ходе разборок. Гид не имеет права позволять себе подобные высказывания.

экспонаты не трогает, с тропы не сходит! — бородатый гид без особого энтузиазма выкрикивал заученную инструкцию, лениво обмахиваясь шляпой.

— Противогазы берем в мешке! Потом все вернуть, буду пересчитывать!

Ян семенил за отцом. Радость переполняла его, ноги все норовили пустьтись в дикий мальчишеский танец. Наконец, отбросив в сторону ошметки пакета, он вытащил на свет планшетный компьютер. Потертый, с паутиной трещин на дисплее, но рабочий.

Зажал кнопку, прикусил от восторга язык и зачарованно посмотрел яркую заставку. Далее начал тыкать пальцем в иконки, сосредоточенно сопя.

— Пап, такая классная штука! — мальчик шалел, прыгая как козленок, — здесь даже фотки остались!

— Угу, — ответил тот небрежно на очередное восторженное восклицание.

Отец не разделял его восторга. Он только что выбросил на ветер приличную сумму, чего не собирался делать. Но он пообещал бывшей жене удовлетворять все прихоти сына. Иначе не отпустила бы малого с ним в поездку.

Пока Ян увлеченно вертел подарок, отец страдал от душного влажного воздуха и мысленно был в баре с кружкой ледяного пива.

— Натягивай противогаз. Идем в болото, — выдал устало.

Сын пропустил его слова мимо ушей, сосредоточено листая фотографии, на которых белокурый, приблизительно его лет мальчик играл с лохматым пском. Куча снимков, снятых один за другим. Быстро листая, можно получить практически видео.

Получив по шее, Ян немедленно спрятал планшет в наплечную сумку и достал противогаз.

Вереница посетителей аттракциона «Лес повешенных» двинулась по тропинке, вдоль которой дышало болото. В нем, словно могильные кресты, торчали корявые деревья, укрытые старым бурым мхом. На поверхности колыхалась и пузырилась склизкая пленка, отсвечивающая радиоактивным мерцанием. От мерзко пахнущей жижи, чей затхлый ядовитый аромат пробивался даже сквозь фильтр, поднималась еле заметная зеленоватая дымка. Гид объяснил группе, что если надышаться этих испарений, будешь блевать черной кровью, а легкие сгниют изнутри за считанные минуты.

Папа держал Яна за лямку рюкзака и осматривался сторонам, заинтересовавшись необычным пейзажем. Малый сразу же воспользовался этим и тихонько вытащил планшет.

Странное ощущение. Будто в замочную скважину подсматриваешь. Чужая жизнь, чужие лица. Кому-то ведь принадлежало это устройство до того, как попасть в сувенирную лавку. Хотя папа и был уверен, что все те вещи принадлежали повешенным, на которых они идут смотреть, мальчик сомневался,

Хардкор и Доброта

Нескучные толстовки, свитшоты и футболки.

Доставка по России.

Незаезженные принты. Оригинальность.

Если вы еще не определились, что интересного подарить близким,

«Хардкор и доброта» решает эту проблему на раз-два.

Постоянное обновление каталога. И да, у нас есть то, чего нет у других.

Добро пожаловать:
vk.com/club87680726

что это действительно так.

Там ведь просто трупы висят (как говорилось в брошюрке), а на фотографиях — живой мальчик.

Впереди показался пробел в зарослях. Путники вышли на широкую поляну, что островком круглилась среди кустарников. Болото здесь было высушено, в буйной траве — деревья ровными рядами. Гид терпеливо дожидался отстающих, не забывая посматривать на часы.

Ян приоткрыл рот, заворожено смотря по сторонам. Это место было мрачно-величественным, словно кладбище. Волей-неволей умолкаешь, чтобы не нарушить торжественную тишину.

На толстых ветвях висели те, ради кого вся эта компания сюда пришла.

Десятки повешенных — взрослые и дети, качались от ласкового дуновения весеннего ветра. Они демонстрировали притихшим зрителям, что жизнь — это песчинка в океане. Гиду же эта ежедневная картина говорила: во все времена люди будут сmakовать смерть, чужое горе, и ни одна война не приведет их к осознанию собственной жестокости. А еще он думал о своем неплохом заработка.

Толпа разделилась на маленькие группки и разбрелась по поляне.

— Это место отчаянья и скорби. Это — последняя песнь умирающих, на устах с которой они заявляли о своем нежелании раствориться в изъедающей их болезни, —

артистично, но монотонно вещал их проводник, спрятавшись в тени мощного ствола, прямо под многодетным семейством. Голос раздавался из небольшого динамика, прикрепленного к лацкану куртки.

Ян подошел к дереву, заинтересовавшись одним из экспонатов. Поднял голову, хрюплю дыша в душном противогазе.

С обтянутого зеленоватой кожей лица, обрамленного белокурыми волосами, на него внимательно смотрели пустые глазницы. Тугая веревка скрипела, когда тело раскачивалось, в тон ей гудел между ветвей печальный ветер.

— Это ведь ты, да? — прогудел мальчик из-под маски.

А потом, дернув повешенного за кроссовок, добавил:

— Спасибо за планшет!

С трудом верится, что парень перед таким захватывающим дух «шоу» лезет в планшет и рассматривает чужие фото. Мне бы, к примеру, висячие трупаки были бы куда интересней)))) опять же, дело вкуса. Можно было указать, что фотка умершего парня была фоновой фоткой на рабочем столе, и не нужно было шариться по папкам. Опять же, ИМХО.

Ничего не сказано о самом острове, где он располагается и при каких обстоятельствах он был выбран самоубийцами в качестве сведения счетов с жизнью. Более того, ни одна власть, даже самая анархичная, не допустила бы такого «аттракциона» на своей территории. Это перебор во всех смыслах. Хотя, учитывая моральное разложение общества, вполне допускаю, что лет через 20 подобное будет в порядке вещей. ЗЫ: В Японии есть лес суицидников, может, этим навеяно???

Ну, разумеется, все обломала концовка. Не помню, в каком-то фильме один мужик снял проститутку, и когда в подворотне сунул ей руку... гм, короче, ясно, куда, оказалось, что там член (могу ошибаться, но кажется, это фильм «На игле»). И мужик дико обломался. Наверное, ощущения от концовки этого рассказа были чем-то схожи с чувствами того обломавшегося дядечки. Задумка рассказа была вполне достойной, и я ожидал неожиданную интересную развязку. А так... получилось из серии: «В одном черном-черном дворе стоял черный-черный дом...» и так далее. С другой стороны, если рассказ специально писался в качестве прикола, это уже другое дело...

**«Из плюсов: легкий, складный и удобоваримый стиль изложения.
Удачи!»**

С уважением, Сергей Демин (А. Варго).

Вызов Александра Матюхина (рассказ «Птица», 295 слов; 1917 знаков в предыдущем номере RR) принял бесстрашный Александр Подольский! И он отвечает своему тезке жутким рассказом в 156 слов и многозначительными 999 тысячью знаков!

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ

БЫСТРЫЕ СВИДАНИЯ

(156 слов; 999 знаков)

ОБ АВТОРЕ

Александр Подольский (1985 г.р.) – писатель, журналист, один из основателей культового вебзина DARKER

и создатель хоррор-курса «Чёртова дюжина».

Работает в «тёмных» направлениях литературы. Публиковался в журналах и сборниках России, Украины,

Белоруссии, Германии и США. В настоящее время проживает в Подмосковье.

В новомодный формат знакомств я влюбился сразу. Бокал вина, приятная музыка, таймер на десять минут и женщины — одна за другой. Тут некогда робеть, надо действовать.

Длинноволосую пышку в наряде похотливой учительницы звали Оля. С нее все началось. Следом шла Ира — тихоня с большими влажными глазами. Саша нервничала и заикалась, Юля игриво облизывала заячью губу, а неформалка Инга хвасталась фигурными шрамами на бритом черепе.

Уродство не пугало, за годы хирургической практики я видел и не такое. Наоборот — увечья возбуждали. Влекла пустая глазница Ани. Дразнил обрубок языка во рту Насти. Сводили с ума торчащие сквозь плоть ребра худышки Вики.

Женщины были на любой вкус. Не имело значения, что создавал я их из одной, самой первой. Заводил таймер и приступал к работе. Десять минут, чтобы отсечь лишнее, придумать образ, дать имя. И перейти к следующему свиданию. Пока слух ласкают крики незнакомок, а в горе мяса и костей бьется одно на всех сердце. И пока остается шанс встретить свой идеал.

ШУБКА ИЗ РЫЖЕЙ ЛИСЫ

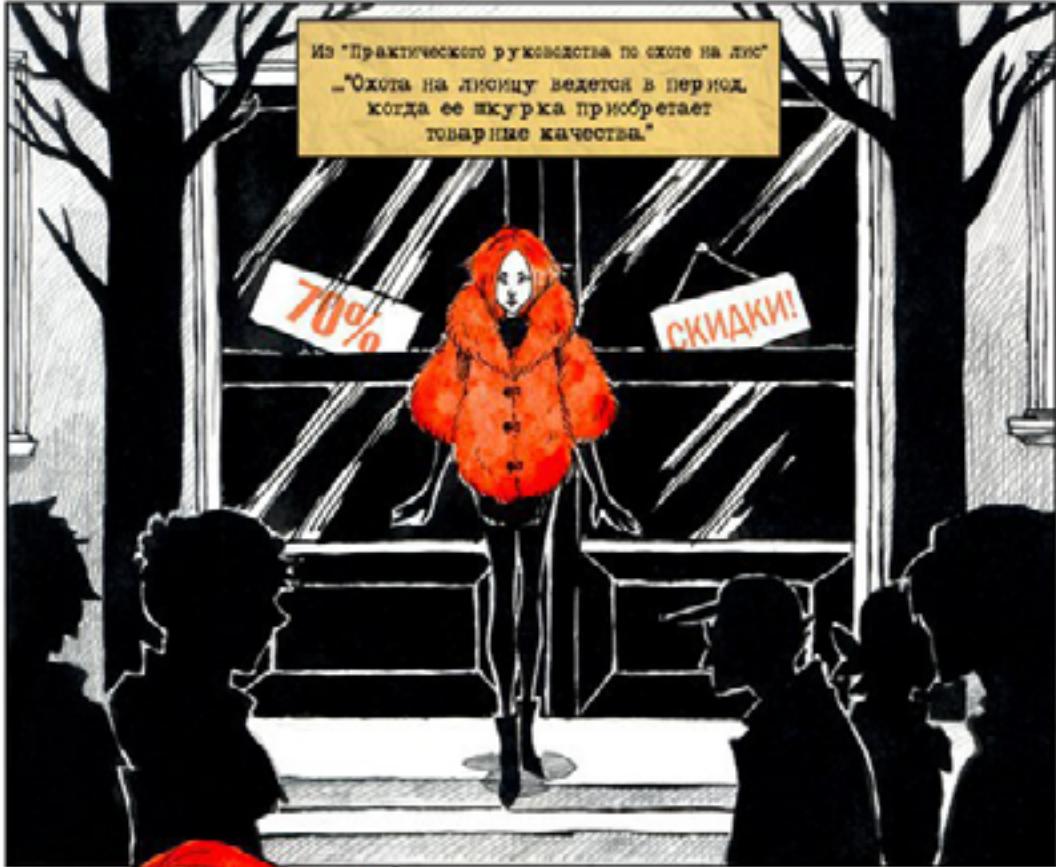
По рассказу
Марии Артемьевой

—
Художник
Михаил Артемьев

Из "Практического руководства по охоте на лис" .
"Охота на лисицу ведется в период, когда ее шкурка приобретает товарные качества."

"Один из охотников является захваченным, а другой – стрелком. Загонщик должен знать зверя, постепенно прикимая его к стрелку, стоящему внутри за фланками."

НИК!
ТЫ!

"Когда будет взята лисица-хозяйка,
ее место займет следующая.
Охотник должен своевременно подбрасывать приваду,
чтобы весь сезон охоты была более предсказуемой."

Из "Практического руководства по охоте на лис"

